

У. Е. Мусабекова

ДИРЕКТИВНАЯ ОРТОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Монография

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

УДК 80/81
ББК 81.2 Рус-3
М 91

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
(протокол № 9 от 30.04.2018) и РИСО КазНУ им. аль-Фараби
(протокол № 6 от 04.05.2018)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Е.А. Юрина** (ТГУ, Россия)
доктор филологических наук, профессор **Л.М. Шайкенова** (КазНУ)

Мусабекова У. Е.

М 91 Директивная ортология: теория и практика: монография
/ У.Е. Мусабекова. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. –
246 с.

ISBN 978-601-04-3669-5

Монография посвящена обоснованию директивной ортологии как науки, изучающей системно-языковые факторы, определяющие процесс нормализации новой лексики. Материалы и результаты данной работы содержат критерии оформления на письме отонимических наименований разных структурно-семантических типов. Определенные особенности грамматической адаптации отонимических наименований и выявленные базовые лингвистические критерии для их орфографической типологии представляют интерес как при рассмотрении общетеоретических проблем ономастики, так и при решении проблемы оптимальной интерпретации орфографической нормы. Теоретическая значимость исследования также определяется тем, что она позволяет решить задачу систематизации и кодификации важного фрагмента русской лексической системы и обогащает новыми данными теории номинации, словообразования и неологизации.

Результаты исследования также будут полезны для акиматов, центров миграционной службы, центров социологических исследований, центров картографии.

**УДК 80/81
ББК 81.2 Рус-3**

ISBN 978-601-04-3669-5

© Мусабекова У.Е., 2018
© КазНУ имени аль-Фараби, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Кардинальные социально-политические реформы общества конца XX века оказали мощное воздействие на развитие национальных языков постсоветских государств. С обретением независимости и возникновением нового государства изменилась языковая ситуация в Республике Казахстан. При этом наблюдаются в динамике упрочнение и расширение позиций казахского языка во всех сферах общественной жизни. Смена идеологии казахстанского общества, ориентированная на процесс государственного самоопределения, прежде всего, отразилась на изменении идеологии онимизации, направленной на возрождение национальной ономастической системы, складывавшейся на протяжении многих столетий.

Восстановление и возвращение исторических названий, устранение транслитерационных искажений и ошибок в написании казахских названий стали основой независимой ономастической политики суверенного Казахстана. Возрастающая общественно-политическая роль ономастики в этноязыковой политике Республики подчеркивается в Концепции ономастической работы и обеспечивается нормативно-правовой поддержкой со стороны государства. Переименование географических объектов РК проводится в соответствии с Законом РК от 8 декабря 1993 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан», а также с Постановлением Правительства РК от 5 марта 1996 года «Об утверждении порядка наименования и переименования организаций, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов Республики Казахстан и изменении транскрипции их названий».

В результате активно осуществляемой деятельности по упорядочению топонимических и других наименований, характеризующихся значительными противоречиями в написании и широкой вариативностью в употреблении, перед лингвистами Казахстана остро встал вопрос об ускоренной регламентации их правописания.

Действующие «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные еще в 1956 г. как общеобязательный свод правил, на сегодняшний день оказались несостоятельными в регламентации многих вопросов орфографии, касающихся унификации и стандартизации новых национальных онимов, являющихся своеобразным зеркалом кардинальных преобразований в обществе и общественном сознании. Для выработки предписаний, регламентирующих орфографические правила в написании новых слов, необходим учет глобальных изменений в языковой и речевой ситуации на рубеже XX-XXI веков и связанных с ними современных тенденций в практике письма.

Функционирование русского языка начала XXI века характеризуется освобождением языковой системы от жесткого «орфографического режима» *нормы – догмата*, разрешавшего или категорически запрещающего то или иное явление в языке, и пришедшей ему на смену «орфографической свободой» *нормы – выбора*, допускающей варьирование языковых средств в необычно широких пределах. Значительные противоречия, наблюдаемые в современном состоянии русского языка, свидетельствуют о складывающихся новых тенденциях в понимании нормы.

Определение и детальное изучение природы этих противоречий крайне важны для работы над усовершенствованием языковой нормы и выработки практических рекомендаций с учетом новых явлений в языке с целью успешной их реализации в речевой практике.

Понятие нормы является одним из фундаментальных, но осмысление явлений, связанных с нормой, в современной науке о языке характеризуется неопределенностью в связи с отсутствием понятийно-категориального статуса в системе лингвистических дисциплин. Специфика развития и современного состояния изучения нормы свидетельствует о широчайшем спектре научных направлений ее разработки и обязательной ее вклю-

ченности во все разделы языкознания, рассматривающих норму как совокупность языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых обществом, или как тенденции в отборе этих средств.

Норма характеризуется как интегративное свойство языка, позволяющее ей проявляться в разных сферах языковой системы. Как известно, в русском языкознании проблема нормы традиционно изучается в разделе культуры речи. В.В. Виноградов как главную задачу русского языкознания в области культуры речи определяет изучение норм языка на всех уровнях языковой системы в их отстоявшихся формах, противоречиях и вновь развивающихся тенденциях [Цит. по: 1, с. 199].

Задача теоретической разработки проблем, относящихся к вопросам языковой нормализации с учетом функционального потенциала языковой системы и решения орфографического вопроса с позиций, прежде всего, теоретического обоснования нормализации и кодификации тех или иных явлений в языке, продолжает стоять перед исследователями. В настоящее время среди русистов наметилась тенденция нарушить традицию «игнорирования» орфографии как науки и вывести вопросы правописания из области периферии в центр научного внимания. «Оттого, что правописание можно реформировать, – отмечает В.Ф. Иванова, – орфографии отказывают в научности, считая ее сугубо прикладной дисциплиной, и от этого она несет несомненные потери как наука» [2, с. 110].

Отмеченные тенденции в эволюции русского языка свидетельствуют об актуальности изучения *ортологии* (от греч. *orthos* – прямой, правильный; от греч. *logos* – слово, понятие, учение) как науки о нормированной речи, не получившей в лингвистике целостного обоснования своей теоретической концепции и методологической базы в период общественных трансформаций.

В монографии обосновывается *директивная ортология* (от англ. *direction* – предписание, приказ) как наука, изучающая системно-языковые факторы, определяющие процесс нормализации новой лексики.

1.1. Ортология в системе лингвистических дисциплин

Понятие *норма* является в лингвистике одним из фундаментальных. В XVII-XVIII вв. это были идеи нормативных грамматик и словарей. В языкознании XIX в. проблема нормы обсуждалась как соотношение общечеловеческого (логического), национально-го и индивидуального (психологического); младограмматики выдвинули понятие узуса, противопоставив его искусственности литературно-письменной нормы и индивидуальности речевого акта. Отправной точкой в понимании нормы можно считать труды ученых Пражского лингвистического кружка, где впервые актуализируется мысль о двухаспектной природе языковой нормы. В лингвистике XX в. проблема нормы стала разрабатываться, с одной стороны, в связи с проблемой реализации языковой системы, а с другой – в связи с изучением литературных языков и культуры речи.

Ортология как современная лингвистическая дисциплина, поставленная в современную лингвистическую парадигму, существенным образом изменяется и в качественном, и количественном плане.

В XX в. разработка проблем ортологии – языковедческой дисциплины, объектом которой является норма, – осуществлялась в России, Чехии, Германии и в других лингвистических центрах. Российские ученые (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, К.С. Горбачевич, Е.С. Истрина, Л.П. Крысин, Б.А. Ларин, В.В. Лопатин, С.И. Ожегов, А.М. Пешковский, Л.И. Скворцов, Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский и др.), развивая идеи В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Э. Косериу, осмысливали категорию нормы в соотнесении с другими фундаментальными лингвистическими понятиями, придавая, таким образом, орто-

логическим исследованиям общетеоретическую значимость. В центре внимания чешских лингвистов (Б. Гавранек, К. Гаузанблас, А. Едличка, В. Матезиус) оказалась проблема разграничения нормы, рассматриваемой как собственно языковое объективно-историческое образование, и кодификации, являющейся результатом нормализаторской деятельности специалистов. Немецкие исследователи Д. Нериус, В. Хартунг достигли существенных результатов в разработке вопроса о принципах дифференциации норм, указывая, в частности, на необходимость выделения языковых, или системных, норм (Sprachnormen, Sprachsystemnormen) и коммуникативных норм, или норм применения языка (kommunikative Normen, Sprachverwendungsnormen). Обсуждение общих положений в сфере ортологии сопровождалось решением более конкретных задач: во всех лингвистических центрах при помощи различных методов изучались нормы, соотносимые с разными уровнями языковой системы [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14], описывались варианты средства языка, определяющие норму как проблему выбора [15; 16; 17; 18].

Интерес к ортологии в последние годы заметно возрос, в то же время широкий круг вопросов, связанных с концептуально-методологическим осмыслением ортологии как самостоятельного направления современного языкознания, еще не получил глубокого и всестороннего изучения. Не имеет пока общепринятого, устоявшегося определения и само понятие *ортология*. Знакомство с трудами ученых по данной проблеме обнаружило множество различных подходов к ее решению. Спектр мнений весьма разнообразен: от самого широкого подхода к пониманию ортологии до умеренно широких трактовок, характеризующихся, тем не менее, своеобразием осмысления самого понятия *ортология*. Термин *ортология* применительно к работам нормативного и нормализующего характера закрепился в лингвистической литературе 60-х гг. XX века. В 60-е годы XX века О.С. Ахмановой, Ю.А. Бельчиковым и В.В. Веселитским предлагалось создание особой лингвистической дисциплины под названием *ортология* (от греч. *orthos* – прямой, правильный; *-логия* – греч. *logos* – слово, понятие, учение) – раздел языкознания, объектом которого является теория правильной литературной речи [19]. Ортология рассматривается как часть науки о культуре речи, как «относи-

тельно автономное направление исследований, объектом которой является языковая норма», или даже как «раздел языкознания, объектом которого является теория правильной речи» [20, 21].

Понятие *ортология* связано с овладением нормами устного и письменного литературного языка – правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др. Отличие ортологии от фонетики, грамматики, лексикологии, фразеологии, по мнению авторов, прежде всего, состоит «в том, что основной категорией ортологии является категория вариантности, для выявления и описания которой следует обратиться к изучению функционирования языка как важнейшего средства человеческого общения, а также к изучению характера и объема сознательного воздействия на развитие языка со стороны его носителей». В основе данной категории «лежит сосуществование параллельных способов выражения, имеющих общее лингвистическое (грамматическое, лексико-семантическое, фонологическое) значение, но различающихся оттенками и сферой распространения» [22, с. 35].

По этому поводу на страницах журнала «Вопросы языкознания» в свое время развернулась обширная дискуссия. Ю.М. Скребнев высказал противоположное мнение о создании науки под названием «ортология» и, констатируя ряд сомнительных фактов, утверждал, что «широта, неочерченность предмета ортологии лишней раз заставляет усомниться в правомерности ее создания» [23, с. 142]. Вслед за ним Н.Н. Семенюк в 1965 году, рассматривая морфологические, фонетические варианты слов в немецком языке, применяя при этом термин «диапазон варьирования», отмечал, что, хотя существует сам факт вариантности, виды и формы, пути преобразования вариантов изучались очень мало. Не сомневаясь в необходимости изучения нормы и вариантности как определенных лингвистических понятий, исследователь тоже ставил под сомнение создание такой науки, как «ортология» [22]. Однако следует обратить внимание, на то, что автор «Толкового переводоведческого словаря» Л.Л. Нелюбин включил термин в данное издание с определением «учение о правильности, нормативности речи» [24, с. 131].

В настоящее время наблюдается ослабление аспекта «запрет» и усиление разрешающей (креативной) стороны ортологии.

Развивается положение М.В. Панова о том, что в настоящее время усиливается личностное начало, диалогичность, стилистический динамизм, «норма становится не столько системой запретов, сколько выбором языкового средства» [10, с. 15]. Нарушения нормы становятся объектом научных исследований, так В.И. Марковская исследует проблемы ортологической процедуры в аспекте нарушений синтаксических норм [25]. В.И. Марковская анализирует ортологическую процедуру в деривационном аспекте и разрабатывает деривационный механизм по устранению нарушений синтаксических норм.

Проблема типологизации речевых отклонений от стилистических норм современного русского литературного языка рассматривается в исследовании И.В. Береля [26], который теоретически обосновывает необходимость создания единой многоуровневой типологии речевых отклонений от стилистических норм современного русского литературного языка и намечает общие принципы разграничения речевых отклонений от общелитературных и стилистических норм на всех уровнях языковой системы.

Большой вклад в исследование теории ортологии внесла ортолого-коммуникативная школа Саратовского университета, труды которой в данной области обобщены в коллективной монографии «Хорошая речь», одна из ее глав называется «Правильность – необходимый, но недостаточный критерий хорошей речи» [27].

Достаточно активное использование в лингвистической литературе последних двух десятилетий термина ортология (*ортологическая систематика, ортологическая кодификация, ортологическая интерпретация, ортологический выбор, ортологическая основа, ортологические тенденции, ортологические рекомендации, ортологический анализ, ортологическая процедура, ортологический меморандум, ортологические проблемы и т.д.*), расширение его словообразовательного гнезда, свидетельствуют не только о его чрезвычайной удачности (им можно кратко обозначить все, что имеет отношение к языковым нормам), но и о тенденции выделения самостоятельной лингвистической дисциплины с таким названием. В современной лингвистической науке описание общей теории ортологии пока еще не нашло своего цельного и непротиворечивого обос-

нования. Однако основы теории ортологии в науке уже заложены в исследованиях, посвященных понятиям языковой нормы, кодификации, нормализации (С.И. Ожегов, Л.И. Скворцов, А. Едличка, Б.С. Шварцкопф, К.С. Горбачевич, А.И. Горшков, В.А. Ицкович, Л.К. Граудина и др.).

При этом довольно дискуссионным является само определение предметного поля ортологии. Общеизвестным в этих научных дискуссиях представляется признание категории нормы как базовой в теории ортологии, хотя многие принципиальные теоретические вопросы теории нормы остаются дискуссионными.

1.2. Теоретическая основа ортологии

Определяющим в современной трактовке ортологии как самостоятельного направления языкознания является типология норм, разработанная А. Едличка и включающая три ортологических класса:

1) формационные (системные) нормы – «совокупность языковых средств и закономерностей их использования, свойственных данной форме существования языка, которые ей приписаны коммуникативным сообществом и которые в соответствии с этим данное коммуникативное сообщество использует как обязательные» [28, с. 140];

2) коммуникативные нормы – ортологические образования, непосредственно связанные с процессом коммуникации, обусловленные ситуацией общения и регламентирующие использование не только вербальных, но и невербальных элементов;

3) стилистические нормы – ортологические феномены, не ограничивающиеся проблемой выбора и употребления языковых средств в тексте, а охватывающие вербальные, тематические и собственно текстологические компоненты.

Последний класс А. Едличка считает наиболее широким. Данное положение вызвало возражение у С.И. Виноградова [29], предложившего другое решение: поскольку сферой действия стилистической нормы является текст, представляющий собой лишь один из структурных компонентов процесса коммуникации, а коммуникативная норма охватывает весь коммуникативный

процесс, то именно она обладает наиболее широким объемом и включает в себя нормы других типов. Мы в целом разделяем точку зрения С.И. Виноградова, согласно которой коммуникативная норма – более широкое ортологическое образование, чем норма стилистическая.

Значимость приведенной трихотомии А. Едлички для ортологии трудно переоценить. Концепция чешского лингвиста расширила предметное поле ортологических исследований: в центре внимания ученых оказались нормы коммуникативные [29; 30; 31; 32] и жанрово-стилистические [33; 34; 35; 36; 37]. Их изучение стало осуществляться с опорой на положения психо- и социолингвистики, теории речевых актов, теории речевых жанров, функциональной стилистики и других перспективных лингвистических направлений. Однако при этом формационные нормы оказались отодвинутыми на периферию исследовательских программ, а между тем эвристический потенциал, который содержали лингвистические концепции, соотносимые с данным ортологическим классом, еще далеко не исчерпан.

Современные концепции нормы в статическом аспекте – результат развития идей, восходящих к учениям В. Гумбольдта [38] и Ф. де Соссюра [39]. Согласно мнению В. Гумбольдта, язык есть деятельность (*energeia*), осуществляемая индивидуальными речевыми актами, а устойчивая языковая система (*ergon*) является как бы застывшей лавой языкового творчества, абстрактным конструктом, созданным в процессе научного анализа. Феномены, соотносимые с гумбольдтианской оппозицией *ergon* – *energeia*, осмысливаются и в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, концепцию которого, по мнению Л. Ельмслева [40], можно свести к разграничению языка (*langue*) и речи (*parole*). Женевский лингвист рассматривал язык как устойчивую систему нормативных форм и противопоставлял его индивидуально-творческим актам говорения.

Выявленные В. Гумбольдтом и Ф. де Соссюром антиномии оказались значимыми для развития многих лингвистических направлений. С учетом указанных оппозиций осуществлялась и разработка ортологических проблем. Так, результатом анализа соссюрского понятия *langue* в статье Л. Ельмслева стала три-

хотомия «схема – норма – узус», где схема – чистая форма, определяемая независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации, норма – материальная форма в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации, узус – совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций. Язык-схема, язык-норма и язык-узус ведут себя неодинаково по отношению к речи, которую Л. Ельмслев вслед за Ф. де Соссюром рассматривал как индивидуальный акт. Норма предполагает узус и акт речи, но не наоборот. Между узусом и актом речи имеют место отношения взаимообусловленности. Наконец, схема предполагается актом речи, узусом и нормой, но не наоборот.

Норма, узус и речевой акт, будучи реализациями схемы, тесно связаны между собой и составляют, по сути, один сложный объект, главным компонентом которого Л. Ельмслев считал узус; акт речи исследователь квалифицировал как преходящий факт, а норму называл искусственным построением, фикцией.

Признание фиктивности языковой нормы вызвало возражение у Э. Косериу [41], который, пересмотрев некоторые теоретические положения Л. Ельмслева, придал трихотомии вид «система – норма – речь». Указанные уровни являются относительно самостоятельными и отличаются друг от друга разной степенью абстракции. Система, по Э. Косериу, есть система возможностей, охватывающая идеальные формы реализации определенного языка, то есть технику и эталоны языковой деятельности. Норма – коррелят системы, соответствующий не тому, что «можно сказать», а тому, что «уже сказано» («говорится» в обществе по традиции). Это значит, что норма включает в себя исторически реализованные модели. Понятие нормы у Э. Косериу, таким образом, соотносится с понятием узуса у Л. Ельмслева. Речь рассматривается уругвайским лингвистом как конкретная речевая деятельность, имеющая двустороннюю направленность: подравнивание к традиции, во-первых, и подравнивание к собеседнику, во-вторых. Выделенные уровни находятся в одной плоскости и обуславливают друг друга, они связаны, если воспользоваться термином Л. Ельмслева, отношениями интердепенденции (взаимообусловленности).

Э. Косериу считал, что его схема является принципиально двухплановой. Если рассматривать ее в плане реализации возможностей (система – норма – речь), придется признать, что норма уже, чем система, поскольку она есть выбор в пределах возможностей, предоставляемых функциональной системой; норма представляется первой ступенью реализации возможностей системы, речь – второй. Противоположна указанному плану абстрагирования схема (речь – норма – система). В этом плане норма, будучи первой ступенью абстрагирования от речи, шире, чем система, последняя понимается как вторая ступень абстрагирования.

Основные положения концепции Э. Косериу нашли отражение в ряде работ российских лингвистов, причем здесь они преломлялись с различными коррективами. Было обнаружено, например, что в двухплановой схеме «система – норма – речь» имеется момент, допускающий неоднозначное толкование. Реализация возможностей системы отнесена Э. Косериу к уровню нормы, однако, делается оговорка, что речь идет об обязательной реализации, освященной культурной традицией. Между тем в реальной языковой практике встречаются ненормативные реализации языковой системы, которые приходится отнести к уровню речи. Трихотомия «система – норма – речь», в плане реализации возможностей системы распадается на два звена: «система – норма» и «система – речь», и тогда между планом реализации возможностей и планом абстрагирования возникает несоответствие. Пытаясь сохранить трихотомию, Ю.С. Степанов [42] переосмысливает содержание понятия нормы, внося коррективы в центр схемы Э. Косериу. В модифицированном варианте трихотомия Ю.С. Степанова выглядит так: «структура – норма – индивидуальная речь», где под структурой языка понимаются его фонемы, морфемы, конструкции, а также отношения между ними («структура» у Ю.С. Степанова идентична «системе» у Э. Косериу). Уровень индивидуальной речи соотносится с реальными речевыми актами, а уровень нормы связан со всеми существующими реализациями, как традиционными, так и нетрадиционными: «Все существующие реализации в совокупности образуют уровень нормы. Те же реализации, которые самим обществом признаны как правильные, образуют норму в узком смысле слова,

норму как правильную речь» [42, с. 169]. В этом тезисе понимание уровня нормы выступает одновременно и как широкое (все реализации), и как узкое (традиционные реализации). Оценивая данное решение, Б.С. Шварцкопф [43] указывает, что такая нагруженность термина мало способствует как дифференциации понятий, так и определению специфики разграничиваемых явлений.

Если Ю.С. Степановым была сделана попытка переосмыслить схему Э. Косериу в плане реализации возможностей системы, то концепция Н.Н. Короткова [44] соотносится с планом абстрагирования. Исследователь выявил три этапа анализа и описания языкового строя: норму – систему – структуру, отделив их границей абстракции от речи (говорения). Первый этап (норма) противопоставлен второму (системе) по характеру функций: на уровне нормы реализованы отношения идентификации, а на уровне системы – дифференциации. Разграничение второго и третьего этапов базируется на принципе, выдвинутом А.А. Реформатским [45], в работе которого система трактуется как взаимосвязанность элементов в пределах одного яруса, а под структурой понимается взаимосвязанность элементов в плане иерархии уровней. По мнению Н.Н. Короткова, норма, система, структура являются последовательными ступенями анализа строя языка от явления к сущности и от менее глубокой сущности к сущности более глубокой. Трихотомия Н.Н. Короткова отражает результаты рефлексии над языковым строем, то есть переносит проблему языковой нормы в ментальную сферу, – вот почему уровень речи остается за ее пределами, а верхняя часть схемы Э. Косериу подвергается трансформации.

С иных позиций концепция Э. Косериу рассматривается у П.М. Алексеева [46]. В его работе приведена схема речевой деятельности, включающая в себя четыре компонента: систему (то, что и как «можно говорить»), норму (то, что и как «следует говорить»), узус (то, что и как «принято говорить», «обычно говорится») и речь (то, что и как «говорится на самом деле»). Между нормой и речью находится, таким образом, еще одно звено – узус, представляющий собой своего рода обобщение конкретных речевых актов. Система и норма относятся к *langue*, узус и речь – к *parole*. При этом норму и узус объединяет выполняемая ими функция фильтра, поскольку, с одной стороны, они распределяют

возможности системы по конкретным речевым актам в зависимости от ситуации, а с другой – отбирают накопленные в речевых актах изменения, прежде чем они попадут в систему.

П.М. Алексеев подвергает трансформации нижнюю часть трихотомии Э. Косериу. По его мнению, представленная таким образом схема речевой деятельности обладает тем преимуществом, что она не разрывает статический и динамический аспекты: «Каждый уровень может рассматриваться в статическом (жестко синхронном) плане, а последовательность действия компонентов (уровней) схемы – в динамическом: сверху вниз (в нежестком синхронном плане) – процесс реализации системы; снизу вверх (в диахроническом плане) – развитие нормы и системы» [46, с. 47]. Положительные стороны такого подхода очевидны, однако один из тезисов П.М. Алексеева кажется нам сомнительным. Исследователь противопоставляет норму узусу по признаку кодифицированности/некодифицированности: «Узус, видимо, можно понимать как неосознанную и некодифицированную норму» [46, с. 47]. Из этого следует, что кодифицированность признается дифференциальным признаком нормы. Такое утверждение противоречит принципиальной методологической установке членов Пражского лингвистического кружка: чешские лингвисты рассматривали норму как внутриязыковое явление и настаивали на необходимости отграничения понятия нормы от понятия кодификации. Это требование представляется нам вполне оправданным, поэтому, с нашей точки зрения, заслуживает внимания концепция В.А. Ицковича [7], в работе которого также сделана попытка преодолеть разрыв между синхронией и диахронией, но без обращения к понятию «кодификация».

В.А. Ицкович выделяет в языке три уровня: систему, структуру и употребление. Система языка, как и у Э. Косериу, – это не то, что реально существует в языке, а всё то, что может быть в нем создано. Не все возможности, предоставляемые системой, используются языком, например, в современном русском литературном языке причастия не имеют формы будущего времени, хотя система в этом отношении никаких ограничений на язык не накладывает. Под структурой языка понимаются реализованные возможности системы, то есть то, что Э. Косериу называл нормой. Структура языка включает в себя некоторые модели сис-

темы в виде открытых и закрытых списков, регистрирующих распределение реальных языковых образований между моделями. Структура – это заполненные клетки системы. Употребление – живая речь (устная и письменная) во всех ее проявлениях. Употребление не только опирается на систему, но и расшатывает ее, являясь той сферой, из которой в систему проникают внесистемные образования. Система, структура и употребление составляют трихотомию, сложно соотносящуюся с категорией нормы. Последняя включает в себя структуру и то из употребления, что хотя и противоречит системе (и, следовательно, не входит в структуру), но закрепилось в традиции литературной речи, соответствует тенденции развития языка и поэтому является основой развития новых элементов. В концепции В.А. Ицковича схема Э. Косериу подвергается, таким образом, кардинальным изменениям: норма не рассматривается как один из компонентов трихотомии, она как бы накладывается на схему.

Правильность речи – это фундаментальное качество, которое проявляется в том, что говорящий соблюдает кодифицированные нормы языка, или языковые предписания. Следовательно, отступление от правильности речи – ошибка. Правильность речи устанавливается на основании базовой дихотомии речь-язык. Сущность правильности интерпретируется с учетом исторических особенностей развития языка, наличием его подсистем и вариантов.

Языковая норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств в данную эпоху. Норма обслуживает все социально важные сферы человеческой деятельности и выполняет роль фильтра, который пропускает в литературный язык все яркое, меткое, необходимое и отсеивает случайное, невыразительное, ненужное.

Интересным представляется тот факт, что норма постоянно изменяется. Причины изменения – антиномии (от *греч.* *antinomia* – противоречие в законе), т.е. противоречия, которые сопровождают функционирование норм:

1. Антиномия устойчивости и изменчивости (с одной стороны, норма устойчива, привычна, стабильна, регламентирована, а с другой стороны, изменчива). То, что в прошлом было обязательно, сейчас может стать анахронизмом.

2. Антиномия внутреннего и внешнего (с одной стороны, норма – внутреннее, имманентное, недоступное для реформирования; с другой стороны, норма – очень подвержена внешним влияниям).

Социальная обусловленность развития языка – аксиома современной лингвистики. Однако происходящие в обществе изменения, в т.ч. и крупные социальные преобразования, воздействуют на язык не прямолинейно: они могут ускорять или замедлять темп языковой эволюции, способствовать перестройке отдельных участков языковой системы, но содержание и механизм языковой эволюции, природа эволюционных процессов обусловлены внутренними, присущими языку закономерностями (антиномиями).

Хотя понятие антиномии использовалось в лингвистике еще в трудах Л. Ельмслева, «М.В. Панов рассматривает разные антиномии в их взаимосвязи и формулирует ряд положений о природе антиномий, об их реализации в ходе языковой эволюции, о влиянии на эту реализацию социальных факторов и т.п., что в совокупности можно, несомненно, считать теорией антиномий», – отмечает Л.П. Крысин [47, с. 9].

Согласно утверждению Л.П. Крысина, пожалуй, впервые в отечественной социолингвистике с помощью этой теории были вскрыты *механизмы* языковой эволюции и показана социальная обусловленность действия таких антиномий, как антиномии кода и текста, системы и нормы, говорящего и слушающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной. Таким образом, хотя антиномии внутренне присущи языку и характеризуют собственное его развитие, их действие социально обусловлено. В качестве такого обуславливающего начала выступают социальные факторы. Они неодинаковы по своему влиянию на язык, имеют разную лингвистическую значимость. Одни из них, глобальные, действуют на все уровни языковой структуры, другие, частные, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней.

Таким образом, лингвистическую базу теории ортологии составляют: лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта об антиномии языка как деятельности и как продукта деятельности; общая теория нормы как языкового феномена; социолинг-

вистическая теория иерархии форм существования национально-го языка, основной оппозицией в которой является оппозиция «литературный язык – нелитературные формы существования языка»; основные положения функциональной стилистики (теория функциональных стилей, разграничение функциональных разновидностей литературного языка); теоретические положения дисциплин, репрезентирующих коммуникативно-прагматический аспект культуры речи (риторики, стилистики, теории текста, теории коммуникации), которые помогают оценить нормативность употребления языковых единиц с точки зрения коммуникативной успешности конкретного употребления; данные описательных лингвистических дисциплин (фонологии, лексикологии, функциональной грамматики).

1.3. Интегративная модель теории ортологии

В современной лингвистике в настоящее время отчетливо разграничиваются два подхода к инновациям в языке. Дескриптивный (описательный) и нормативный. Приверженцы первого подхода фиксируют новые явления, не ставя цель давать им позитивную или негативную оценку, в то время как при втором подходе – нормативном новые явления строго рассматриваются с позиций традиционной речевой нормы; высказывается даже мысль о необходимости создания особой науки – лингвоэкологии, призванной защищать классический русский язык. Авторы подобных работ тщательно фиксируют и собирают примеры речевых ошибок политиков, журналистов, в устных и звучащих СМИ, в прямом эфире и т.д.

Так, в исследованиях О.Б. Сиротининой, С.Е. Никитиной, В.Е. Гольдина, Н.И. Толстого выявляются тенденции в использовании языковых средств, их функционировании в повседневной речевой коммуникации, выделяются и характеризуются типы речевых культур носителей языка: элементарный, среднелитературный, просторечный, наглядно-речевой, арготический и жаргонизирующий. В сфере литературного языка рассматриваются элитарный и среднелитературный тип. Выделение типов речевой культуры основано на комплексе признаков лингвистических

(произношение, формообразование, словоупотребление, использование синтаксических конструкций); поведенческих; коммуникативно-риторических (с точки зрения эффективности общения, построения текстов); общекультурных (характер прецедентных текстов, стремление к самопроверке знаний и т.д.) [48].

До 90-х годов XX века в России основным выразителем языковой нормы был язык в его письменной форме, и, прежде всего, язык русской классической литературы, который, будучи кодифицированным, на этом основании противопоставлялся другим подсистемам языка. Однако в настоящее время, как указывает, например, Г.Н. Скляревская, «не следует забывать, что само понятие литературного языка возникло как антипод языка обиходного (обычно диалектного) – противопоставление, которое в современных условиях утрачивает значение» [49, с. 439]. О различии литературного (письменного) языка и языка живого, как наиболее яркого выразителя современного состояния языка, говорил еще Шарль Балли. «Литературный язык – это форма выражения, ставшая традиционной; это своего рода сухой остаток, итог всех стилей, накопленных чередой поколений; собрание литературных элементов, освоенное языковым сообществом, причем эти элементы составляют часть фонда естественного языка, оставаясь отличными от него. <...> Литературный язык живет прошлым и, естественно, склонен к архаизации» [50, с. 43]. Письменный язык, по мнению Шарля Балли, не раскрывает особенностей живого языка, а существует вне реальной жизни, одновременно в прошлом, настоящем и будущем, и в силу этого не может отражать реального состояния языка [50, с. 93].

Кардинальные социально-политические реформы общества конца XX века сделали явным то, что язык художественной литературы перестал, как это было до середины XX столетия, выполнять роль ориентира и тем более эталона не только для устной обиходной речи, но и для речи публичной вообще. Более того, живая публичная речь сама стала ориентиром для развития разговорного языка [51, с. 218]. В исследованиях по современной русской речи отмечается, что сейчас меняются оценки правильности качества речи: структурная правильность отступает (вероятно, временно) на второй план, освобождая место признакам функциональным. Ю.Н. Караулов пишет, что «функционализация

речи – это проявление здоровых жизненных сил» [52]. С этой точки зрения актуальной является оценка текста с точки зрения норм коммуникативных, а не только с точки зрения языковых. Максимально эффективное осуществление коммуникации – основная цель медиатекста.

Активные изменения, происходящие в языке современности, обосновываются такими социальными причинами, как демократизация общества, деидеологизация многих сфер человеческой жизни, антитоталитарные тенденции, снятие разного рода запретов и ограничений в политической и социальной жизни, открытость и взаимодействие с мировым сообществом в области экономики, политики, культуры и др. Как следствие этих процессов происходит «смягчение литературной нормы» [53, с. 67], «допущение в литературный речевой оборот таких средств, которые до недавнего времени считались принадлежностью некодифицированных подсистем русского национального языка» [54, с. 63].

Как правило, время активных социально-политических изменений в обществе влечет за собой кардинальные языковые изменения. «В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку» [47, с. 13].

По мнению Н.С. Валгиной, «несмотря на то, что язык современных СМИ производит часто негативное впечатление из-за ложно понятого тезиса о свободе слова, надо признать, что современный русский язык в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь – в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература... Сменой источников формирования литературной нормы объясняется и утрата нормой прежней жесткости и однозначности. Такое явление в современном языке, как вариативность нормы, – не признак ее расшатывания и потери стабильности, а показатель гибкости и целесообразности, приспособляемости нормы к жизненной ситуации общения» [55, с. 4-5].

Исследуемая в данной работе проблема принадлежит к кругу вопросов, недостаточно изученных в лингвистике. Недостаточ-

ную изученность проблематики языковой нормы можно объяснить, по-видимому, сложностью и многоаспектностью данного языкового явления. Разработка этого вопроса непосредственно связана с изучением внутренней и внешней обусловленности языкового развития, поскольку развитие литературного языка есть обновление его норм. Данное положение предопределяет необходимость проведения исследования как в синхронии, так и в развитии во времени (диахронии). По всей вероятности, лишь в результате динамического изучения вариантов литературного языка может быть установлена перспективная норма.

Разработка теории вариантности языковой нормы занимает существенное место в современной науке о языке. Большой интерес к проблемам языкового варьирования объясняется определенными сдвигами во взглядах на язык, в частности, отходом от точки зрения, согласно которой язык является однородной абстрактной системой.

Проблема вариантности языковых средств занимает одно из основных мест в современных социолингвистических исследованиях. По мнению Л.П. Крысина, именно на примере вариантных способов выражения можно проследить систематичность, последовательность влияния социального на языковое [54]. Однако С.И. Трескова предупреждает о сложности социолингвистического подхода к данной проблеме, которая состоит в том, что, с одной стороны, до сих пор не решен вопрос о природе вариантности языка, а с другой – не всегда удается четко соотнести факты языкового варьирования с внешними по отношению к языку факторами [56, с. 177].

Таким образом, языковая вариативность рассматривается лингвистами как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемые в языке подсистемы и единицы в плане формы и содержания, в синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир».

При рассмотрении проблематики нормы, нормативности в языке важным предстает обращение к двум аспектам данной проблемы: «норма как внутриязыковая категория, связанная с наличием потенциальных возможностей обозначения одного и того же явления, представляемых языком как системой; при

этом норма – результат действия ряда социальных факторов, определяемых существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени; и норма как осознание тех или иных средств языкового выражения в качестве правильных, образцовых и предписывание их употребления (это кодификация)» [57, с. 9, см. об этом также: Вербицкая, 2001, 2002].

Н.Д. Голев отмечает, что ортология – это уже не та дисциплина, «которая ассоциируется со списками правильных (подлежащих выучиванию) и неправильных (подлежащих запрету) произношений или написаний отдельных звуков, слов, словосочетаний в слабых (вариативных) позициях. Это наука о нормативной речи как системном объекте со сложной многоуровневой организацией. При таком подходе критерием правильности выступает уже не отвлеченный от речи «образец», однозначно предписываемый ортологическим меморандумом для облегчения (однозначного) выбора, а как коммуникативное задание данного типа речевых произведений в данных коммуникативных условиях» [58].

Соответствие коммуникативному заданию и есть главная, инвариантная, норма. Таким образом, норма регулирует выбор одного из возможных вариантов, предоставляемых языком говорящему. Понятие уместности выбора приходит на смену запрету и жесткому предписанию, формируется понимание толерантного отношения к стилистическому разнообразию вариантов: каждый из них потенциально уместен в определенных коммуникативных ситуациях. Тем самым ортология предстает наукой, которая стремится найти свое место в теории и практике речеведения, риторики, культуры речи, стилистики. В таком понимании ортологии есть диалектика толерантности и пуризма, креативности и регламентирующего, предписательного начала. Названные коммуникативно-деятельностные тенденции ортологии прослеживаются в научной литературе последних лет, например, в разделе «Ортология» книги «Культурно-речевая ситуация в современной России» (авторы раздела: Л.П. Крысин, Е.Н. Ширяев, Т.В. Матвеева, О.П. Ермакова, Е.А. Земская) [59], в статье А.Г. Жуковой «Ортология: переход к коммуникативно-деятельностному обучению» в сборниках «Русский язык: исторические судьбы и современность» [60] и в коллективной монографии «Хорошая речь» [27].

Важным направлением ортологических исследований становится изучение норм в функциональных разновидностях и подсистемах литературного языка. Очевидно, что одна из перспективных задач ортологии – кодификация устной (разговорной) речи. Кроме того, «сфера интересов» ортологии включает не только собственно литературный язык, но и другие формы существования национального языка. Явления, проникающие в литературный язык из жаргонов и просторечия (а эти нелитературные формы существования национального языка оказывают в современных условиях мощное влияние на литературный узус), должны подвергаться ортологической оценке. Очевидно также, что подобная оценка должна подкрепляться изучением узуса соответствующих подсистем национального языка, что, по нашему мнению, устанавливает тесную связь ортологии с такой дисциплиной, как социолингвистика.

Несомненна связь ортологии как прикладной дисциплины, направленной на нормализацию языка и речи с такими описательными дисциплинами, как фонетика, лексикология, грамматика, а также с другими дисциплинами, составляющими «культуру речи», – риторикой, функциональной стилистикой, теорией текста, теорией коммуникации.

Связь эта двусторонняя. Понятно, что без опоры на языковые нормы, без ортологического осмысления материала невозможно успешное развитие указанных дисциплин. При ортологической оценке тех или иных языковых фактов должны учитываться не только нормативность той или иной языковой единицы или ее варианта как таковых, но и их употребление в соответствии с определенной ситуацией и задачами общения [61].

В качестве методологической основы теория ортологии выдвигает принцип антропоцентризма, определяющийся в лингвистической науке как установка на анализ эмпирического материала в аспекте представленности «человеческого фактора» в языке. Антропоцентризм – важнейшее допущение о природе и организации языка, которое помогает понять, с какими функциональными, биологическими, психологическими и социальными ограничениями должна столкнуться коммуникативная система, как в своем происхождении, так и в своем реальном использовании. Теория ортологии входит в антропоцентрическую

парадигму научного знания и представляет собой дедуктивно-индуктивную теорию, опирающуюся на принцип деятельности и провозглашающую приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Последовательное использование системно-функционального принципа позволило рассмотреть совокупность языковых норм как систему, элементы которой подвергаются различным трансформациям в процессе функционирования.

Антропоцентрический принцип в современном языкознании традиционно распространяется на область лексики и гораздо реже – на материал грамматических категорий. Антропоцентрический подход как «научная мегапарадигма», по отношению к которой остальные языковедческие парадигмы выступают в качестве более частных, «позволяет по-новому интерпретировать морфологические категории, непрерывная традиция изучения которых составляет как минимум две с половиной тысячи лет, прежде всего, интересны в этом отношении морфологические категории, реализация которых детерминируется таким компонентом, как «сознание наблюдателя» [62].

Таким образом, интегративная модель основывается на «всепроникающем» характере нормы и обуславливает *комплексный ортологический подход* в определении нормативной оценки языковых явлений. Таким образом, исходя из тезиса о том, что объектом лингвистической (и учебной) дисциплины «ортология» является языковая норма, делаем вывод, что теоретической основой ортологии, без сомнения, должна являться теория языковой нормы [63].

Ортология – интегративное учение о нормативности речевой коммуникации. Интегративная модель ортологии органично соединяет структурный и функциональный подходы к изучению нормы и предполагает выделение аспектов ортологии.

2.1. Директивная ортология как самостоятельный раздел ортологии

Языковые процессы конца XX – начала XXI века характеризуются, прежде всего, сменой лексической парадигмы, отражающей происходящие в обществе социально-политические изменения. Изменение идеологии общества стимулирует процессы кодирования и декодирования действительности и как следствие – процессы кодификации и декодификации, касающиеся не только лексики, но в известной степени и других уровней языка.

В современной науке общепринятым является понимание нормы как динамического, социально обусловленного и исторически изменчивого явления. Регулярность отклонений от нормативных рекомендаций во многих случаях является показателем формирования новой нормы, отражением тенденций развития языковой системы.

Изучение языковой нормы – одна из самых острых проблем языкознания. «Споры вокруг этого важного социально-исторического и глубоко национального явления давно вышли за пределы узколингвистической проблематики» [64, с. 36]. Вопрос об источниках нормы, о механизмах, задающих норму, ставился уже давно, однако особую дискуссионность он приобрел именно в наше время, когда начали осмысляться процессы, происходящие в массовом обществе. Рассмотрение нормы как центрального понятия культуры речи и кодификации языка приобрело в наши дни особенно серьезное научное и общественное значение. Несмотря на то, что вопросы исследования языковых норм не раз находились в поле зрения исследователей-лингвистов, многие из них остаются весьма спорными.

Нормализаторский скептицизм (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, А. Мартине, Э. Косериу и др.), проявлявшийся как в отрицании самой возможности прогнозирования языковых изменений и вмешательства в речевую практику, так и в утверждении того, что «граница между ошибкой и многими новообразованиями лингвистически неопределима» [22, с. 140] и что «констатация норм вообще осуществима лишь в ретроспективном плане» [65, с. 299], уступил место признанию целесообразности и осуществимости (правда, в ограниченных масштабах) сознательного воздействия на нормы литературного языка [66, с.100-103].

Преобладание описательного характера нормы над предписательным обусловило выделение *директивной ортологии* как науки, изучающей системно-языковые факторы, определяющие процесс кодификации новой лексики.

В этой связи представляется целесообразным выделение самостоятельного раздела ортологии – *директивной ортологии*, объектом которой является теория нормирования новой лексики [67]. Процесс нормализации языковых инноваций предполагает выбор обязательного образца, причем критерии отбора нормативных реализаций, в основном, определяются узусом и имеют внешний (по отношению к языковым характеристикам нормативного варианта) характер, несмотря на то, что в целом связь с системой сохраняется. Такие качества узуса, как частотность реализации и связанная с ней престижность, оказывают решающее влияние на механизм отбора образца реальной нормы; признание вариативности норм как естественного и необходимого состояния языка, их неизбежного перекрещивания в речи влечет за собой усиление объективистского подхода в нормализаторской деятельности как индивидуумов, так и в целом общества.

Одним из самых дискуссионных вопросов теории нормы представляется вопрос о *критериях нормы*. К критериям нормы относятся системность языкового явления, частота его воспроизводимости и положительное отношение к нему образованных слоев населения. Критерий регулярной воспроизводимости не всегда может стать решающим при определении нормативности языкового явления. Установление нормы при помощи какого-либо критерия – процесс сложный и часто невозможный. Так, К.С. Горбачевич констатировал, что норма литературного языка

– сложное, диалектически противоречивое и динамическое явление. «Оно слагается из многих существенных признаков, ни один из которых не может быть признан решающим и самодовлеющим при всех обстоятельствах. Норма – это не только социально одобряемое правило, но и правило, отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей» [68, с. 31].

Норма исторически подвижна, но вместе с тем устойчива и традиционна, она обладает такими качествами, как привычность и общеобязательность. Стабильность и традиционность нормы объясняют некоторую степень ретроспективности нормы. Несмотря на свою принципиальную подвижность и изменчивость, норма предельно осторожно открывает свои границы для инноваций, оставляя их до поры до времени на периферии языка. Убедительно и просто сказал об этом А.М. Пешковский: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [6, с. 67].

Природа нормы двусторонняя: с одной стороны, в ней заключены объективные свойства эволюционирующего языка (норма – это реализованная возможность языка), а с другой – общественные вкусовые оценки (норма – закрепленный в лучших образцах литературы устойчивый способ выражения и предпочитаемый образованной частью общества). Именно это сочетание в норме объективного и субъективного создает в некоторой степени противоречивый характер нормы: например, очевидная распространенность и общеупотребительность языкового знака отнюдь не всегда (или, во всяком случае, не сразу) получает одобрение со стороны кодификаторов нормы. Так сталкиваются живые силы, направляющие естественный ход развития языка (и закрепления результатов этого развития в норме), и традиции языкового вкуса. Объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков. Для недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась классическая художественная литература. В настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать). В соответствии с этим меняется и языковой вкус эпохи, благодаря чему меняется и сам статус литературного языка, норма демократи-

зируется, становится более проницаемой для бывших нелитературных языковых средств.

Норма обладает некоторым набором признаков, которые должны присутствовать в ней в своей совокупности. Подробно о признаках нормы пишет К.С. Горбачевич в книге «Вариантность слова и языковая норма». Он выделяет три основных признака: 1) устойчивость нормы, консерватизм; 2) распространенность языкового явления; 3) авторитет источника. Каждый из признаков по отдельности может присутствовать в том или ином языковом явлении, но этого недостаточно. Чтобы языковое средство было признано нормативным, необходимо сочетание признаков. Так, например, в высшей степени могут быть распространены ошибки, причем они могут сохранять свою устойчивость на протяжении длительного периода времени. Наконец, языковая практика достаточно авторитетного печатного органа может оказаться далеко не идеальной. Что же касается авторитетности художников слова, то тут возникают особые трудности в оценках, так как язык художественной литературы – явление особого плана и высокохудожественность часто достигается именно в результате свободно, не по строгим правилам, пользования языком [69, с. 15].

Качество (признак) устойчивости нормы по-разному проявляется на разных языковых уровнях. Причем этот признак нормы непосредственно связан с системным характером языка в целом, поэтому на каждом языковом уровне соотношение «норма и система» проявляется в разной степени, например, в области произношения норма целиком зависит от системы (ср. законы чередования звуков, ассимиляции, произношения групп согласных и др.); в области грамматики система выдает схемы, модели, образцы, а норма – речевые реализации этих схем, моделей; в области лексики норма в меньшей степени зависит от системы – содержательный план господствует над планом выражения, более того, системные взаимоотношения лексем могут корректироваться под влиянием нового содержательного плана. В любом случае признак устойчивости нормы проецируется на языковую системность (внесистемное языковое средство не может быть стабильным, устойчивым).

Таким образом, норма, обладая перечисленными признаками, реализует следующие критерии ее оценки: 1) критерий системный

(устойчивость), 2) критерий функциональный (распространенность), 3) критерий эстетический (авторитет источника).

Л.П. Крысин обобщил важнейшие свойства литературной нормы, которые сегодня признаны в лингвистике универсальными.

- Языковая норма – одна из составляющих национальной культуры. Поэтому разработка литературной нормы, ее кодификация не только важны для сохранения целостности литературного языка, но и имеют большое социально-культурное значение.
- Литературная норма едина и общеобязательна для всех говорящих на данном языке: она консервативна и направлена на сохранение средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями.
- Норма не статична, она изменчива во времени; предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения (коммуникативная целесообразность).
- Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях, и являются результатом кодификации.
- Норма выполняет селективную и одновременно охранительную функцию: она пропускает в литературное употребление все наиболее выразительное, коммуникативно необходимое, и задерживает, отсеивает все случайное.
- Изменяться может нормативный статус не только отдельных слов, форм и конструкций, но и образцов речи. Новое и старое могут длительное время сосуществовать в пределах литературной нормы.
- Источником изменения литературной нормы могут служить жаргоны, городское просторечие, заимствования.
- В обновлении нормы важна и социальная среда, в которой то или иное новшество получает распространение.

Чем выше «общественный вес» социальной группы, ее престиж в обществе, тем легче иницилируемые ею языковые изменения получают распространение в других группах носителей языка.

- Существование в рамках единой нормы вариативных единиц обычно сопровождается процессом смыслового, стилистического и функционального размежевания, что дает возможность гибко использовать допускаемые нормой языковые средства в зависимости от целей и условий коммуникации [70].

Нормы формируются под влиянием литературного творчества и речевой практики нации и являются непрременным условием единства языка и нормального функционирования языковой системы. Они кодифицируются, т.е. описываются, закрепляются как образец в словарях, справочниках, учебниках. Кодифицированным нормам литературного языка должны следовать все носители языка, причем понятие нормативности включает сферу использования языка. Закрепленность вариантов за различными сферами и формами использования языка определяется принципом коммуникативной целесообразности. То, что нормативно для письменной речи, ненормативно для устной речи.

Нередко норма выступает в качестве двойного стандарта – обязательного и допустимого вариантов. Вариативность нормы является причиной ее изменения, причем темпы изменений нормы различны для разных уровней языка. Самыми консервативными считаются грамматические нормы (грамматический строй русского литературного языка практически не изменился с пушкинских времен), фонетические нормы, напротив, очень подвижны.

Задача теоретической разработки проблем, относящихся к вопросам языковой нормализации с учетом функционального потенциала языковой системы, решение орфографического вопроса с позиций, прежде всего, теоретического обоснования нормализации и кодификации новых явлений в языке обосновывает необходимость специального изучения этой проблемы и выделения самостоятельного раздела ортологии – *директивной ортологии*.

Предметом *директивной ортологии* является вариативность новых слов как показателя незавершенности процесса их ос-

воения в период общественных трансформаций. Увеличение вариативности в употреблении новой лексики свидетельствует об отсутствии или неполноте кодифицирующей базы и алгоритма принятия нормативного решения в этой области.

Норма предстает перед носителем языка в кодификации, отражающей представление авторов грамматических пособий и словарей о языковой норме. При этом кодификация – это такое описание нормы, которое обращено к носителю языка и оказывает воздействие на речевую практику, более того, кодификация – это результат научного познания закономерностей проявления нормы на определенном этапе развития языка.

Таким образом, цель *директивной ортологии* заключается в кодификации новой лексики в системе языка. В задачи директивной ортологии входит: 1) определение критериев кодификации новых слов; 2) выявление принципов нормализаторской деятельности; 3) изучение кодификационной базы и источников регламентации новых слов; 4) определение лингвистических основ кодификационного инструментария [67].

2.2. Эволюция современной языковой нормы и процесс нормализации

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой. В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нем новых моделей – словообразовательных, синтаксических и других. «Еще более показательны давление узуса на норму в области орфографии», – отмечает Л.П. Крысин. При этом Л.П. Крысин особое внимание уделяет социальной и культурной среде в обновлении нормы, в ее изменении под влиянием речевой практики [71].

В формировании и эволюции современной языковой нормы участвуют как стихийные, так и сознательные процессы. Для

признания нормативности языкового явления или факта, как уже было упомянуто, необходимо основываться на сочетании данных о соответствии явления системе языка, о факте массовой и регулярной воспроизводимости явления и об его общественном одобрении. Формой такого одобрения является кодификация, которая фиксирует в словарях, грамматиках и справочниках сложившиеся стихийно в речевой практике явления.

В современном русском языке процесс нормализации протекает неравномерно в разных сторонах языковой системы и в разных формах реализации языка. В первом случае наблюдаются различия в темпах изменения нормы, например в области произношения, или на лексическом уровне. Лексические нормы значительно подвижнее, нежели орфоэпические, возможно, это связано с тем, что нормализация лексики происходит на более широкой социальной и территориальной базе. Более того, соотношение стихийного и сознательного в нормализации также неоднозначно проявляется в разных сторонах языковой системы. Например, перевес сознательной фиксации нормы имеет большее значение для орфографии, чем для лексики или тем более синтаксиса, где стихийное становление нормы оказывается более активным.

Во втором случае (имеются в виду разные формы реализации языка – устная и письменная речь) нормализация также протекает неравномерно. Это связано хронологически с разными этапами в жизни языка. В тот период, когда формы письменной речи и устной резко разграничены в силу исторических причин, нормы письменной речи меняются значительно медленнее, и они оказываются более консервативными, чем нормы устной речи, тем более что процент сознательности в нормированности письменной речи намного выше, чем в речи устной, нормы которой складываются, в основном, стихийно.

В нормализации языковых явлений на современном этапе можно выделить следующие основные процессы:

1. В современном русском языке нормы письменной и устной речи сближаются, наблюдается их активное взаимодействие. Можно сказать даже больше: устная речь в ее общеразговорном стилистическом варианте в буквальном смысле вторгается в письменную речь. Особенно наглядно этот процесс протекает в языке массовой печати. Например, разговорный синтаксис, рож-

денный на базе устной речи, значительно потеснил грамматически «правильные», классические синтаксические конструкции, которые как нормативные представлены в учебниках, пособиях, справочниках.

2. Для настоящего времени характерен рост вариантности языковых средств в пределах нормы. На множественность и разнородность факторов, обуславливающих укрепление в литературном языке одного из вариантов и вытеснение другого (других), обращают внимание многие исследователи. В частности, В.М. Живов отмечал: «Выбор того или иного варианта в качестве стандартного может быть обусловлен рядом разнородных факторов (принадлежностью этого варианта к диалекту определенной престижной территории, предпочтением этого варианта в речи элитных социальных групп, предполагаемой древностью этого варианта и т.д.) <...> Стоит, однако же, заметить, что стандартизация обычно не уничтожает вариативность в пределах самого стандартного (литературного) языка: одни варианты подвергаются нормализации, тогда как другие оставляются без внимания и продолжают существовать в языковом стандарте. Решение вопроса о том, что требует нормализации, а что нет, также зависит от разнородных факторов и нередко основывается на предубеждениях и лингвистическом кругозоре нормализаторов» [72, с. 178].

3. В современном литературном языке получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых сфер – главным образом, из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми. В подобных случаях узус пренебрегает нормативными рекомендациями и запретами, и речевая практика приходит в противоречие с языковой традицией и с предписаниями кодификаторов. Этот факт указывает на тенденцию ослабления нормы в сторону ее демократизации.

В последнее время в лингвистической науке выделяют также кодифицированные нормы, что означает регламентированное употребление, рекомендованное авторитетными словарями и грамматиками. Кодифицированные нормы отличаются функциональной и стилистической дифференциацией (например, разговорной – свободно, а книжной – тверже), строгой

обязательностью (обязательность объясняется необходимостью стабильности), обязательной письменной фиксацией, закреплением в словарях и грамматиках, отмеченностью в речи авторитетных носителей языка.

При установлении нормативности явления кодификатор опирается на следующие явления: 1) соответствие системе языка модели, включающей явления, которые объединяются формульно и подводят под эту формулу соответствующие языковые явления. С помощью моделей в сознании носителей языка формируются динамические стереотипы, позволяющие без особых усилий в каждом конкретном случае правильно употреблять языковые явления. Критерий соответствия модели является основным при кодификации; 2) критерий употребительности или узуальности; 3) критерий необходимости, что означает кодифицирование лишь того варианта, в котором язык нуждается; 4) критерий эстетичности, предполагающий выбор из ряда реально функционирующих вариантов варианта, подлежащего кодификации. Этот критерий обнаруживает необходимость учета вкуса и языкового вкуса.

Вопрос о языковом вкусе играет немаловажную роль при выборе варианта, предпочтительного для кодификации. В широком понимании вкус – способность к оценке понимания правильного и красивого, а также пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мыслях, труде, поведении и быту. В лингвистике под языковым вкусом понимается система установок человека, общественной группы и всего общества в отношении языка и речи на данном языке. Это предпочтение проявляется в отборе тех, а не иных речевых средств, а также чувство понимания изящного, красивого в языке и речевом произведении. Таким образом, языковой вкус – это установки, определяющие целостное отношение к языку, способность оценивать правильное, уместное, эстетическое в конкретном произведении речи. Языковой вкус проявляется в тенденции отбора и реализации речевых средств в конкретной ситуации и в границах языкового существования в целом.

Поскольку языковая норма постоянно изменяется, то в ортологии выделяют внутренние и внешние причины динамики языковых норм. Так, внутренние причины формируют два основных

закона: 1) Закон экономии – из двух вариантов всегда побеждает более короткий (например, существование аббревиации, гаплоглогия – выпадение слога); 2) Закон аналогии – уподобление одной формы языкового выражения другой, соотносящейся с 1-й в формальном и (или) содержательном плане. Этот закон ведет к выравниванию вариантов.

Особо сильное влияние на норму наблюдалось в начале XX века. Внешние причины складываются под воздействием грамматических явлений языка (графики и орфографии, которые по выражению Л.В. Щербы представляют «костюм языка»). Изменения связаны с тем, что норма движется в сторону орфографического написания.

Также важное влияние имеют социальные факторы. Изменения в социальном составе носителей литературного языка приводят к изменению норм, что обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между собой конкурируют. К социальным факторам относят и рост областных ТВ, радио, прессы, которые являются центрами нормативного влияния. Безусловную значимость в ортологических процессах имеет общее состояние культуры народа, испытывающей влияние ТВ, рекламы и Интернета, под влиянием которых формируется фактор моды (модным считается вариант, которым увлекается сообщество в данный момент).

Все эти факторы приводят к конкуренции вариантов и изменению нормы. Интерпретация вариантов требует также большого лингвистического и культурного диапазона и чувства тенденции, что в итоге должно привести к выработке ортологических основ языка.

Процесс нормализации языка предполагает выбор образца. Критерии отбора нормативных реализаций, как правило, определяются узусом и имеют внешний по отношению к языковым характеристикам нормативного варианта характер, хотя связь с системой сохраняется. Такие качества узуса, как частотность реализации и связанная с ней престижность, нередко оказывают решающее влияние на механизм отбора образца реальной нормы.

Идеальное состояние нормы, к которому она всегда стремится, наступает в том случае, когда она (норма) совпадает с системой, то есть нормативным считается только один вариант

реализации. Но поскольку вариантность – обязательное свойство языка, и не все варианты функционально равнозначны для системы, норма призвана выполнять функцию «сита», выбирая из узуса то, что наиболее употребительно, а значит, и «правильно» в данный период развития языка. Норма и узус объединены одним общим свойством: они представляют реализацию и функционирование языка. Структура и границы узуса аморфны; ему не присущи традиционность и устойчивость, качества, которые отличают норму. Кроме того, узус вбирает в себя бесчисленное количество окказиональных, нетрадиционных и даже «некорректных» реализаций, хотя некоторые из них могут быть довольно устойчивыми. Таким образом, узус можно считать коллективной реализацией системы с той лишь оговоркой, что нормативная реализация должна рассматриваться как единое, общее свойство языкового коллектива, а узус – это сумма индивидуальных реализаций, креативное начало, источник жизненной силы языка.

Языковая норма одновременно является и собственно лингвистической, и социально-исторической категорией, норма осуществляет не только мотивированный отбор и фиксацию языковых явлений, но и определяет «меру стабильности» литературного языка в зависимости от особенностей его исторического развития [22, с. 337]. Поэтому, с одной стороны, норме присуща относительная устойчивость и обязательность; с другой – ее отличает изменчивость.

Динамика нормы детерминирована вариантностью узуса, обеспечивающей функционирование нормы. В этом состоит внутренний механизм языкового развития, центральным звеном которого является изменение реальной нормы. Э. Косериу определил три условия, реализация которых может изменить норму [73, с. 89]:

1. Когда это функционально целесообразно и необходимо.
2. Когда норма неизвестна говорящим на данном языке индивидам.
3. Когда нарушения нормы не затрагивают функционирования языка.

Л.В. Щерба, определяя изменчивость языка «факторами, грызущими норму», утверждал, что каждая разновидность нормы вызывается к жизни функциональной целесообразностью [74,

с. 49]. Принимаем этот тезис с оговоркой, что далеко не каждая функционально целесообразная реализация может считаться нормативной.

Сама по себе распространенность языкового явления в узусе – еще не показатель его нормативности, но без распространенности не может быть нормативности.

Таким образом, лабильность нормы определяется механизмом разрешения противоречий, определяющих ее природу: с одной стороны, постоянства как внутреннего свойства нормы, обеспечивающего стабильность функционирования языка, а с другой – изменчивости, свойства, без которого норма не может развиваться.

Для современной лингвистики характерно признание качественной неоднородности норм (императивные и диспозитивные, или восполнительные, нормы, по терминологии Л.И. Скворцова [65, с. 50], компромиссная (вариантная) норма) [75, с. 227; 11, с. 5].

Понятие ортологической процедуры разработано на базе традиционных концепций языковой нормы и способов устранения ее нарушений [76; 77; 78].

Процесс развития любого национального языка обусловлен действием внешних и внутренних факторов. Внешний фактор формируют социальные, демографические, политические, культурные и другие силы, влияющие на собственно этнос. Внутренний механизм языкового развития определяется функциональным потенциалом языковой системы, ее отношениями с нормой и узусом – речевой деятельностью общества.

Социальные потрясения общества стимулируют потенциал языковой системы, порождающей новые возможности речевых реализаций, которые далеко не всегда соответствуют нормативным рекомендациям.

Анализируя и оценивая внутренний потенциал языка, необходимо принимать в расчет и количественные характеристики языкового коллектива, которые во многом способствуют укреплению коммуникативной силы языка и насыщению языковой системы многообразием языковых форм. Очевидна взаимозависимость данных характеристик: чем больше носителей, тем увереннее «чувствует себя» язык.

На сегодняшний день совершенно очевидна необходимость решения проблем не столько межкультурной, сколько интеркультурной коммуникации, поскольку нельзя недооценивать вред языковых новаций, вбрасываемых в речевой и письменный узуз средствами массовой информации.

Ни одно государство не в состоянии нормализовать речевую деятельность социума, приблизить ее к языковой норме, но государство может и обязано обеспечить корректные способы и формы реализации национального языка в СМИ, ВУЗах, школах, административных структурах.

Сам факт кодификации языковых норм, орфографии и орфоэпии свидетельствует, прежде всего, о том, что характер отношений социума и языка раскрывается в некоем нормативном диапазоне. Государство заинтересовано в нормализации национального языка, поскольку норма, в отличие от системы, принуждает языковой коллектив использовать языковые средства строго определенным образом. Единообразие, унификация языкового кода – это мощнейший государственный рычаг, с помощью которого гораздо проще манипулировать общественным сознанием, реализуя те или иные идеологические постулаты. Вот почему языковая норма может быть поставлена в один ряд с другими социальными нормами общества, определяющими поведение человека в целом и речевое поведение в частности.

Первое, с чем сталкивается лингвист-нормализатор, – это различная проницаемость нормы (или, по выражению В.В. Виноградова, «неодинаковая крепость нормы») на разных уровнях языка. Более всего уязвима литературная норма в области произношения, ударения и сочетания слов. В этих сферах с большей силой сказывается воздействие ненормированной речи, а момент сознательного упреждения и преодоления речевого автоматизма (характерный в определенной мере для всякой литературно-обработанной речи) при «живом» говорении и в процессе построения словосочетаний не столь результативен. Степень императивности норм, как уже отмечалось выше, зависит и от характера варьирования форм выражения (сильная или слабая зоны вариантности) [15, с. 48-49].

Главным средством государственной языковой политики является норма. Нормализация национального языка, приведе-

ние его звуковой и письменной форм к единому стандарту, подлежащему всеобщей и безоговорочной реализации – это и есть та формула власти, к которой, с большей или меньшей степенью осознанности, стремится любое государство. Поэтому главной проблемой в решении этой задачи следует считать кодификацию языковой нормы. Стандартизация национального языка требует решения двух основных проблем: 1) выявление отличий реальной и кодифицированной нормы и 2) определение наиболее приоритетного для общества и государства форм языковых норм по своим внутренним свойствам.

Среди языковых норм орфоэпия, орфография и лексика характеризуются наибольшей социальной значимостью. Лексическая подсистема языка наиболее проницаема и подвержена воздействию извне. В отношениях с носителями языка реальная лексическая норма весьма лояльна. Диапазон вариантности здесь более широк, нежели в произношении, не говоря уж об орфографии. Именно поэтому лексическая норма может стать действенным инструментом формирования государственной идеологии.

2.3. Вариативность в нормализаторской практике

Вариативность как основная категория нормы представляет закономерный процесс, отражающий динамику языка. Способность языковых единиц видоизменяться характерна для многих языков мира. Вариативность как лингвистическая категория рассматривалась в классических трудах Л.С. Выготского, В. фон Гумбольдта, С. Карцевского, А.А. Леонтьева, А.Ф. Лосева, Ф. де Соссюра и мн. др. Вариативность как научная проблема, впервые определившаяся в фонологической системе и охарактеризованная при изучении фонем как совокупности вариантов звуков (И.А. Бодуэн де Куртене, Д. Джоунз, Н.С. Трубецкой, М. Халле, Р. Якобсон и др.), вызвала интерес у исследователей и в других областях языкознания, в частности, в лексикологии при изучении «тождества слова» (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, А.А. Уфимцева, Ф.П. Филин и др.), в области изучения морфемных единиц и грамматического уровня (Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, В.М. Солнцев, И.С. Улуханов и мн. др.), в исследованиях нормативно-стилистического характера

(К.С. Горбачевич, Р.П. Рогожникова и др.); в работах по психо- и социолингвистике (А.А. Залевская, А.И. Домашнев и др.).

В языкознании противопоставляются два типа варьирования – *лексический* и *грамматический* (или морфологический), – разграничивающиеся по таким признакам, как обязательность/необязательность системной модификации единицы, регламентируемость/нерегламентируемость числа вариантов, предсказуемость/непредсказуемость числа и характера конкретных модификаций, жесткость/нежесткость границ варьирования и т.п. «Особо выделяется межуровневый тип варьирования, объединяющий единицы лексики, словообразования и синтаксиса (варьирование разноструктурных единиц, служащих для обозначения одного и того же денотата)» [79, с. 13].

Как отмечает Л.П. Крысин, исследование вариантов интересно и важно «не только как иллюстрация тезиса о зависимости функционирования языка от социальных факторов, но и само по себе: оно обнаруживает, что вариативность, присущая большинству литературных языков, и в частности русскому, – не помеха на пути их развития, а нормальное явление, истоки которого коренятся в существенных свойствах системы языка и в характере его использования как средства общения. Язык гетерогенен в разных своих «ипостасях»: и как система, и как норма, и как речь» [80, с. 4].

Различные подходы имеют положительные и отрицательные стороны, а их выбор зависит от конкретного материала анализа, который выбирает исследователь.

Известно, что в русистике проблема вариативности возникла в связи с нормализаторской деятельностью и изучения динамики литературной нормы. «Поэтому, – как пишет Н.С. Валгина, – вопросы вариантности и нормативности изначально изучались параллельно, что получило надежный выход в практическую деятельность по составлению словарей, справочников, в которых необходимы были сведения рекомендательного характера. Так понятия вариантности и нормативности стали ключевыми для особого раздела науки о языке – ортологии» [55, с. 29].

При этом основополагающими являются социолингвистические моменты в языке, где под влиянием разнообразных экстралингвистических факторов – территориальных, социальных, ситуативных, контактных, образуются варианты; вариатив-

ность соприкасается с уровнем языковой компетенции, а также с процессами пиджинизации и креолизации.

По формальному признаку в современном русском языке различают четыре вида вариативности: акцентную, фонетическую, фонематическую и морфологическую. При столь широком понимании формальной вариативности вводятся и определенные ограничения, состоящие в том, что вариантными следует считать синонимические формы только в пределах одного уровня языка.

Вариативность – явление, присущее любому уровню языка, однако в каждом из них, возможно, наблюдается своя специфика.

Понятие вариативности неразрывно связано с понятием нормы языка, поскольку именно наличие в языке вариантов свидетельствует о неустойчивости нормы. Проблема выбора одного из лексических вариантов обусловила проблему нормы. В этом отношении совершенно справедливо утверждение Ф.П. Филина, который отмечал, что «...там, где выбора нет, нет и проблемы нормы» [81, с. 181]. Процесс развития любого литературного языка приводит к появлению вариантов на всех его уровнях, при этом качество и количество их не остается постоянным, так как вариативность – такое свойство языка, которому присуща динамичность, т.е. языковая эволюция. При этом колебание продолжается более или менее длительный период, после чего варианты либо расходятся в значениях, приобретая статус самостоятельных слов, либо продуктивный вариант полностью вытесняет своего конкурента.

Во всех случаях, когда язык располагает множеством вариантов, выбор пишущим или говорящим одного из вариантов диктуется существующей во времени нормой, которая определяет, какой из вариантов может быть предпочтительнее для общества данного отрезка времени и носителей соответствующего языка. В то же время избыток вариантов в языке свидетельствует о неустойчивости нормы, что подтверждается словами К.С. Горбачевича: «вариантность – это не только проявление неустойчивости норм (скорее, наоборот, неустойчивость нормы – следствие варьирования), а и естественное состояние языка как конкретно-исторического явления» [82, с. 6].

Норма, хотя и призвана поддерживать устойчивость, находится в постоянном движении, она постоянно совершенствуется,

взаимоконтактирует с вариантами, продолжающими функционировать в различных видах и сферах.

Любая вариативность в языке является в широком смысле слова показателем определенной «модели» на пути к становлению нормы. Выбирая один из существующих вариантов, говорящий или пишущий основывает свой выбор на некотором понимании нормы, где он осознанно или неосознанно руководствуется критериями, позволяющими отличать нормативную лексику от ненормативной. Ф.П. Филин утверждает, что понятие нормы «теснейшим образом связано с понятием системы языка, реально существующей в данный момент ее развития» [81, с. 180].

Н.Б. Мечковская в свою очередь утверждает, что «в любом социуме в динамике нормы противостоят два фактора: степень распространенности определенного конкурирующего варианта и авторитетность тех носителей языка, которые в своей речи употребляют данный вариант, а не другой. Победа может быть за вариантом первоначально малоупотребительным, если он отвечает определенным внутренним тенденциям развития языка» [83, 36]. В нашем исследовании в качестве критерия нормы применяется критерий употребительности и устойчивости.

В.Г. Гак называет вариантность фундаментальным свойством языка, не без оснований полагая, что теория внешних и внутренних факторов варьирования языка отдает приоритет анализу языковых форм и внеязыковой действительности, но «не отводит должного места самому говорящему и именуемому человеку», которого, по мнению автора приведенных строк, и следует считать решающим фактором варьирования и эволюции языковых средств [84, с.73].

Стремление к стабильности отмечается как одно из качеств, постоянно присущих языку: «Язык не только исторически изменяется, пишет Б.А. Серебренников, – он одновременно оказывает сопротивление какому-то ни было изменению, стремится сохранить существующее в данный момент состояние... В каждом языке существует тенденция к сохранению существующего состояния до тех пор, пока какая-нибудь сила не преодолевает это естественное сопротивление» [85, с. 82].

С другой стороны, современные лингвисты довольно часто высказывают мысль о том, что изменение присуще самому суще-

ствованию языка и что вариативность является одной из очевидных особенностей речи.

Современная ортология предполагает раздвижение рамок нормативности, преодоление «центризма» литературного языка, дающего единственно правильный вариант. Диапазон вариативности становится все более широк: разные функциональные разновидности, разные жанры речи, разные ситуации предполагают свои нормы. Как отмечает Е.Н. Ширяев, нормы общения, например, в микроколлективах, регулируются ими самими, и никакие общие рекомендации здесь не нужны [86, с. 15]. Весьма интересна в этом плане статья Л.П. Крысина «Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей» [87]. Слово «неправильность» заключено в кавычки. Речь в статье идет о неизбежном смещении стилей и жанров. В этом залог развития русского языка. К этому можно добавить следующее: нарушение норм нередко выступает как фактор креативности речи. С одной стороны, повышение уровня разрабатываемых ортологией норм (включение общетекстовых норм, прагматических норм, кодекса речевого поведения), с другой стороны, некоторое уменьшение в ортологии удельного веса «поверхностных» норм, удаленных от ядра коммуникативной интенции – акцентологических, орфографических и т.д.

В таком случае правомерным представляется выдвижение тезиса о том, что цель изменчивости нормы – сохранение системы. В ортологии необходимо разграничивать нормализацию как спонтанный языковой процесс и собственно кодификацию как результат нормализаторской деятельности. Объективная языковая норма складывается стихийно путем выбора наиболее удобного, целесообразного варианта языкового средства, который и становится распространенным, широкоупотребительным. Жестко соблюдаемое правило в этом выборе – соответствие системе языка. Однако такая стихийно сложившаяся норма еще не обязательно будет официально признанной. Нужна кодификация нормы, ее узаконение путем официальных установлений (фиксация в нормативных словарях, сводах правил и т.д.). Вот тут-то и возникают некоторые затруднения в виде сопротивления новым нормам со стороны кодификаторов или общественности. Как правило, это выглядит как запрет на все новое, стремление из

консервативных побуждений сохранить что-либо (например, в языке) в неизменном виде, оградить от новшеств.

В истории русской словесности известен, например, идеологический пуризм, связанный с именем А.С. Шишкова, русского писателя, президента Российской академии с 1813 г., в дальнейшем министра народного просвещения, который выступал как архаист, не терпящий никаких нововведений в языке, особенно заимствованных. В наше время можно столкнуться с пуризмом вкусовым, когда языковые факты оцениваются с бытовых позиций «режет или не режет ухо», а также с пуризмом ученым, который заслуживает большего внимания, поскольку способен оказать влияние при выработке рекомендательных предписаний. Чаще всего выявляется это в запретительных рекомендациях, помещаемых в словарях, в пособиях и др. как сдерживающий фактор.

Норма может быть императивной (всеобщей, обязательной) и диспозитивной (допускающей выбор, вариантной). Кроме того, норма бывает общеязыковой (с вариантами или без них) и ситуативной (стилистической).

Как справедливо указывает Е.С. Истрина: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. То, что является вообще общеупотребительным, то и составляет норму языка» [11, с. 19]. В нем, таким образом, указано два момента: степень употребления и авторитетность источника. Что касается первого, то многие авторы считают признаком нормы распространенность языкового явления. При этом обычно оговаривается, что норма не статистическое, а типическое явление [88, стр. 43]. В этом смысле норма – это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и ее эволюции [89, с. 44].

Долгое время авторитетным источником считалась художественная литература [90, с. 132]. Е.Ф. Петрищева считала, что «нормы «добываются» из языкового сознания лингвистов, а ссылка на классиков и т.п. служит лишь для придания их утверждениям веса, убедительности» [13, с. 36]. С другой стороны, большинство авторов до 90-х годов XX века указывало на литературу как на главный источник нормы.

Вопрос об опоре в практике нормирования на нехудожественную литературу ставился уже Г.О. Винокуром, писавшим, что при нормализаторской практике «гораздо более заманчивым было бы найти такую языковую систему, которая по своей функции от практического языка не отличалась бы и вместе с тем осознавалась бы как система. Такая область есть. Это – нехудожественная литература в самом широком смысле этого слова, т.е. литература газетная, журнальная, научная, язык канцелярии, писем, наконец, язык рекламы» [91, с. 107].

В последнее время все чаще подчеркивается роль средств массовой информации (коммуникации) в создании языковой нормы: «Периодическая печать и телерадиовещание оказывают все большее влияние на формирование литературного языка, языковой нормы, становятся основным фактором формирования и распространения основных норм литературного языка» [92, с. 4]. «В исследованиях последних десятилетий все чаще подчеркивается мысль о том, что в наше время заметно ослабевает влияние современных художественных текстов на литературный язык. На динамику литературной нормы все большее влияние оказывают функциональные стили, развивающиеся в среде социoproфессиональных течений: в публицистике, в средствах массовой информации, деловой речи, профессиональной и научной речи» [17, с. 93].

Орфографический режим испытывает сегодня огромное давление со стороны современной информационной среды, устроенной таким образом, что возникает зазор между фактической публичностью (предъявленностью) и публичным одобрением (санкционированностью). Например, невыверенный орфографический текст может быть размещенным на активно посещаемом сайте. В этом смысле сознательное влияние на орфографию сегодня не облегчено, а затруднено, что говорит о серьезных изменениях в нормозадающих механизмах в современном обществе, и это создает реальную проблему для нормализационного процесса. Изучение этой проблемы, несомненно, относится к актуальным задачам теории нормы.

Мы исходим из положения о динамичности нормы, ее подвижности, изменчивости, которые обусловлены, на наш взгляд, противоречием, постепенно возникающим между теми или ины-

ми структурными единицами языка в их конкретном проявлении и определенными правилами, регламентирующими функционирование этих структурных единиц в устной и письменной речи. Данное противоречие выражается, в первую очередь, в неадекватности кодификации реальной норме, в отставании кодификации от нормы. Снятие данного противоречия является одним из основных способов совершенствования нормы.

При доминирующем представлении о плюралистичности норм и ориентации на нежесткую их кодификацию существует и представление о расшатывании норм литературного языка, о тяжелом и даже опасном состоянии, переживаемым современным русским литературным языком. Отмечается утрата художественной литературой функции задания нормы и отравление этой функции средствами массовой информации, при этом вопрос о реальной возможности поддержания нормы этими средствами остается открытым. Изменение общественного и информационного контекста, в котором протекает процесс формирования нормы, требует расширения контекста исследования самой категории нормы.

2.4. Морфологическое варьирование в грамматической правильности русской речи

Хотя морфологическая система русского языка основательно разработана как с исторической, так и с описательно-структурной стороны, современные варьирования морфологических форм слова только недавно стали предметом специального систематического рассмотрения в нормативном аспекте. К.С. Горбачевич справедливо замечает: «В академических грамматиках, устремленных к обобщению, описанию типичного и регулярного, явление вариантности как исключение из общих закономерностей естественно отодвинуто на второй план, ему отводится сравнительно скромное место, часто в виде примечаний и сносок. Между тем именно вариантность в пределах норм литературного языка, будучи наиболее слабым звеном в усвоении и использовании морфологических форм, в значительной мере расшатывает и понятие грамматической нормы «как такого образования и употребления форм и категорий, которое с абсолютной последователь-

ностью воспроизводится в коллективной практике носителей литературного языка в определенных условиях функционально-стилевых ограничений вне всяких ограничений» [82, с. 4].

Как и фонематические варианты, морфологические варианты слова имеют не обусловленные современными фонетическими закономерностями несовпадения в фонемном составе. Различия в фонемах у морфологических вариантов соотносятся с регулярными явлениями грамматического порядка. При этом морфологическое варьирование может либо наблюдаться по всей парадигме, охватывать всю лексему или хотя бы несколько ее форм (родовые, морфонологические, суффиксальные варианты), либо быть представлено только в одной, конкретной грамматической форме (формообразовательные варианты). Идентификация морфологических вариантов слова предполагает совпадение не только лексического содержания и основной части фонемного состава, но и грамматического значения, что обеспечивает свободную или ограниченную субституцию сопоставляемых форм [15, с.137-138].

Несмотря на стихийное стремление к невариационным грамматическим единицам и сознательные нормализаторские усилия, направленные в основном в сторону унификации форм, морфологическая вариантность распространяется в современном русском языке на весьма значительное число лексем. Медленная изменяемость морфологического строя, его слабая подверженность социальным воздействиям, установление новой нормы в результате процесса, а не единовременного акта, наличие внутриязыковых противоборствующих сил и несовпадающих общественных оценок, функциональная загруженность и, следовательно, коммуникативная оправданность многих вариантов – все это способствует длительности морфологического варьирования [15, с.138].

Основными причинами морфологического варьирования служат смешение и аналогическое воздействие унаследованных от старого строя языка парадигматических различий (в типах склонения, глагольных классах, способов образования видов и т.д.). В этом плане понятия «новый» или «старый» вариант приобретают условный смысл. Современные морфологические варианты – это не только угасающие или, наоборот, возрождающиеся реликты старого состояния языка. Вариантность возникает на переход-

ных этапах, в слабых звеньях перестраивающейся системы языка. Преодоление грамматических аномалий, несоответствие морфологического облика слова – словообразовательной, специализация грамматически перегруженных аффиксов, стремление освободиться от омоформ и обеспечить регулярную и фонологически выраженную грамматическую оппозицию – все эти факторы пополняют состав вариантов и создают сильные зоны морфологического варьирования. Немалую роль в сохранении и специализации морфологических вариантов играют факторы социологического порядка: изменение социальной структуры и культурного уровня современного общества, расхождения в частоте выбора продуктивных вариантов у различных социально-профессиональных групп, рост авторитета книги и письменной традиции.

Помимо этого, интенсивность морфологических преобразований (и, следовательно, характер и продолжительность варьирования) зависит от многих семантико-стилистических, фонетико-акцентологических, структурно-морфологических и даже синтаксических характеристик отдельного слова. Эта разноплановая обусловленность служит причиной как неравномерности (лексикализованности) образования и функционирования вариантов, так и их разного положения на шкале нормативно-стилистических оценок [15, с.138-139].

В пределах морфологического варьирования особое и немаловажное с нормативной точки зрения место занимают варианты, различающиеся в грамматическом роде, или родовые варианты слов. Как известно, категория рода, одна из наиболее универсальных классификационно-грамматических категорий русского языка, проявляется на разных уровнях языковой структуры. Естественно, что варьирование рода в пределах тождества слова может осуществляться только на морфологическом и синтаксическом уровнях, т.е. при совпадении денотата: *коленка – коленко, новое авеню – новая авеню (супруг и супруга, озорник и озорница* – это отдельные слова, т.к. ими обозначаются реально разные индивиды [93; 94, 95].

Таким образом, родовые варианты наблюдаются, главным образом, среди неодушевленных существительных (*ставень – ставня, шотландское виски – шотландский виски*), где признак рода имеет чисто формальное значение (определяет принадлеж-

ность к типу склонения, характер согласования). В этих случаях различия в грамматическом роде относительно произвольны и не имеют собственно грамматического содержания, что позволяет считать языковые единицы данного типа вариантами одного и того же слова.

Количество слов, имеющих родовые варианты в современном русском литературном языке, в целом незначительно: в Грамматике (1953) приведено около 30 родовариантных пар; О.С. Ахманова считает, что «едва ли не всего семь – восемь пар можно признать реально существующими в качестве живых вариантов одного слова» [96, с. 223]; по данным Т.В. Шанской, родовая вариантность представлена сейчас «более чем 60 парами слов» [97, с. 57]; по свидетельству И.П. Мучника, «всего существительных с неустойчивой родовой формой – 65» [98, с. 191]. По мнению К.С. Горбачевича, приведенные цифры представляются несколько заниженными: в ТС включено около 150 слов, имеющих родовые варианты (правда, в это число входят и ненормативные факты: *яблоко-яблок, бланк-бланка*; но, с другой стороны, следует учитывать, что в ТС по разным причинам не были включены несклоняемые иноязычные слова, имеющие родовые варианты на синтаксическом уровне: *баккара, виски, пенальти* и др.) [15].

Известно, что реальное варьирование гораздо шире вариантности, отмеченной словарями. Колебания в грамматическом роде в особенности свойственны некодифицированным сферам языка [99, 100, 101, 102].

И все же, в целом, варьирование в форме грамматического рода – угасающее явление в русском литературном языке. Сокращение числа родовых вариантов происходит, главным образом, за счет тех форм, у которых наиболее отчетливо выражены морфологические показатели рода, т.е. устраняются в первую очередь корреляции с отчетливыми внешними приметами рода в именительном падеже единственного числа. В научной литературе неоднократно отмечалось, что при конкуренции мужского и женского родов побеждал мужской род, а при конкуренции женского и среднего родов одерживал верх женский род (причину этого явления В.И. Чернышев (1915) видел в распространении акающего вокализма южновеликорусских диалектов; в научной литературе обычно связывается с постепенным

разрушением категории ср. рода; см. Обнорский, 1927; Высотский, 948; Котков, 1957, и др.). Оба эти положения, правильные в целом, отмечает К.С. Горбачевич, нуждаются в дополнениях и уточнениях и не могут служить надежными ориентирами для нормативной практики [15, с. 142].

Устраняется родовая вариантность и у несклоняемых существительных с чуждым русскому языку грамматическим обликом. Большинство из них принимает форму ср. рода. Этому способствует как подсознательная формальная аналогия, так и усилия нормализаторской деятельности.

К.С. Горбачевич отмечает ряд актуальных внутрисистемных причин, поддерживающих, а иногда и порождающих родовые варианты в современном языке. Зоны сильного варьирования определяются сейчас, главным образом, противоборством между формальной и смысловой аналогией у слов, не имеющих релевантного (морфологически выраженного) показателя грамматического рода.

Преимущественное употребление слов во мн. числе служит фактором, способствующим сохранению варьирования, т.к. родовые различия во мн. числе «до предела ослаблены». В отдельных случаях обнаруживаются позиционно-сочетаемые особенности родовых вариантов. Например, в свободных сочетаниях слово «авеню» встречается в ср. и жен. родах: «*Авеню Тореза широкое, прямое*» (Страков, Товарищи в борьбе). «*Широкая, теннистая авеню де Версай*» (Рубакин. Над рекою времени). В сочетаниях же с порядковыми числительными «авеню» зарегистрировано только как существительное жен. рода (в этом случае преобладает смысловая аналогия – улица, аллея) [103, с. 87].

Таким образом, хотя родовая вариантность и идет постепенно на убыль, она все же представлена значительным числом слов в пределах современного литературного языка. Особенно уязвима норма у слов с нерелевантными (или недостаточно выразительными) морфологическими показателями рода. Нормативная практика, направленная к сохранению устойчивой и единообразной системы (но не сводящаяся к искусственной унификации), не может не учитывать структурного и стилистического своеобразия родовых вариантов, а также положения варьирующегося слова в лексико-семантической системе совре-

менного языка. Хотя есть основания говорить об общем перевесе формальной аналогии над смысловой.

Немотивированность («бессодержательность») категории рода [103, с. 58] и принципиальная независимость формы (родовых характеристик) от содержания (значения слова) проявляются в чистом виде лишь при атомистическом подходе, при рассмотрении изолированного слова в его отношении к денотату. Но категория рода оказывается содержательно мотивированной косвенно, с точки зрения смысловых и деривационных связей между словами. Эта косвенная содержательная мотивация служит в современном языке одним из основных источников варьирования рода у неологизмов, малоупотребительных слов с невыраженным морфологическим признаком рода, а также у коннотативно окрашенных производных слов с формальными показателями родовой принадлежности, отличающимися от производящих основ. Родовая характеристика оказывается зависимой, таким образом, не только от внешних признаков, но и от лексико-семантических взаимоотношений, словообразовательных связей, культурной традиции, нередко вступающих в противоборство с воздействием формальной аналогии.

Так, переименование города *Алма-Ата* в *Алматы* привело к возникновению определенных трудностей в согласовании. Так журналисты справедливо задаются вопросом: «– Как же сегодня правильно сказать: *первый Алматы* или *первая Алматы*? Листаешь прессу и диву даешься – кто во что горазд: один журналист пишет «*красивый Алматы*», другой – «*красивая Алматы*». Или читаешь на информационном сайте: «*Алматы первая* подхватила почин...». Интересна статья Абая Турсынова «Мой наклонный город» в журнале «Континент», где автор в одной статье употребляет сразу несколько вариантов наименования: «*Алма-Ата и алмаатинцы* пережили за эти десять лет многое». Последний раз *Алма-Ата* так принципиально менялась в конце 70-х – начале 80-х...»; «Одним словом – «*настоящие алмаТинцы*», для которых старые названия – это не детство или юность и даже не студенческие годы или лаконичная строка в славной трудовой биографии, а просто таблички на домах»; «В начале 90-х они появлялись в самых разных сферах нашей жизни: первый «Макдональдс» *по-алмаатински* – «Шыгыска» госпо-

дина Тельбоне, первый видеосалон или первый лимузин»; «Для кого-то *Алматы* сегодня и всегда – это по-настоящему красивые *алма-атинские* девушки и женщины»; «Как же еще передать вам это чувство? А вы приходите на ставший уже хорошей традицией фестиваль «*Алматы – моя первая любовь*». Несмотря на некоторую официальность этого мероприятия, лучшего места, где можно понять и почувствовать, какой он, наш город, наверное, не найти. Или же просто сядьте дома в свое любимое кресло, поставьте кассету или компакт с песней Александра Цоя «*Мой наклонный город*» (но только не очень громко) и закройте глаза...» [67, с. 129].

Таким образом, несклоняемые имена активно включаются в процесс номинации, сохраняя свою неизменную форму, несмотря на структурные различия в языках-донорах. Так, И.В. Приорова отмечает, что тюркские языки по донорской значимости находятся на втором месте. Причины несклоняемости, очевидно, заключаются в ограничениях морфологической системы русского литературного языка [104, с. 54]. Так, поскольку исходная форма склоняемых существительных в русском языке заканчивается только ударными *-а* и *-о* и безударными редуцированными *ь* и *ъ* (орфографические *-а*, *-я*, *-о*, *-е*), то конечные ударные (*-ы*, *-у*), свойственные топонимам в исходной форме именительного падежа ед. числа казахского языка, являются фонетико-фонологическими показателями несклоняемых слов, т. е. в русском языке эти гласные являются не флексиями, а финалиями несклоняемых слов, не приспособленных к изменению (*Алматы*, *Алмалы*, *Актау*, *Атырау*, *Жыланды* и т.д.).

2.5. Принципы и задачи научно-объективной нормализаторской деятельности

Норма зиждется на узусе, обычае употребления, кодифицированная норма официально узаконивает узус (или в каких-то частных случаях отвергает его), в любом случае кодификация – это осознанная деятельность. Поскольку кодификаторы, как отдельные ученые, так и творческие коллективы, могут иметь разные взгляды и установки, разную степень проявления запретительных намерений, то часто рекомендации в официально

изданных документах не совпадают, особенно это касается стилистических пометок в словарях, фиксации ряда грамматических форм и т.д. Такие разногласия свидетельствуют не столько о том, что при освещении языковых фактов, при установлении нормы могут использоваться разные критерии, сколько о противоречивости самого языкового материала: язык богат вариантными формами и структурами, и проблема выбора подчас оказывается затруднительной. Кроме того, принимается во внимание и «языковая политика» момента. На разных этапах жизни общества она заявляет о себе по-разному. Термин этот возник в 20-30-е годы XX в. и означает сознательное вмешательство в речевую практику, принятие в отношении нее охранных мер. В настоящее время наблюдается значительное ослабление со стороны государства и общества охранных мер по отношению к общественной и речевой практике. Литературная норма явно расшатывается, и прежде всего средствами массовой информации. Итак, кодификация нормы есть результат нормализаторской деятельности, а кодификаторы, наблюдая за речевой практикой, фиксируют норму, сложившуюся в самом языке, отдавая предпочтение тому из вариантов, который оказывается наиболее актуальным для данного времени.

По отношению к языковой личности норма – не научная абстракция и одна из составляющих триады «система – норма – узус», а принятый всем языковым коллективом и, следовательно, объективно существующий для каждого носителя языка свод правил, определяющий его речевую деятельность. Это, однако, не означает, что речь (устная или письменная) каждого индивида нормативна, то есть адекватна коллективному образцу, наделенному свойствами инварианта.

Большую роль здесь играет ситуация речевого акта. Ее воздействие на содержание, и особенно форму выражения языкового материала, весьма существенно. Поэтому всякая индивидуальная реализация языка – это социальный вариант нормы.

Каждому периоду развития языка присущ свой потенциал реализации системы, определяемый сложившейся традицией – нормой. Противопоставление системы и нормы может считаться одним из производных дихотомии «язык – речь» при условии понимания языка как системы потенциальных средств, опреде-

ляющих все ее многообразие, и речи, как формы существования и функционирования системы.

Интерпретируя сосюрровские антиномии, Э. Косериу – автор, пожалуй, самой точной и аргументированной схемы взаимодействия системы и нормы, замечает: «Язык в широком смысле слова не только функциональная система, но и нормативная реализация» [73, с. 20]. Из этого следует, что функциональность системы означает ее нормативность. В отношениях между языком и речью, системой и нормой есть изоморфизм категорий, характеризующийся двусторонней сущностью: идеальным содержанием и материальным выражением. Норма существует в системе и для системы, и таким образом, с одной стороны, норма получает от системы необходимые условия и возможности реализации языкового материала, с другой – отработанный нормой (через узус) материал постоянно насыщает систему новыми элементами и структурами. Внутренняя организация языковой системы, включающая в себя ряд уровней, характеризующихся своей иерархией отношений, формируется узусом. То или иное состояние системы есть промежуточный результат взаимодействия узуса и нормы. В узусе всегда есть элементы языкового употребления, которые не соответствуют норме, не допускаются системой. Поэтому часто ненормативный вариант реализации становится распространенным. В то же время истории языка известны факты существования элементов нормы, не соответствующие узусу как некой средней, коллективной реализации.

Э. Косериу определяет языковую систему как систему возможностей, координат, обозначающих диапазон реализаций языкового материала. Оказываемое системой влияние на говорящего индивида Э. Косериу сравнивает с воздействием полотна и красок на художника, подчеркивая тем самым имманентность системы, ее «либерализм» в отношении отдельных языковых проявлений в узусе. Но свобода узуса не беспредельна. Произвольность по отношению к выражаемому им понятию, выбору означающего оказывается для языкового коллектива навязанной и неизменной формой представления языкового знака [73, с. 76].

Имея в виду, что всякий речевой акт представляет собой производное от всей совокупности накопленного языкового опыта, уместно предположить существование некой направляю-

щей силы, посредством которой речевая деятельность могла бы располагать по крайней мере двумя качествами: относительной свободой использования языкового потенциала и регламентацией плана выражения языка в определенных границах, позволяющей рассчитывать на адекватное восприятие или порождение того или иного звукового комплекса. Регулятором отношений языковой системы и узуса, как уже отмечалось, является норма.

В отличие от системы, норма принуждает языковой коллектив использовать инвентарь языковых средств строго определенным образом. Поэтому одним из основных свойств нормы следует считать императивность. Прескриптивность нормы, ее «государственность» обязывает носителей языка строго выполнять ее рекомендации.

В.Б. Касевич характеризует суть языковой нормы как «способ существования системы» [105, с. 98].

У Э. Косериу механизм взаимодействия системы и нормы раскрыт следующим образом: «Мыслительная деятельность индивида заключается в оригинальном использовании системы в пределах и за пределами допустимого нормой диапазона». Здесь же Э. Косериу поясняет свою мысль: «В речевой деятельности индивидуум может знать и не знать норму, иметь в большей или меньшей степени представление о системе. В своем незнании нормы говорящий опирается на систему, и при этом его реализация будет совпадать или не совпадать с нормой; осознанное употребление нормы позволяет носителю языка варьировать реализацию языковых единиц в пределах отпущенных нормой границ или даже выйти за эти пределы, используя для этого возможности системы» [73, с. 86].

Таким образом, Э. Косериу признает за человеком право изменять норму, если такие изменения санкционированы системой. Носитель языка (по Э. Косериу) является одновременно и причиной изменений в системе, если они обусловлены незнанием или неприятием нормы.

Действительно, если средой функционирования языковой системы является человеческое общество, а ее носителем следует считать языковую личность, то вторая функция нормы должна заключаться в отборе, оценке и распределении реализации языковых структур в узусе. Данная функция отражена и в лингвистичес-

ком определении нормы, которое наиболее удачно, на наш взгляд, сформулировано у Э. Косериу: «Норма – это совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций языковой структуры, отобранных и закрепленных языковой практикой» [73, с. 86].

Реальная норма, формируемая узусом, представляет собой некий стандарт, более или менее объективно отражающий характер отношений узуса и системы. Норме реальной фактически может быть противопоставлена кодифицированная норма.

Появление кодифицированной нормы свидетельствует о достижении языком и обществом определенного уровня развития, при котором предписывающий характер правил языкового поведения не имеет, а точнее было бы сказать, не должен иметь слишком больших расхождений со стихийно сложившимся стандартом звукового языка и поэтому воспринимается как вполне достижимый образец.

Кодифицированная норма фиксируется и периодически обновляется в орфоэпических словарях, рассчитанных на довольно узкий круг людей. Абсолютное большинство носителей языка не испытывает потребности в рекомендациях прескриптивной произносительной нормы. Гораздо большая зависимость ощущается языковым коллективом от правил письма, еще и потому, что грамотным человеком считается тот, кто умеет писать, а не говорить. По этой причине нормализация письма, вторичного по своей сути языкового кода, всегда предшествует кодификации звукового языка.

Кодифицированная норма лишь фиксирует то или иное состояние реальной нормы, являясь зеркальным отражением последней. Роль кодификаторов здесь относительно проста: представить адекватный произносительной реальности, образец нормы со сведенным до минимума диапазоном вариантности. Таков порядок кодификации нормы, однако, его реализация становится весьма затруднительной, если звуковая форма национального языка неоднородна.

Письмо субъективно по своей природе. Оно является установленной нормой, в отличие от таких уровней языка, как морфология или синтаксис, нормы которых являются реально данными, объективными, независимыми от воли человека, общества, государства.

Будучи результатом сознательной деятельности человека, письмо должно служить средством передачи во времени и пространстве объективно существующей языковой реальности. На определенном этапе развития общества появляется тот или иной способ кодирования звуковой речи посредством набора графических знаков. Затем находится форма организации графической структуры письменных высказываний, которые фиксируются в виде правил графики и орфографии, являющимися нормой письменной речи для всех носителей языка.

Таким образом, отношения между звуковым языком и письмом есть отношения между двумя автономными системами, имеющими один план содержания, но и отличающимися разными видами материального выражения. Объединяет звуковой и письменный языки их функциональная адекватность. И звуковая форма языка, и ее письменный код являются знаковым кодом передачи мысли. Основное назначение письма, помимо сохранения и передачи информации, состоит еще в объединении с его помощью представителей его региональных и социальных групп в языковой коллектив, каждый представитель которого может и должен пользоваться одной системой графического представления языка.

Для этого необходима кодифицированная норма письма – орфография, содержащая правила графической реализации всех уровней языка.

Нельзя не согласиться с мнением Т.М. Григорьевой: «Современная лингвистика отмечает значительные изменения в функционировании «вырвавшегося на свободу» русского языка периода гласности, когда норма-догмат, которая разрешала или категорически запрещала, сменяет норма-выбор, которая допускает и одобряет использование (из двух или нескольких) наиболее соответствующих в определенном речевом контексте языковых средств. Обусловленность языковых процессов процессами социальными совершенно очевидна, и русская орфография не является исключением: она также становится своеобразным зеркалом кардинальных преобразований в обществе и общественном сознании» [106, с. 228-229].

Таким образом, графико-орфографическое однообразие эпохи орфографического догмата сменилось орфографическим

плюрализм. Т.М. Григорьева выделяет три наиболее характерные тенденции, свойственные современной русской письменности: 1) возрождение элементов дореформенного правописания; 2) внедрение в русский текст графико-орфографических явлений разных языковых систем; 3) активизация параграфемного компонента, или тенденции к пиктографичности [106, с. 228-229].

Глубоко проанализировав историю русской орфографии XVIII – XX вв., Т.М. Григорьева делает следующие выводы касательно тенденций развития современного русского правописания: 1) «дореформенное письмо в современном тексте уместно и, может быть, необходимо в случае, если оно функционально значимо и грамотно выполнено, однако <...> факты неграмотного и немотивированного его применения ставят перед необходимостью лингвистического просвещения общества и преодоления каждым неадекватного представления о русском орфографическом прошлом, чтобы старая орфография не была предметом развлечения малообразованных» [106, с. 238]; 2) «одним из проявлений свободы русского правописания является процесс внедрения в русский письменный текст элементов иноязычных систем», так, <...> «имена иностранных реалий, которые в советский период передавались посредством транслитерации, входят в текст в своем исконном, иноязычном, облике» [106, с. 238]; 3) «период графико-орфографической свободы постсоветского периода характеризуется активизацией параграфемного компонента, <...> Буква-пиктограмма становится знаком имени или всего рекламного текста. Среди 18 букв русского алфавита, которые выполняют функцию логотипа, самый широкий диапазон пиктографических реализаций имеет буква **О**» [106, с. 241].

Отмеченные проявления полизнаковости современного русского письма являются отражением экстралингвистической действительности конца XX и начала XXI столетия с характерными для нее признаками: 1) отрицанием советской действительности, 2) широкими иноязычными контактами, 3) первостепенной значимостью коммерческой парадигмы.

Таким образом, на современном этапе развития языка наблюдается тенденция активизации орфографической деятельности лингвистов и общества в целом, не только в русском правописании, но и в ряде других языков, особенно языков государств

постсоветского пространства, поскольку социально-политические изменения, произошедшие в этих государствах, повлекли за собой необходимость внедрения новых правил правописания, а следовательно, выработки ортологических рекомендаций и немедленного их кодифицирования в языке.

Нормозадающие механизмы в современном обществе претерпели серьезные изменения, и это создает реальную проблему для нормализационного процесса. Изучение этой проблемы, несомненно, относится к актуальным задачам теории ортологии.

Языковая норма – одна из важнейших составляющих национальной культуры. Языковая норма складывается в реальной практике речевого общения, отрабатывается и закрепляется в общественном употреблении как узус; литературная норма, бесспорно, базируется на узусе, но она еще и специально опекается, кодифицируется, т.е. узаконивается специальными установлениями (словарями, сводами правил, учебниками). Поэтому разработка литературной нормы, ее кодификация важны не только для сохранения целостности литературного языка, но и имеют большое социально-культурное значение. Понятие узуса принципиально отличается от понятия нормы: узус – это то, что наиболее распространено; норма – это то, что поощряется, поддерживается, одобряется. Как известно, норма устанавливается учреждениями или авторитетными лицами и предписывается обществу. Узус складывается в процессе развития языка и никем не предписывается.

Согласно этой концепции, все изменения в словарном составе и грамматическом строе возникают и закрепляются в речи. Возникающие в речи новообразования ломают существующую систему языка, видоизменяют ее, переходят из речи в язык.

Совмещая в себе характеристики и плана языка, и плана речи (хотя и будучи в основном речевой категорией), узус создает условия для воплощения языковой системы в речи в синхронном состоянии и для изменения ее в диахронном состоянии [107, с. 76].

Согласно К.С. Горбачевичу: «При такой точке зрения, естественно, можно говорить лишь о нормах речи, но не о нормах языка; этот подход может быть плодотворным в области функциональной стилистики, но не при кодификации литературного языка, опирающейся на общее для современников восприятие

норм употребления языковых единиц в типичных «регулярно воспроизводимых» контекстах» [108, с. 48].

Правильность речи – это базовое требование культуры речи, ее основа. К сожалению, техника культурного речевого пользования к настоящему времени осмыслена системно-результативно: словарь и грамматика современного русского языка получили ортологическую интерпретацию и кодификацию, частично зафиксированы клишированные формулы речевого пользования. Технологическая же, процессуальная, сторона нормы остается вне поля зрения теории культуры речи и ортологической кодификации.

Выделение коммуникативного и этического компонентов культуры речи [109, с. 63], усилившееся с развитием функционализма и антропоцентризма в лингвистике, выработка понятия владения речью, восходящего к понятию коммуникативной компетенции [110], обещают перемены, способствуют тому, чтобы устойчивая громада уровневой ортологии перестала, наконец, быть единственным способом ортологической систематики. Вторым способом может и должна стать систематика на речедеятельностной основе. Сферы же культурно-речевой регламентации отвечают названным выше компонентам культуры речи: коммуникативному и этическому.

На сегодняшнем развитии языка актуальной становится выработка такой теории нормы, которая была бы адекватна современной коммуникативной ситуации. В этой связи актуализируется интерес в широком научном контексте к разным типам норм, включая стилистическую и риторическую нормы, а также – современную коммуникативную ситуацию в отношении норм разных типов.

Современное состояние русского языка, широкая представленность в нем вариантных форм, их стилевая и стилистическая дифференцированность позволили сформировать новый взгляд на характер нормы: характеристики нормативное – ненормативное оказались недостаточно точными и неадекватными по отношению к ряду языковых явлений. Появляется дифференцированное представление о норме – норма оказалась достаточно эластичной, максимально приближенной к ситуации общения, к теме общения, к среде общения.

Рассматривая взаимоотношения нормы и антинормы, Л.Н. Мурзин сформулировал критерии их разграничения: статистический (чем чаще употребляется, тем нормативнее); деривационный (все производные формы языка тяготеют к ненормативности, все производящие – к нормативности); логически (нормативны те формы, которым соответствуют логические структуры – так, прямой порядок слов нормативнее, чем обратный); психологический (чем нейтральнее языковая форма, тем она нормативнее, так как привычнее отмеченной; последние попадают в фокус внимания) [111].

Для установления критерия нормативности, по мнению Ш. Балли, следует обращаться к устной речи: «Учитывая, что язык создан, прежде всего, для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [112, с. 114]. Эту установку можно считать правильной в том смысле, что живой речевой опыт следует закономерным и активным тенденциям, которые не всегда могут быть своевременно уловлены в практике нормализации (нормативные грамматики, словари, справочники и т.п.). Однако склонность Ш. Балли недооценивать письменную языковую традицию уже была подвергнута критике в лингвистической литературе [112, с. 404]. Идея «нормы» была намечена А. Сеше, ставившего перед лингвистикой речи задачу изучения узуса. А. Сеше указывал на отрыв грамматических трудов нормативного характера от реальности живого языка [112, с. 114]. Случаи отставания нормализаторской деятельности отмечались и позже.

Норма формируется узусом (общественной практикой), «живущим» за счет потенциала языковой системы. Активность узуса порождает необходимость выбора одного или нескольких вариантов реализации, считающихся в данный период развития языка образцовыми. Следовательно, сама необходимость выбора и связанная с ним проблема нормы возникает в том случае, когда в потенциале системы имеется более, чем один способ представления того или иного структурного элемента. Отсюда следует два вывода: во-первых, норма не может быть шире системы; во-вторых, «в норме не может быть явлений, противоречащих системе» [113, с. 30].

С ростом языковой культуры массой говорящих яснее осознается норма и отклонения от нее, возрастает оценочное восприятие любых языковых изменений.

2.6. Директивы государства как регуляторы нормы (на примере употребления отонимических наименований)

Новая геополитическая и языковая ситуация привела к значительным изменениям в функционировании языков на некогда едином общественно-политическом, культурном и экономическом пространстве, преобразованиям культурно-языковых отношений и типологии культурно-языковых контактов народов постсоветского пространства.

В Конституции Республики Казахстан (1996), «Законе о языках» (1997), «Концепции языковой политики» (1996), Указе Президента РК «О государственной программе развития и функционирования языков» (2001-2010) указывается на необходимость полноценного функционирования государственного языка и всестороннего, гармоничного развития языков народов, проживающих в Казахстане.

Определяющим основанием для осуществления данного исследования явились также Правительственные решения: Конституция Республики Казахстан (1995 г. с изменениями, внесенными Законом РК в 1998 г.); Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-1 «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями, внесенными Законом РК от 20.12.04 г. №13-III); Распоряжение Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 года № 3186 «О Концепции языковой политики Республики Казахстан»; Государственная программа функционирования и развития языков (5 октября 1998 г.), Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 гг. (17 февраля 2001 г.), Проект Государственной программы функционирования и развития языков на 2011-2020 гг. и другие документы, регулирующие государственно-правовые аспекты языковых отношений.

В данных документах обосновывается правовой и политический аспекты развития государственного языка, подчеркивается его приоритетная роль в дальнейшем становлении и укреплении суверенитета и государственности, служащего гарантом целостности и стратегической безопасности Казахстана, и указывается на необходимость всестороннего социолингвистического анализа осуществляющегося в стране языкового планирования.

Языковая политика Казахстана направлена на: а) осуществление языкового строительства по трем стратегическим направлениям – расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка, сохранение общекультурных функций русского языка, развитие других языков народов Казахстана; б) создание ситуации благоприятствования процессам языковой нормализации, урегулирования функциональных взаимоотношений между государственным казахским и русским языками; в) целенаправленное и последовательное воздействие на функциональный статус и модернизацию казахского языка, расширение сфер его применения, проведение широких мероприятий по стандартизации корпуса казахского языка, нормализации и унификации терминологии и др.

Все сказанное позволяет говорить об успешном решении проблемы стандартизации и адаптации казахского языка к более широким коммуникативным потребностям и социальным функциям официально-делового общения.

Одним из актуальных задач, стоящих на сегодняшний день перед отечественными лингвистами, признается создание национального корпуса казахского языка. Корпусное планирование осуществляется во взаимосвязи со статусным планированием и включает в себя графизацию (создание письменности или приспособление существующей письменности для других языков), стандартизацию (процесс создания стандартного литературного языка, включающий выбор языка-стандарта, его кодификацию, внедрение норм в общественную речевую практику, совершенствование языка-стандарта) и модернизацию (процесс приведения в равновесие языков, функционирующих в одном пространстве). Видим, что именно стандартизация связана с увеличением объема функций и развитием стилистического многообразия языка, так произошло и с развитием и совершенствованием официально-делового стиля казахского языка, который стал использоваться в ранее ограниченных для доступа сферах, в том числе в государственном управлении. Вместе с тем, становясь более и более стилистически разнообразным и вместе с тем все более и более кодифицированным и стандартизированным, казахский язык используется и все прочнее внедряется уже как символ этнической и языковой идентичности.

Стандартизация языка, сопровождающая процессы его модернизации, способствует распространению мысли о том, что мы имеем дело с единственно правильной системой языка, в которой недопустимы варьирование и изменения, а напротив, поощряется лишь следование норме и нетерпимость к ошибкам.

Немаловажным аспектом в области модернизации государственного языка является неологическая лексика, включающая в себя в качестве важнейшей части онимическую и отонимическую лексику казахского языка, а также единиц казахского языка, заимствованных русским языком.

С принятия Закона РК от 8 декабря 1993 года «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан» и выхода Постановления Правительства Республики Казахстан от 5 марта 1996 года, в котором утвержден Порядок наименования и переименования предприятий, организаций, учреждений, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов республики и изменения транскрипции их названий возникла существенная потребность в нормализации их употребления как в казахском, так и в русском языках.

Правильное написание онимических и отонимических наименований Казахстана на казахском и русском языках имеет не только исключительное научно-практическое, но и государственное значение, так как проблема унификации и стандартизации онимов и отонимических наименований молодого суверенного государства на сегодня является актуальной в связи с неизмеримо возросшими контактами с мировым сообществом.

Изучение ортологических основ грамматической адаптации отонимических наименований служит ценным материалом, отражающим процессы модернизации государственного языка, поскольку в написании оригинальных казахских отонимических наименований и их русских эквивалентов имеются отдельные недостатки (порою искажения) и зачастую отсутствует их унифицированное орфографическое и орфоэпическое употребление. Основной причиной существующего положения является отсутствие справочных (нормативных) пособий, регулирующих употребление новых онимов. Именно поэтому так актуален вопрос о правильной транскрипции и транслитерации казахских отоними-

ческих наименований на русском языке, широко функционирующих в учебниках, учебных пособиях, в историко-географических справочниках, периодической печати, а также в средствах массовой информации. Изучение и определение дальнейших путей модернизации и нормирования государственного языка в указанном аспекте важно не только для развития казахского языка, но и для дальнейшего успешного осуществления языкового планирования и национальной политики в целом.

В Законе Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151–1 «О языках в Республике Казахстан», а именно в Главе 4 «Язык в наименованиях населенных пунктов, именах собственных, визуальной информации» отмечается: «Традиционные, исторически сложившиеся казахские названия населенных пунктов, улиц, площадей, а также других физико-географических объектов на других языках должны воспроизводиться согласно правилам транслитерации. Наименования государственных организаций, их структурных подразделений даются на государственном и русском языках. Наименования совместных, иностранных организаций – с транслитерацией на государственном и русском языках» (Статья 19. Порядок использования топонимических названий, наименований организаций); «Тексты печатей и штампов государственных органов содержат их названия на государственном языке. Тексты печатей, штампов организаций, независимо от форм собственности, составляются на государственном и русском языках. <...> Товарные ярлыки (этикетки) со специальными сведениями, маркировки, инструкции к товарам, производимым в Казахстане, должны содержать необходимую информацию на государственном и русском языках. Товарные ярлыки (этикетки) – со специальными сведениями, маркировки, инструкции к товарам зарубежного производства обеспечиваются переводом на государственный и русский языки за счет средств импортирующих организаций» [100, с. 107-108].

В этой связи Постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 апреля 1998 г. № 368 была создана Государственная ономастическая комиссия при Правительстве Республики Казахстан (Госономком), деятельность которой закреплена Статьей 25-1 Компетенция ономастической комиссии Главы 5 «Правовая защита языков Закона Республики Казахстан».

Важную роль при этом сыграла Государственная ономастическая комиссия при Правительстве Республики Казахстан, вырабатывающая предложения по реализации государственной языковой политики в области ономастики (антропонимики, топонимики, космонимики, астронимики, этнонимики, зоонимики, документонимики, эргонимики и др.). Основной целью Ономастической комиссии является формирование единого подхода к наименованию географических объектов, упорядочения употреблений и учета топонимических названий как составной части историко-культурного наследия Республики Казахстан и их переименованию. Деятельность Комиссии осуществляется в соответствии со следующими задачами:

- 1) сбор, систематизация и изучение географических названий, составление научно обоснованных словарей по ономастике;
- 2) внесение предложений по восстановлению ранее утраченных исторических топонимов;
- 3) участие в выработке наименований для новых географических объектов;
- 4) поддержка ономастики как географической и историко-культурной дисциплины.

Учитывая специфику материала, проводимого исследования среди основных функций Комиссии, наш интерес привлекают два пункта:

1. Комиссия на основе действующих норм орфографии, научной транскрипции и сложившихся культурно-исторических и социальных факторов представляет заключения о наименованиях, переименованиях, уточнениях и транскрипции различных названий. Прежде всего это наименования городов, районов, других административно-территориальных единиц, промышленных, сельскохозяйственных предприятий, железнодорожных и автодорожных станций, почтовых отделений, проектных научно-исследовательских организаций, учреждений, предприятий, высших, общеобразовательных, средних специальных и профессиональных учебных заведений, транспортных, рыболовных судов, пристаней, гидросооружений, аэропортов и других объектов, подведомственных республиканским министерствам и ведомствам Республики Казахстан, фамилий, имен и отчеств граждан, а также псевдонимов писателей и общественных деятелей.

2. Комиссия оказывает консультационную помощь министерствам ведомств республики в решении вопросов, возникаю-

щих в процессе составления карт, издания справочников, словарей, атласов, следит за правильной транскрипцией номенклатуры географических названий Казахстана в них [114, с. 61].

В целом приоритет в деятельности Комиссии отдается переименованиям на казахский язык русских онимов и уточнению транскрипции казахских онимов на основе утвержденных «Основных правил орфографии казахского языка» (1983 г.), в которых закреплены отдельные положения написания географических названий Республики Казахстан на казахском языке. Такие же правила написания географических названий на государственном языке даны в «Справочнике казахского языка» Р. Сыздыковой [115]. Вопросы орфографической кодификации казахских онимов в русском языке остаются нерешенными, хотя существующая широкая вариативность в их правописании создает значительные затруднения в практике письменной речи.

Как правило, вопросы транскрипционной передачи иноязычных слов игнорируются при регламентации письменных употреблений, т.е. есть жесткое разграничение «сфер влияния» орфографии и практической транскрипции. Вопросы транскрипции закрепляются в ведомственных документах и не отражаются в кодифицированных академических изданиях. В «Законе о языках в Республике Казахстан» (1997 г.), в статье 19 утверждено положение о том, что традиционные, исторически сложившиеся казахские названия населенных пунктов, улиц, площадей, а также различных физико-географических объектов на других языках должны производиться согласно правилам транслитерации. Эта статья свидетельствует о необходимости создания в республике новой топонимической концепции и разработки новых правил передачи географических названий Казахстана с одного языка на другой [116, с. 168]. Государственные программы функционирования и развития языков на 2001-2010 гг., 2011-2020 гг., и особенно острая нужда в различных картах и атласах на государственном языке, также выдвигают решения многих теоретических проблем и практических задач топонимики Республики Казахстан как приоритетные в языковом строительстве государства [116, с. 107-108].

Некоторые попытки транслитерации зарубежных и русских географических названий на казахском языке были сделаны А.А. Абдрахмановым и даны в виде приложения к «Русско-ка-

захскому словарю» [117], также в «Словаре-справочнике общественно политических терминов и наименований» [118]. Однако они не являются нормативными и не охватывают весь список названий Казахстана. В них не решены многие транслитерационные вопросы в научном плане. Периодически переиздававшийся справочник Верховного совета Казахской ССР «Административно-территориальное деление» (последнее издание 1989 г.) служил основным нормативным документом для создания и издания различных карт и атласов. Однако, он в отношении транслитерации не выдерживает никакой критики. В нем многие названия на русском языке были даны в искаженном виде. За последние годы многие искаженные названия населенных пунктов и административно-территориальных единиц постепенно исправляются, многие подлежат исправлению в будущем.

Казахстан как суверенное государство и как член ООН с 1991 года ведет независимую топонимическую политику. Одним из главных направлений этой политики является постепенное восстановление и возвращение исторических названий и устранение транслитерационных искажений и ошибок путем унификации и стандартизации написания казахских названий на русском языке и русских названий республики на казахском языке.

Изучение и определение дальнейших путей модернизации и нормирования государственного языка в указанном аспекте важно не только для развития казахского языка, но и для дальнейшего успешного осуществления языкового планирования и национальной политики в целом.

2.7. Инструкции и рекомендации, регламентирующие правописание отонимических наименований

Действующая инструкция по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий Республики Казахстан была подготовлена согласно с Институтом географии МОН РК, с Институтом языкознания им. А. Байтурсынулы, с Агентством Республики Казахстан по управлению земельными ресурсами и утверждена на заседании Государственной ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан от 6 мая 2002 г.

Данная Инструкция была доработана и подготовлена на основе «Инструкции по русской передаче географических названий Казахской ССР» (Москва, 1956 г., 1971 г.), разработанной Центральным научно-исследовательским Институтом геодезии, аэросъемки и картографии ГУГК при совете Министров СССР совместно с Институтом языкознания и сектором географии АН Казахской ССР.

Как указано в предисловии Инструкции: «Применение инструкции 1971 года на практике во многом способствовало улучшению транслитерации казахских географических названий (топонимов) на русском языке, однако ее некоторые правила не выдержали испытание временем, а отдельные положения противоречат статье 19 Закона о языках в РК, принятого в 1997 г.».

В инструкции были регламентированы только вопросы написания казахских названий на русском языке, а правила написания русских названий на казахском языке не даны. В целом, прежняя инструкция требует уточнений и дополнений, отражающих новые реалии государства, новой редакции некоторых положений и приведении ее в соответствие с вышеназванным законом.

Инструкция разработана в соответствии со статьями 7 и 93 Конституции Республики Казахстан, с Законом о языках в Республике Казахстан от 11 июля 1997 года, с Концепцией языковой политики Республики Казахстан, одобренной распоряжением Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 года, с государственной программой функционирования и развития языков, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 5 ноября 1998 года, также с Указом Президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 года. В последнем Указе одной из задач ставится обеспечение унификации норм современного казахского литературного языка путем осуществления интенсификации научно-лингвистических исследований и практической реализации их результатов, в частности, научное обеспечение вопросов ономастики.

Инструкция составлена в соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан «О плане мероприятий по реализации Государственной программы функционирования и развития языков на 2001 – 2002 годы» от 6 апреля 2001 года, где в 31 пункте дано поручение МОН РК о разработке «Инструкции

о передаче казахских топонимов на другие языки согласно правилам транслитерации».

Настоящая инструкция отличается от прежних инструкций (Алма-Ата, 1959; Москва, 1971 г.г.) прежде всего тем, что в ней по-новому устанавливается передача казахской буквы *і*. Ликвидированы примечания к параграфам 9, 13. Параграфы 13, 14 излагаются в новой редакции. Включены новые пункты о целесообразности добавления русских окончаний: -ск, -ский, -ка, -о, -щина и др. к казахским названиям, о недопустимости перевода на русский язык казахских различительных прилагательных и др.

Изменение правил инструкции в указанной части вызвано необходимостью точной передачи на русский язык казахских названий в максимально приближенной национальной форме написания, как этого требует международный стандарт унификации и стандартизации географических названий. Как известно, международный стандарт основывается, прежде всего, на национальном стандарте. Общность алфавитов, основанных на кириллице, позволяет производить точное транслитерирование казахских названий на русский язык и русских названий на казахский язык.

Передача казахских географических названий на языки стран дальнего и ближнего зарубежья пока осуществляется посредством русского языка. В случае перехода Казахстана на латиницу многие из этих стран, применяющие латиницу, могут передавать казахские названия на свой язык без труда.

Новым положением в данной инструкции является включение раздела о передаче русских названий географических объектов Республики Казахстан на казахский язык. Традиционные географические названия Казахстана, помещенные в параграфе 32 прежней инструкции, отныне должны транслитерироваться строго в соответствии с прилагаемой инструкцией.

В данной инструкции несколько изменена композиция разделов, частично обновлен иллюстративный материал, значительно дополнен список народных географических терминов и слов, образующих казахские географические названия, уточнен их смысловой перевод. Исключено приложение II, где даются краткие сведения о казахском языке и казахских географических названиях, не имеющих непосредственного отношения к транслитерации географических названий.

«Несоблюдение некоторыми СМИ написания наименований городов может стать причиной для привлечения печатных и электронных изданий к административной ответственности», говорится в письме председателя Комитета информации и архивов Министерства культуры, информации и спорта Казахстана Сламбека Тауекела от 17 января 2005 года круководителям СМИ республики (Астана, 26 января, Казинформ).

Установление правил транслитерации казахских географических названий на русский язык или с русского на казахский не раз рассматривалось в нормативных документах, в разработке которых непосредственное участие принимали виднейшие казахстанские лингвисты. Так, особого внимания заслуживает проект «Основных положений транскрипции географических названий Казахстана», выполненный еще в 1939 году совместно с заведующим сектором языка Казахстанского Филиала АН С. Аманжоловым и завсектором географии Н.В. Симоновым. Основные положения транскрипции географических названий Казахстана (Основные положения транскрипции географических названий Казахстана /Проект сектора географии Казахского филиала АН СССР/ Машинопись, 1939 – 1 п.л.; 1940 – 2,5 п.л. Авторы – С. Аманжолов, П.В. Симонов, О.Р. Назаревский). Данный проект являлся как бы «ответом» на ряд «Инструкций по передаче географических названий Казахской ССР», составленных в разное время Бюро транскрипции при Главном Управлении Геодезии и Картографии при СНК СССР и присланных на отзыв в сектор географии Казахстанского Филиала Академии Наук СССР, который занимался данным вопросом с начала 1939 года.

Авторы этого проекта считали, что «все присланные «Инструкции» не могут стать главным, общеобязательным источником и пособием в практической работе, поскольку они составлены недостаточно последовательно и принципы, положенные в основу их, не выдерживаются до конца; в результате этого существующая безграмотность, путаница и разноречивость в начертании и оформлении географических названий Казахстана не только не изживается, но скорее усугубляется. В связи с этим сектор географии КФАН считал необходимым выдвинуть на обсуждение свой

проект транскрипции и оформления географических наименований на территории Казахской ССР, в котором учитывается то лучшее, что есть в названных «Инструкциях», но отбрасывается все лишнее, ненужное, противоречивое и одновременно выдвигается целый ряд совершенно новых положений» (Основные положения транскрипции географических названий Казахстана /Проект сектора географии Казахского филиала АН СССР/. Машинопись, 1939 – 1 п.л.; 1940 – 2,5 п.л. Авторы – С. Аманжолов, П.В. Симонов, О.Р. Назаревский).

«Не должно иметь места такое положение, когда в Казахской союзной республике большинство казахских названий так искажены топографами, переводчиками и др., что часто даже непонятно местному казахскому населению. В недавнем прошлом та же участь постигла и названия русских географических объектов, расположенных на территории Казахстана. Нужно со всей решительностью и последовательностью немедленно провести уточнение начертания географических названий, направить все искажения и предупредить возможность их появления в дальнейшем». – указывается авторами Проекта.

Инструкция состоит из следующих частей:

- I. Общие принципы транскрипции
- II. Принципы оформления географических названий
- III. Правила транскрипции нерусских названий на русский язык
- IV. Правила транскрипции неказахских названий на казахский язык.

В основу предлагаемых правил транскрипции географических названий были положены следующие принципы:

1) уничтожение существующего полнейшего разнобоя в начертании географических названий на разных языках и в различных источниках путем тождественного и согласованного написания одинаковых или аналогичных названий;

2) уничтожение существующих искажений географических названий и максимальное приближение их транскрипции к живому народному произношению с необходимыми исправлениями традиционного (но искаженного) начертания.

На наш взгляд, эти принципы актуальны и в исследовании формообразования и словообразования отонимических наименований.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИИ ОТОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

3.1. Форма и содержание производных слов в ономаσιологическом единстве: отонимные новообразования

Словарный состав любого языка находится в состоянии непрерывного развития, одной из закономерностей которого является пополнение лексики языка новыми словами.

При практическом решении лексикографами вопроса о включении или невключении в словник новых слов, лексикографы подходят к решению данной проблемы чисто экспериментально. Так, слово включается в словник, во-первых, на том основании, что оно отсутствует в общелитературных словарях прежних лет, и во-вторых, на основании такого критерия, как воспроизводимость». «Итак, первую и главную особенность проблемы неологии составляет традиционно сложившийся разрыв между экспериментальным и теоретическим ее разрешением. Когда перед специалистами-практиками встают вопросы оценки слова как нормативного/ненормативного или уместного/неуместного в данном контексте, новообразования оказываются совсем на особом положении. В подавляющем большинстве случаев по поводу конкретного слова из числа вновь образованных нет сведений в словарях, т.е. в бесспорно авторитетных источниках нормативной направленности. Следовательно, в своих рекомендациях относительно «правильности» новообразований практические работники должны руководствоваться некоторыми общими положениями теоретического характера. Только в этом случае они

могут рассчитывать на объективность и, соответственно, убедительность своих оценок.

Вторая особенность проблемы неологии касается ее культурно-речевых аспектов. Дело в том, что новообразования, попадая, например, из специализированных областей языка, где их словопроизводство естественно и неизбежно, в сферу общелитературного языка, встречают по большей части социальное сопротивление [119, с. 10-12].

Оказавшись один на один с лавиной новообразований, не имея возможности опереться на авторитет словарей при оценке большей части из них, языковеды-практики вплотную сталкиваются с проблемой выработки некоторой системы аргументации «за» и «против» касательно каждого конкретного случая. Такого рода аргументация должна строиться в первую очередь на основе априорного онтологического принципа, согласно которому всякая новая лексика есть отражение нового в жизни общества, и ее функциональное назначение – обслуживать постоянно возникающие новые языковые (=коммуникативные) потребности.

Следование этому правилу спасает от естественного (в житейском смысле) предубеждения против того или иного слова и тем самым в значительной степени нейтрализует пуристские устремления и умонастроения как практиков, так и нормализаторов.

Основополагающим для методики выделения в нерасчлененном массиве новообразований является категория денотата, содержательно представленная следующим образом:

1. Категории денотата соответствует некоторая совокупность содержательных характеристик понятия, необходимых и достаточных для выполнения соотнесенной с этим понятием языковой единицей функции, предписанной ей по правилам словарной таксономии. Под таксономической функцией разумеется семантическое свойство слова назвать «кусочки действительности» (по В.В. Виноградову) согласно предметной стратификации мира (т.е. условно понимаемое членение реального мира по дифференциальным вещественным признакам разных объектов номинации, этот мир составляющих).

2. Новое слово как результат процесса словопроизводства фиксируется только в том случае, когда производное соотнесено с новым денотатом. При этом понятие «новый» целесообразно

трактовать расширительно: «новый» – значит другой, отличный от денотата мотивирующего слова (слов).

3. Необходимое условие, которому должны удовлетворять явления образования собственно новых слов в языке, – это фактормены денотата [120, с.18].

Л.В. Щерба обратил внимание на существенное различие в предметном соответствии однокоренных слов, которые рассматривались им как основание для разграничения формообразования и словообразования.

При решении актуальных научно-практических задач неологии на роль основной содержательной категории анализа и описания выдвигается номинативное значение, означающее набор денотатных характеристик соотнесенного с данным словом понятия. Основанием для этого служит непосредственная связь номинативного значения с процессами включения новых языковых единиц в словарную таксономию языка.

Регулярные характеристики семантико-словообразовательных отношений мотивации формируют понятийно-словообразовательный тип [121, с. 16].

Итак, все неологизмы характеризуются общностью способов словопроизводства и множественностью используемых при этом средств производства. Такие семантические свойства, как лексико-словообразовательный идиоматизм, цельнооформленность и наличие собственного номинативного значения, служат основанием для выделения неологизмов как особой категории слов в составе новообразований наших дней.

Современные средства массовой информации оказались средоточием процессов, происходящих в русском языке, в том числе в словообразовании. Более того, именно газета, резко изменившая свой облик и направленность, стимулирует эти процессы, расшатывая привычные рамки сложившейся системы. И хотя способы, типы и средства словообразования в принципе остаются прежними, активно изменяется характер именований, которые образуются с помощью этих способов и средств. В известные словообразовательные типы вливается все новый и новый лексический материал.

В ономастическом пространстве центральное, ядерное положение занимают антропонимы и топонимы, такая же ситуация наблюдается и в окказиональном ономастиконе.

Среди окказиональных топонимов можно выделить варианты номинаций для обозначения союза, объединяющего Белоруссию и Россию (*Россобелия, Русобелия, Руссо-Белия, Россибелия*) или Россию и страны Средней Азии (*Россистан*). Отмечается активность топонимических аффиксов, локализирующих отонимические образования абстрактного характера: –ия (*Чуйковия, «Лимония»*), –ленд//–ландия (*Дианаленд, Чернобыльленд, ФИЛяндия, СНОландия*), –град, –бург, –вилль (*Театроград, Путинбург, Санкт-Путинбург, «ельцинвилль»*), –щина (*Кубаньщина, Дальневостокщина, нью-йоркщина, голливудщина, аргентинщина*).

Наблюдения над современным словообразованием обнаруживают ряды словообразовательных дублетов, которые, казалось бы, без видимых мотивов, переживают очень сложные процессы семантического размежевания. Поскольку возможны такие параллельные образования, часто возникает некорректность их употребления, оттенки смысла слабо улавливаются. Обилие словообразовательных дублетов всегда вызывает затруднения при их использовании, причем эти трудности создает сама словообразовательная система.

Свертывание наименований – результат нынешнего активно-семантико-синтаксического способа словообразования. Такие наименования появляются на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный в данном случае суффикс *-к-а*. Эта тенденция поддерживается действием закона речевой экономии. Модель словосочетания «прилагательное + существительное» претерпевает при этом существенные изменения, прежде чем стать кратким наименованием – именем существительным. Общим объединяющим компонентом нового наименования оказывается суффикс *-к-а*, а значение образованного слова ориентируется на первую часть словообразующего словосочетания – на основу прилагательного, хотя это новое слово несет в себе в скрытой форме сумму значений сочетающихся слов, например: *Волоколамка – Волоколамское шоссе, Ленинградка – Ленинградское шоссе, литературка – Литературная газета* и др. Тематически данная модель имени очень разнообразна: это и названия транспортных средств

(*самоходка, электричка*), и названия помещений (*раздевалка, подсобка*), и названия учебных заведений (*мореходка*), и названия одежды (*кожанка, дубленка, тенниска*), и названия напитков, кушаний (*газировка, наливка, запеканка, тушенка*). Такая форма именований была и ранее в русском языке (*тушенка, овсянка, вишневка* и др.), однако в настоящее время подобный способ словообразования приобрел особую активность. Причем часто формы оказываются омонимичными, например: *вечерка* – газета *Вечерняя Москва* и *вечерний факультет*; *персоналка* – *персональное дело* и *персональная машина*; *зеленка* – *лекарство* и *зеленая зона* (во время войны в Афганистане).

Подобные формы имен существительных в основном составляют словарь разговорной речи – непринужденной, краткой, экспрессивной.

Так, Н.Б. Гарбовская в диссертационном исследовании «Онимные и отонимные новообразования в современных массмедийных текстах» рассматривает пласт отонимических наименований как наименования, подобные именам, и дает следующее пояснение: «по своему значению они близки к онимам, однако имеют дополнительные коннотации, обычно присущие нарицательным именам, что позволяет отнести их к отдельной группе наименований, находящихся на границе онимов и апеллятивов», и предлагает использовать термин Ю.А. Карпенко *мезоним*, обозначающий оним в процессе трансонимизации, и условно назвать их новообразованиями мезонимического характера, к которым относит наименования детей по антропониму родителя («*муромята*» – дети Михаила Муромова, *сабонята* – дети Арвидаса Сабониса, «*рэмбенок*» – сын Сталлоне, исполнителя роли *Рэмбо*), наименования лиц со значением подобия (*жваноиды, арканоиды, ельциноиды, гайдариобразные, «Элвисоподобные»*) [122]. Н.Б. Гарбовская к отдельному типу мезонимического характера относит также случаи употребления онимов во множественном числе. Поскольку «этим словам, служащим для индивидуализации предмета, не свойственно употребление в формах мн. числа», такое словоупотребление приобретает особый экспрессивный эффект: *Это претензия к бушам, путиным и саддамам, фантазии у которых, всех вместе взятых, меньше, чем у одного голливудского режиссера* (МК, 16 мая 2005). Все эти *ельцины*,

чубайсы, кохи, абрамовичи, фридманы, уринсоны и им подобные забрали у нас наши национальные богатства (МК, 25 октября 2005). *А тут я решила расслабиться, когда меня все эти погони, все эти америки и лас-вегасы чуть не вырубили* (МК, 16 апреля 2005) [122].

Таким образом, отонимические наименования активно пополняют ономастическое пространство. Лингвистический анализ над производными от онимов, а также новыми окказиональными онимами позволяет предопределить активные зоны и направления деривации, разграничить естественную и искусственную номинацию, узуюальную и окказиональную деривацию в сфере отонимического словопроизводства, установить систему способов отонимического образования, рассмотреть структурно-семантические особенности окказиональных отонимов, их прагматические характеристики и когнитивное содержание, выявить наиболее активные способы образования и словообразовательные форманты, а также установить продуктивные типы онимов, выступающих в качестве производящих основ для окказиональных лексем.

Отонимическая лексика составляет значительный объем в любом языке и в период общегосударственных реформ наиболее часто подвергается изменениям, обусловленным внешними и внутренними причинами динамики языковых единиц. Письменное употребление иноязычных отонимов отличается максимальной вариативностью. Непреодолимость орфографических колебаний иноязычных отонимов свидетельствует о неспособности существующей кодифицирующей базы языка решить на практике проблему орфографического единообразия в этой области, что связано с отсутствием конкретных предписаний по проблемам письменной адаптации иноязычных слов.

Сложная многоуровневая организация ортологии предполагает включение отонимических наименований в систему русского языка и их адаптацию на всех языковых уровнях, где особую актуальность получает их грамматическая адаптация, т.е. включённость в грамматическую парадигму языковой системы. Противоречия действующего орфографического режима в словообразовании и словообразовании отонимических наименований свидетельствуют о тенденциях, складывающихся в совре-

менном русском языке: развитии аналитизма в области грамматики и развитии агглютинации в области словообразования.

Функционирование казахских онимов и отонимов в русской речи есть акт межъязыковой и межкультурной коммуникации как результат взаимодействия двух языковых и речевых систем. Действующие инструкции РК по русской передаче казахских онимов и отонимов разработаны на принципе максимального приближения к графике языка-источника, однако единообразного применения этих правил в речевой практике не прослеживается.

Современная коммуникативная ситуация характеризуется увеличением вариативности в речи, изменением самого характера нормы, регулярностью отклонений от нормативных рекомендаций, что в целом ведет к формированию новой нормы, отражающей тенденции развития языковой системы. Действующая орфографическая норма, ее интерпретации в учебной и справочной литературе, а также ее реализация в словарях и практике печати обнаруживают явные противоречия, связанные с нерешенностью проблемы единых ортологических оснований адаптации новых иноязычных наименований в русском языке.

Анализ состояния действующего орфографического норматива («Правила русской орфографии и пунктуации», 1956 г.) подтвердил существование неадекватного отражения отношений *язык – письмо*, а отсутствие научно обоснованного описания ортологической адаптации онимической и отонимической лексики обнаружило существенные пробелы в их орфографической типологии, требующей скорейшей инструктивности нормы в аспекте правописания.

Установленные иерархические взаимоотношения вариантов в употреблении отонимических единиц позволяют разработать продуктивные / непродуктивные модели номинации отонимов. Ускоренная ортологическая адаптация казахских отонимических наименований в русском языке связана с их идентификационно-дифференцирующей функцией и обеспечивается экстралингвистическими факторами.

В этой связи особое внимание привлекает проблема формирования и функционирования отонимических номинативных единиц. В процессе ее решения, прежде всего, остановимся на двух аспектах: выявим отличительные особенности языковой номинации и опре-

делим принимаемую нами точку зрения на проблему образования отонимических единиц, что послужит необходимой теоретической базой для дальнейшего исследования интересующих нас проблем в области ортологического подхода в выборе формообразования и словообразования отонимических единиц.

В этом аспекте наш интерес привлекает словопроизводственная модель И.С. Торопцева, которая специально ориентирована на создание номинативной единицы и содержит 6 компонентов, каждый из которых предполагает статический и динамический аспекты в их диалектическом единстве. Это:

1) понятие о характере идеальной стороны производных лексических единиц (семантической базе лексической объективации), о подготовке в соответствии с ним нового идеального содержания к лексическому объективированию;

2) понятие о системе разновидностей мотивировки и о ее использовании, т.е. о выборе одной из разновидностей и ее применении;

3) понятие о производящем и его выборе;

4) понятие о системе способов воспроизводства и его использовании (выбор варианта способа);

5) понятие о характере звуковых оболочек производных лексических единиц и о их добывании;

6) понятие о сцеплении идеального и материального в лексической единице и о его осуществлении.

Статическая часть модели предполагает понятие об эталоне или наборе разновидностей в рамках каждого из компонентов, динамическая – понятие о способе достижения эталона или выбора одной из возможностей [123, с. 139].

Мы принимаем точку зрения тех исследователей, которые определяют онимы как лексически значимые единицы, непосредственно связанные с понятиями и на этом основании по природе своего значения являющиеся общими, т.е. обозначающими множество (класс) объектов. В связи с этим интерес представляет концепция Н.Ф. Алефиренко о специфике ономастической семантики. В основе данной концепции лежит идея строгого терминологического использования слов *денотат*, *денотативный*, *денотация* и *референт*, *референтный*, *референция*, когда решаются вопросы о различиях в семантике онима и апеллятива и о наличии сигни-

фиката в ономастическом значении. С точки зрения исследователя, «в семантике онима фиксируется и тот индивидуальный признак, которым данный объект именован выделяется из совокупности других однотипных (референтное значение онима), и тот групповой признак, по которому этот объект относится к соответствующему классу. Ср.: оз. *Ильмень*, оз. *Эльтон*, оз. *Байкал*. Референтное значение каждого онима – это конкретный водный объект под *Новгородом*, восточнее *Волгограда* и в *Сибири*; денотативное значение – «озеро», т.е. общий (обобщающий) признак всех трех объектов. Оба типа ономастического значения представляют диалектную связь отдельного и общего, конкретного и абстрактного» [124, с. 166].

Таким образом, правомерным является идея «имплицитной связи» А. Биженовой между онимом и именем класса, к которому он принадлежит и на основе которого не только формируется денотативное содержание ономастического значения, но и выявляется сущность сигнификативного компонента ономастической семантики, так как «абстрагируемая часть ономастического значения не только фиксирует соотношенность имени с денотатом, но и свидетельствует о присущих (или приписываемых) ему признаках» [125, с. 167].

Как уже было отмечено выше, значение слова в целом формируется и развивается на основе понятия: значение слова и понятие представляют собой принципиально одно и то же явление. Основное различие их заключается в том, что один и тот же феномен рассматривается с разных сторон (т.е. соответственно под углом зрения языкового и мыслительных процессов) и соответственно с различной степенью глубины. Вместе с тем значение слова не есть описание денотата во всех свойственных ему чертах и проявлениях, но мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними.

Как видим, в основе понятия и, как следствие, в основе языкового знака лежит обобщение (категория логики). Единичное обладает теми же определениями, какие есть у всеобщего и особенного, а одновременно многими сверх того. Точно так же обстоит дело и с особенным по отношению ко всеобщему. Данное положение позволяет понять не только природу ономастической семантики, но также семантические отношения имени

нарицательного и имени собственного через понятие. В языке это, с одной стороны, родовидовые отношения слов (всеобщее и особенное), с другой – имя с функцией общего (имя нарицательное – род, вид) и имя с функцией единичного (имя собственное), например: населенный пункт (всеобщее) есть город (особенное).

Таким образом, семантика имени собственного не исчерпывается значением соответствующего имени нарицательного, хотя и тождественна ему с точки зрения стоящего за ним сигнификата, а содержит свой собственный ономастический элемент, выражающий отношение данного единичного денотата к другому или другим.

А. Бижкенова отмечает следующее: «В ходе изучения онимов рассматривались такие аспекты лингвистической природы, как их генетическая вторичность, отсутствие сигнификативности значения, отнесенность к единичному денотату, особое словоизменение и словообразовательное моделирование, неперевожимость. Явление перехода ономастических единиц в категорию нарицательных слов из-за своей регулярности в языке не могло остаться незамеченным исследователями ономастики» [125, с. 4]. Исследователь обращает внимание, что в лингвистических трудах проблемы деонимизации и деонимной лексики освещены лишь в определенных аспектах. «Производные слова – деонимы – представляются как морфологические структуры, как особые семантические дериваты, как этимологические номинации, либо анализируются как этнокультурные элементы языка. <...> В системе изучения онимов слабо затронут и раскрыт такой исключительно важный момент, как переход в другую, противоположную им категорию, именуемый деонимизацией» [125, с. 4].

Отонимные новообразования в языке – довольно широко распространенное явление, приобретающее в периоды активных трансформаций общества особую социальную и лингвистическую остроту. Лингвистическая ценность ономастического материала заключается в реализации в данной области важнейших тенденций языкового развития, которые могут существенно воздействовать на языковую систему.

Для унификации орфографических вариантов иноязычных отонимических наименований, традиция письменного употребления которых еще не сформировалась, необходим четкий критерий нормирования, который еще предстоит выработать. Способы

кодификаций заимствований, в отличие от русских слов, характеризуются отсутствием обобщенных предписаний и часто сводятся к перечислению орфограмм. При отсутствии четких рекомендаций по написанию слова действующие правила объективно поддерживают вариативность.

В зависимости от степени онимизации все ономастические названия входят в тот или иной разряд, в результате этого в структуре ономастического пространства принято выделять ядерные и близкие к ним разряды: антропонимы, мифонимы, зоонимы, топонимы и др., «у которых свойства собственного имени представлены в полной мере», и пограничные, или периферийные: эргонимы, фалеронимы, гемеронимы, хрононимы и др.

Успешное развитие ономастики, введение ономастического материала в научный оборот и всестороннее его изучение привели к необходимости различения узуальной и окказиональной ономастики, растет внимание к словообразовательному аспекту ономастических исследований – к разграничению синхронного онимического и отонимического словообразования.

С позиций деривационного подхода аспект разграничения естественного и искусственного, стихийного и сознательно-го в имятворческом процессе получил свое монографическое завершение в работе М.В. Голомидовой «Искусственная номинация в русской ономастике» [126]. Автор монографии считает, что «искусственная номинация – преднамеренное словотворчество, направленное на пополнение лексического языкового фонда».

Признавая факт искусственной номинации в языковой деятельности, следует учесть, что эта номинация может быть и направлена на пополнение лексического языкового фонда (при создании научной терминологии и номенклатуры, производства имен как собственных, так и нарицательных), и не иметь таковой цели, если представляет собой окказионализм, который служит художественно-стилистическим средством в тексте или способом для «сиюминутного практического общения» в устной речи. Иными словами, с позиций ономастиологии действительно необходимо разграничивать естественную и искусственную номинацию, и узуальную и окказиональную деривацию с позиций функционирования этих номинаций в языке.

В целом же вопрос о способах номинации и средствах образования ИС имеет два аспекта: 1) *отапеллятивное образование онимов* и 2) *внутрионимное образование*.

1. Отапеллятивное образование онимов проявляется в результате:

- а) онимизации нарицательных имен существительных;
- б) субстантивной онимизации прилагательных.

Онимизация в широком смысле включает:

а) переход имен нарицательных в имена собственные без изменения формы слова: *Бахыт – бахыт (счастье)*, *Куаныш – куаныш (радость)*, *Жибек – жибек (шелк)* и т.д.; чаще всего кафе, ресторанам и магазинам присваивают антропонимы – личные имена их учредителей или близких им родственников «*Гульжан*», «*Айсулу*», «*Азамат*», «*Арман*»;

б) субстантивную онимизацию прилагательных, проявляющуюся достаточно частотно в урбанонимах (названиях улиц, проездов, проспектов), например, в Алматы – *Сельская*, *Парковая*, *Парниковая*, *Почтовая*, *Садовая*, *Перонная*, *Целинная*, *Шоссейная* улица, *Майский* переулок, *Илийский* тракт и т.д.

2. Внутрионимное образование проявляется:

- а) в трансонимизации имен собственных;
- б) в трансформации имен собственных.

Трансонимизация – это «образование имен собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [127, с. 46]. Результатом типичной трансонимизации является переход античных теонимов или иных онимов в разряды астронимов, космонимов, эргонимов (и т.д. – список открытый) без изменения своего звучания: *Аполлон* – бог любви и имя человека и «*Аполлон*» – название космического корабля; *Марс* – бог войны и название планеты; *Казбек* – гора и мужское имя, *Кайрат* – имя человека и «*Кайрат*» – название казахстанской футбольной команды.

Трансформация онимов происходит с помощью морфемной деривации: гора *Урал* – город *Уральск*, поселок *Шортанды* – озеро *Шортандинка*; город *Атбасар* – река *Атбасарка*, личное имя *Байзак* – поселок *Байзакский*; *Шолпан* – женское имя и *Шолпан* – название планеты, река *Иртыш* – *Прииртышье*, укрепление *Акмола* – город *Акмолинск*, море *Арал* – город *Аральск* и т.д. При трансонимизации развиваются референтные коннотации.

Для второго типа внутрионимных образований антропонимов, называемых В.И. Супруном «внутренней деривацией», характерны, прежде всего, такие, как:

а) формы личных имен собственных (ЛИС) со значением субъективной оценки, мотивированные официальными формами имен – так называемые квалитативы: *Лена, Ленчик, Ленка – Елена*; у казахов при обращении к старшим по возрасту к первым слогам их имени прибавляются различные аффиксы, выражающие почтительное, уважительное отношение: *Әбе, Әбеке, Әбен* от *Әбдіманап, Әбдірахман*; *Сәбе, Сәбен* от *Сәбит*; *Мұқа, Мұқан* от *Мұхтар*; *Жәке* от *Жамал, Жәмила*; *Күлеке* от *Күлжахан, Күлжан* и др. В казахской семье родители по отношению к своим детям употребляют ласкательную форму имени, например: *Ботаиш* от имени *Ботағоз*, *Сатыиш* от *Сатылған*, *Күләиш* от *Күлбахарам*, *Сәкен* от *Садуақас*, *Сейфолла*, *Шәкен* от *Шәймерден* и др. [128];

б) формы отчества: *Алексей – Алексеевич // Алексеевна*; у казахов отчество не всегда присутствует, оформляется с помощью суффиксов *-ич, -ыч, -евна, -овна*. заимствованных из русского языка, или с использованием казахского слова улы (сын), кызы (дочь), например: *Сара Муқановна Ботбаева, Айжан Беришевна Жумабаева, Әсем Дәулетқызы Елжанова, Бекежан Досымұлы Асылқанов, Талап Шыныбекович Мусабаев, Самат Бекенович Муртаев* и др.;

в) отыменные фамилии, состав словообразовательного гнезда которых включает и дериваты от деминутивных форм: *Алешин, Алешкин – Алёша, Алешка; Алехин – Алёха*.

В рамках живого активного *узуального* деривационного онообразования обычны суффиксальные и смешанные способы деривации, формирующие известные стандартные словообразовательные модели в пределах онимов.

В настоящее время трансонимизация считается ярким подтверждением динамики ономастического поля. При ее синхронности, когда полисемия слова уже утрачивается, а омонимия еще не реализуется, промежуточное положение между ними, переходную стадию выделяют в особое так называемое явление *мезонимизации* (от греч. *mesos* – промежуточный, средний), а сам оним получает название *мезолекса* [127, с. 362] или *мезоним* [129, с. 4],

поскольку он «сохраняет материальную структуру производящего слова и им мотивировано» [130, с. 190-191].

Как уже было отмечено выше, значение слова в целом формируется и развивается на основе понятия: «Значение слова и понятие представляют собой принципиально одно и то же явление. Основное различие их заключается в том, что один и тот же феномен (значение) рассматривается с разных сторон (т.е. соответственно под углом зрения языкового и мыслительных процессов) и с различной степенью глубины» [131, с. 38].

Обильный материал для иллюстрации несоответствий между внутренней формой и значением дают институциональные ИС, а также топонимы и оттопонимические наименования. Так, несмотря на отсутствие городов *Акмола (Астана)*, *Жамбыл (Тараз)* на карте современного Казахстана функционируют наименования областей *Акмолинская*, *Жамбылская*. Таким образом, семантика мотивации является подчиненным фактором по отношению к идентифицирующей функции неизменной внешней формы ИС и его реальному значению. Немотивированных ИС больше всего наблюдается среди самых важных для общества категорий – антропонимов и топонимов. Степень значимости внутренней формы как компонента номинативного аспекта ИС может служить одним из критериев их категоризации.

Ядром субстантивных дериватов, мотивированных собственными названиями, признаются суффиксальные производные: *миттеранизм*, *останкинец*, *спортлотошник*, *алашординец*, *чингизид*, *болашаковец*, *болашакер*. Единичными считаются префиксальные дериваты: *антирахатизм*.

3.2. Наименования жителей в ономастическом пространстве Казахстана: проблемы номинации и тенденции развития

Лексическая система как наиболее динамичная и чувствительная часть языка в первую очередь откликается на малейшие изменения в жизни общества. В периоды социальной и исторической стабильности процессы языкового развития протекают размеренно, постепенно, языковые изменения затрагивают незначительные участки системы. В пору же исторических и социальных

потрясений и революций процессы развития ускоряются, новые производные слова образуются и входят в употребление стремительно, одномоментно [132, с. 7-8].

XX век принес с собой изменения во всех сферах жизни: политической, экономической, технической. Все эти события XX века не могли не отразиться в языке и, в частности, в словообразовании.

В русском словообразовании рубежа XX–XXI вв. одной из наиболее интересных, разнообразных лексико-семантических групп, представленных большим числом новообразований, являются имена существительные-названия лица.

Наименование лица тесно связано с проблемами антропоцентризма в современной лингвистике, эти категории соотносятся как общее и отдельное. Ономастиологическая группа «наименования лица» занимает одно из ведущих мест в системе лексикона по богатству и разнообразию структурно-семантических и грамматических форм, на протяжении нескольких десятилетий вызывает неизменный интерес отечественных и зарубежных лингвистов. Эта проблема освещалась в работах Г.Н. Абреимовой, А.А. Бекбалаева, А.С. Белоусовой, Й. Вацека, В.Л. Воронцовой, О.Л. Дмитриевой, А.В. Душкина, О.И. Еременко, Е.В. Кашпур, Е.Н. Квашиной, М.Н. Лапшиной, К.С. Мейрмановой, А.И. Моисеева, Е. Оксаар, Ю.А. Остина, С.Ю. Поталовой, И.Ф. Протченко, Ю.Р. Серла, Н.П. Савельевой, Г.В. Смирновой, Т.Ф. Солонович, Л.А. Томашевской, М.Е. Федотовой и др.

Ряд исследований посвящен анализу семантических свойств отдельных лексических группировок в аспекте их соотношения с формальными средствами выражения. В некоторых работах проводится анализ различных лексико-грамматических групп слов – наименований лица в плане выявления их внутрисистемных отношений (Л.Г. Павлова, Г.И. Петровичева). На материале отдельных лексико-семантических групп слов (в рамках макрогруппы наименований лица) разрабатывались положения об уровне организации лексической системы. По определенным признакам выделялись тематические группы наименований лиц «по роду занятий», «по возрасту», «по внутренним качествам», «по месту жительства», «по национальным признакам» и т.д. [133; 134; 135; 136; 137; 138; 139]. В этих работах определяется общий

принцип классификации наименований лиц: от наиболее общих классов к классам более конкретным, к лексическим группам и подгруппам, т.е. проводится выборочный анализ отдельных субсистем из общего класса наименований лиц. Исследованию словообразовательных механизмов, лежащих в основе наименований лиц, посвящены работы А.И. Назарова, Е.В. Жидачевской, И.А. Нефляшевой, Н.Б. Гарбовской [140; 141; 142; 143; 144]. В основном исследования проводились на материале художественных и публицистических текстов.

Важнейшую роль в познании мира, в процессах коммуникации и номинации играет человек как субъект деятельности и познания, как творец и носитель языка. Наименования лиц по месту жительства представляют собой значительный в количественном и качественном отношении пласт лексики любого современного языка. Поскольку данные о месте жительства человека сопутствуют практически всем этапам его существования, а развитие системы наименований жителей всегда определялось общественными потребностями в номинации. Наименования лиц по месту жительства входят в лексический класс «наименования лиц» и относятся к самым малоизученным ономаσιологическим группам. В лингвистической науке до сих пор нет общепринятого мнения в отношении терминологии обозначения этой лексической группы, в различных источниках их называют по-разному: *патронимическая лексика* (от лат. *patria* – отечество, родина), *отечественные имена, катайконимы, названия жителей, наименования жителей*.

В русле работ по теории номинации важным является ономаσιологическое направление исследования наименований жителей как одной из продуктивных моделей отонимической лексики. В этой связи наш интерес вызывают тенденции развития исследуемой категории имен, продуктивность/непродуктивность их моделей образования.

Как указывают составители Словаря-справочника «Русские названия жителей: Словарь-справочник» И.Л. Городецкая и Е.А. Левашов «Для указания на то, откуда (из какого места или местности) человек родом, где он живет или когда-то жил, русский язык выработал несколько способов: это или различные синтаксические конструкции, или особые терминологические

слова» <...>. Чаще всего они образуются следующими основными способами: 1) с помощью словоизменятельных аффиксов, например, «Я жил тогда в *Одессе* пыльной...» (А. Пушкин, Евгений Онегин); «← Как называть тебя – Мария. – Откуда родом ты? – С *Карпат*» (А. Блок. Возмездие); 2) с помощью словообразовательных аффиксов: «/Платон Михайлович:/ Как видишь, брат, *Московский житель* и женат» (А. Грибоедов, Горе от ума); «← Из каких мест, товарищ? – Москвич я» (Н. Камбулов, Тринадцать осколков); 3) субстантивация прилагательных (этот способ характерен для устной речи): «← Дальние будете? – Из Москвы. – С Москвы? ... Сами-то *московские* будете? – *Московский*» (В. Слепцов, Владимирка и Клязьма); «← Откуда вы родом? – *Новочеркасский*» (М. Шолохов, Тихий Дон); «← А кто механик? – *Из ростовских*» (Г. Немченко, Пашка, моя милиция) [145, с. 3].

Синонимический характер этих способов проясняют примеры, соответствующие одинаковой речевой ситуации: «← А вы из каких мест, николай Иванович? – Из *Архангельска*» (Б. Дьяков «Повесть о пережитом»); «А сами из каких мест? – *Брянский*» (А. Чаковский, У нас уже утро). Старинный комплексный пример (из письма псковитянина, 1674 г.): «Другу моему доброму Михайлы Михайловичу Павлосону маладому. Нехто знаем тебе, из Пскова, бывший ивангородец, псковский житель Козма Иванов Зюнин челом бью». Выбор каждого из этих способов правомерен на своем месте. «Эти слова – ровесники наших городов и деревень. Их находим уже в первых, древнейших памятниках русской письменности. Например, в «Повести временных лет» читаем: «Къ Мстиславу же собращася дружина въ ть день и в другии, новгородци и ростовци и белозерци». В Московской Руси 15-17 вв. названия людей по месту их оседлого проживания становятся почти обязательной принадлежностью документов делового характера: «А новгородцы, тверичи, новоторжцы, старичане дворяне говорили, что им самим крестьян своих поставитъ в Полоцку не уметь, потому что они люди дальние, чтобы в поместья их посылать» (1660 г.). В 18 веке в связи с изменением делопроизводства слова-названия жителей из делового обихода постепенно уходят. Хотя в целом названия жителей в наше время встречаются в текстах не менее часто, чем в прошлом, их употребление не яв-

ляется строго обязательным. Сферой их применения в 19-20 вв. становится язык, обслуживающий неофициальные отношения в обществе» [145, с. 5].

Суффиксы, образующие в русском языке наименования жителей географических мест, характеризуются большим разнообразием (суффиксальное разнообразие слов-названий жителей – свойство всех славянских и ряда других развитых языков, так, во французском таких суффиксов около 60) [См. Таблицу 1].

Таблица 1

Суффиксы, образующие наименования жителей

Суффикс	Географическое название	Наименование жителя
1	2	3
<i>-ец</i>	Волгоград Дели Новосибирск	волгоградец делиец новосибирец
<i>-анец/-янец</i>	Добруджа Колпны Падуя	добруджанец колпнянец падуанец
<i>-инец/-енец</i>	Акмола Баку Сено	акмолинец бакинец сеннец
<i>-ынец</i>	Ашты Жаксы Золотая Орда	аштынец жаксынец золотоордынец
<i>-ианец</i>	Кабо-Верде Маркизские острова	кабоверденец маркизианец
<i>-итанец</i>	Амальфа Палермо Салерно	амальфитанец палермитанец салернитанец
<i>-овец/-евец</i>	Дергачи Дно Оричи	дергачёвец дновец оричевец

Суффикс	Географическое название	Наименование жителя
<i>-аец</i>	Уанко Тулча	уанкаец тулчаец
<i>-иец</i>	Сокотра Урарту Хама	сокотриец уратиец хамиец
<i>-имец/ -ымец</i>	Барда Уфа	бардымец уфимец
<i>-сец</i>	Киото Кохтла-Ярве Турку	киотосец кохтларвесец туркусец
<i>-зец</i>	Ангумуа Артуа Дофине	ангумуазец артуазец дофинезец
<i>-езец/-эзец</i>	Ангола Генуя Лука	анголезец генуэзец луккезец
<i>-лезец</i>	Банда Конго	бандалезец конголезец
<i>-нец</i>	Тобаго Ашты Пешку	тобагонец аштынец пешкунец
<i>-атец/-ятец</i>	Азия	азиатец азиятец (устар.)
<i>-рец</i>	Анже Монпелье	анжерец монпельерец
<i>-анин/-янин/ -лянин</i>	Бежецк Борзна Витебск Кременчуг	бежечанин борзнянин витеблянин кремENCHУЖАНИН
<i>-овлянин/ -евлянин</i>	Буй Туд	бுவлянин удовлянин

Суффикс	Географическое название	Наименование жителя
<i>-ианин</i>	Весь Егонская (ныне Весьегонск) Марс	Весианин Марсианин
<i>-итянин/ -етянин</i>	Кострома Лальск Нарва	костромитянин лалетянин нарвитянин
<i>-чанин</i>	Амур Бузулук Киров	амурчанин бузулукчанин кировчанин
<i>-овчанин/ -евчанин</i>	Горький Мужи Мыски	горьковчанин мужевчанин мысковчанин
<i>-ичанин</i>	Гродно Ельня Рудный	гродничанин ельничанин рудничанин
<i>-ич</i>	Вохма Гдов Москва	вохмич гдович москвич
<i>-ит</i>	Аксум Мероэ Одесса	аксумит мероит одессит
<i>-от</i>	Массаля Фессаля Эпир	массалиот фессалиот эпирот
<i>-иот</i>	Кипр Корфу Смирна	киприот корфиот смирниот
<i>-ник</i>	Дальний Восток Соединенные Штаты Америки, Штаты	дальневосточник штатник
<i>-чук</i>	Давид-Городок Пина, Пинск	городчук пинчук

Суффикс	Географическое название	Наименование жителя
<i>-ак/-як</i>	Кимры Тула Унжа	кимряк туляк унжак
<i>-ач</i>	Летки Сим	леткач симач
<i>нулевой суффикс</i>	Вытегра Осташков Семиречье Усть-Цильма	вытегор осташ семирек устыцилём
<i>- а т (а) / - ят(а)</i>	Вишера Чухлома Шенкурск	вишерята чухломаята шенкурята
<i>-арь</i>	Волга Мышкин Чуна	волгарь мышкарь чунарь
<i>-ат/-ят</i>	Средняя Азия Овернь	среднеазиат оверньят
<i>-ан</i>	Вага Череповец	ваган черепан
<i>-ар/-яр</i>	Ницца Савойя	ниццар савояр (савойяр)
<i>-щик</i>	Анадырь Индигирка	анадырьщик индигирщик
<i>-онок/ёнок</i>	Санчурск Шенкурск	санчурёнок шенкурёнок
<i>-еевец</i>	Калач	Калачеевец
<i>-мец</i>	Муху	Мухумец
<i>-унец</i>	Выкса	Выксунец
<i>-ук</i>	Полесье	полещук
<i>-тянин</i>	Гоцо	гоцотянин

Суффикс	Географическое название	Наименование жителя
<i>-ень</i>	Остров	островень
<i>-уш(а)</i>	Вохма	вохмуша
<i>-ёш(а)</i>	Макарьев	макарёша
<i>-них (а)</i>	Остров	островниха
<i>-ик</i>	Целинный	целинник
<i>-кас</i>	Вача	вачкас
<i>-ай</i>	Ветлуга	ветлугай
<i>-ыль</i>	Мордово	мордыль
<i>-ал</i>	Камчатка	камчадал
<i>-ол/-ёл</i>	Павлово	павел
<i>-уган</i>	Нерча, Нерчинск	нерчуган
<i>-ань(ё)</i>	Вятка	вятчаньё
<i>-щина</i>	Новгород	новгородщина
<i>-алец</i>	Прованс	провансалец
<i>-олец</i>	Романья	романьолец
<i>-езянин</i>	Абруцци	абруццезянин
<i>-зианец</i>	Вале	валезианец
<i>-езианец</i>	Арль	арлезианец
<i>-уазец</i>	Во	водуазец
<i>-иат</i>	Спарта	спартиат
<i>-полит</i>	Ольвия	ольвиополит

М.В. Ломоносов писал: «Сколь много быть должно имен отечественных, никаким правилам не подтвержденных, о том всяк легко рассудит, кто несчетное множество земель, городов, сел, рек, озер и прочих мест представит» (Российская грамматика,

§ 238). Ломоносов указал тем самым не только на трудности словообразовательного механизма в данной сфере русской лексики, но и предугадал необходимость суффиксального множества для образования многотысячных слов-названий жителей. Это суффиксальное множество порождает словообразовательную вариативность: 15% словарных статей в указанном словаре «Русские названия жителей: Словарь-справочник» И.Л. Городецкой и Е.А. Левашова (т.е. около 800) дают по два и более разносуффиксальных образования. Так авторы указывают: «На исконно русской территории немало мест, дающих по несколько (3-4) «отечественных» имен, – прежде всего это старинные города Псков, Порхов, Ржев, Серпухов, Тобольск, Тотьма, Тула, Яхрома и другие; Смоленск – 5 названий, употребительных в современной речи (*смоляне, смоленцы, смоляки, смольняне, смоленчане*), а Тверь – даже 7 (*тверяки, тверитяне, тверичи, тверичане, тверчане, тверяне, тверцы*) – в образовании этих имен участвуют суффиксы *-як, -итянин, -ич, -ичанин, -чанин, -янин, -ец*. В словаре фигурируют три поселка Лебяжье: на 3 одинаковых географических имени – 4 разносуффиксальных названия: *лебежане, лебяжцы, лебяжинцы, лебяжьевцы* (суффиксы *-анин, -ац, -инец, -овец*); Сумы на Украине – сумчане. В Карелии – сумляне (суффиксы *-чанин* и *-лянин*). Литературный пример: «У костра сидят человек двадцать красноармейцев. Большинство – сибиряки, но были и вологжане, и тамбовцы, и костромичи» (В. Шишков, гость из Сибири): на 4 названия – 4 суффикса. Воистину – «Прихотлив... он [народ] в производстве названий жителей» (К.С. Аксаков, Несколько слов о нашем правописании). В этой суффиксальной «прихотливости» – одна (повторяем) из главных особенностей современного оттопонимического словопроизводства. Наличие множества образующих суффиксов в сфере патронимической лексики и разные названия жителей одного и того же места – это реализация различных возможностей, предоставляемых языком как порождающей системой» [145].

По словам В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой: «Для современного языка характерно очень широкое и свободное образование имён лиц на *-ец*, соотносительных с фамилией главы, коллектива, группы, сообщества и т. д.»; по мнению А.М. Бабкина и Е.А. Левашова: «Главным производящим суффиксом в названиях

лиц по местности в русском языке был и остаётся суффикс *-ец* с его вариантами (*-овец, -инец, -нец* и др.)» [146, с. 7]. По данным «Словаря названий жителей СССР» (41, с. 616) выявлено 3888 производных на *-ец* со значением «принадлежность к месту жительства».

Действительно, по итогам предпринятого исследования, подтверждается мысль о номинативных преимуществах производных на *-ец* в категории имен жителей. «Сегодня аргументация в пользу производных на *-ец* кажется особенно актуальной, – отмечает Л.П. Катлинская, – потому что явно дает себя знать тенденция искусственного, т.е. внесистемного, «внедрения» в данную номинативную группу производных с суффиксом *-(ч) анин*» [147].

Исследователи отмечают факт характерности для современного состояния языковой системы русского языка соотносительности новых производных на *-ец* фактически только с мотивирующими именами собственными, тогда как все другие его словопроизводственные связи в наши дни неактуальны (ср. старые отглагольные производные *жнец, швец, изрец, писец, пловец, певец, продавец* и т.п.; замкнут также круг качественных прилагательных, от которых образованы оценочные имена лиц: *красавец, лукавец, брезгливость, ревнивец, сонливость, сварливец* и т.п.). Как словообразовательный образец эти модели в современном языке находятся вне активных словопроизводственных процессов, потому что соответствующие им потенциальные лексико-словообразовательные связи языком полностью исчерпаны.

В аспекте нашего исследования этот факт весьма значителен, поскольку позволяет выдвинуть нам рабочую гипотезу о том, что производные на *-ец* служат основной номинативной моделью для наименований жителей, а следовательно, говорить о том, что для каждой ономаσιологической группы отонимических наименований возможно вывести свою номинативную модель образования. Активность образца на *-ец* при словопроизводстве имен лиц, мотивированных первичными именами собственными, чрезвычайно высока. Считаем уместным согласиться с мнением Л.П. Катлинской, которая объясняет этот факт спецификой имен собственных, непосредственно влияющих на характеристику производных с суффиксом *-ец* [147, с. 99].

Имена собственные рассматриваются современными языковедами-семантиками как специальный, частный случай индивидуальных имен. «Собственные имена, – пишет Ю.С. Степанов, – несут две совмещенные функции: они означают, во-первых, индивиды, во-вторых, индивиды, которые еще не похожи ни на какие другие индивиды, т.е. не входят в множества из одного элемента» [148, с. 88].

Л.П. Катлинская причисляет к семантической категории имен собственных также аббревиатуры и некоторые сложносокращенные слова, так как эти особые номинативные единицы представляют собой своего рода повторные номинации при полнзначных составных наименованиях индивидуального типа: ВАЗ (Волжский автомобильный завод), ЗИЛ (Завод имени Лихачева), стройотряд (строительный отряд) и т.д. [147, с. 99].

Все такие языковые единицы, по существу, образуют множества из одного элемента, примыкая по этому признаку к категории имен собственных, а, следовательно, все производные от них могут трактоваться нами как отонимические явления.

Наш вывод основывается на семантической аналогии аббревиатур и имен собственных, и в этом основой служит регулярность образования от этих номинаций имен лиц по одной модели (*вузовец, панфиловец*).

Согласно Л.П. Катлинской [147, с. 99], для рассматриваемого типа языковых единиц (наименований жителей) в определении основной модели на *-ец* как отонимического образования следует учесть следующие показатели:

- 1) принудительность связи вторичного значения и первичного по отношению к нему имени собственного;
- 2) неограниченная активность производных по данному образцу (потенциальные мотиваты в модели представлены открытым рядом языковых единиц);
- 3) соотносительность первичного имени собственного и производного имени лица.

Эти показатели вполне можно применить шире как основание относительно выявления какой-либо общей номинативной модели ономаσιологической группы отонимических образований.

Таким образом, естественно считать, что требованию семантико-словообразовательной системности при наименова-

нии лиц по принадлежности к некоторой социальной общности, условно выделяемой на основании соотнесенности производного с данным именем собственным, в полной мере отвечает модель на *-еу*. Закономерность такого рода обуславливает в частном случае неизбежность позиции для этой модели как строго системного способа словопроизводства названий лиц по месту их проживания.

Эта тенденция касается и отонимов, образованных от иноязычных географических наименований, поскольку в русском языке они попадают в единую морфемно-словообразовательную структуру. И это объяснимо, поскольку для полноценности номинативной функции необходима и достаточно однозначная соотнесенность мотивированного и мотивирующего номинативных значений. Прозрачные по морфемной структуре образования на *-еу* как нельзя лучше отвечают требованиям такой однозначности. Интенсивное пополнение словарного состава русского языка за счет заимствованных отонимических новообразований сильно укрепило позиции модели на *-еу*, подтвердив ее строгую системность.

Согласно общим тенденциям, происходящим в русском языке, функционирующем в Казахстане, значительным изменениям подверглись наименования жителей. Изменения эти актуализировались, как мы уже отмечали ранее, в связи с произошедшими в последние годы переименованиями административно-территориального деления Республики Казахстан. В течение 1991 – 2005 гг. были переименованы три области, 12 городов, 53 района областей, 7 районов города, 43 железнодорожные станции и разъезда, а также 957 малых населенных пунктов. Наиболее известным является переименование Целинограда, вначале получившего название *Акмола*, а позднее, после переноса в декабре 1997 г. столицы Казахстана – *Астана*. Кроме того, была изменена транскрипция названий 3 областей, 12 городов, 14 районов, 76 железнодорожных станций и 22 малых населенных пунктов. По данным начальника отдела ономастики и терминологии комитета по языкам Министерства информации, культуры и спорта РК Ерлана Кузекбая, к 2005 г. переименование географических объектов было завершено на 55-60 %, «за 14 лет большая работа в этом направлении проведена в южных регионах Казахстана,

однако лишь на 30 % она проведена в северных областях и в Восточно-Казахстанской области» (10 июля 2008 г., источник - fondsk.ru).

Помимо населенных пунктов переименованию подвергались улицы, организации и учреждения. За период независимости были переименованы порядка 890 учреждений образования, культуры, здравоохранения, спорта и физико-географических объектов.

Соответственно и встал вопрос о новых отонимических словообразованиях. На первый взгляд может показаться, что не должно возникнуть проблем с отонимическим словообразовательным процессом, поскольку в системе русского языка уже имеются продуктивные модели. Но неожиданно возник ряд проблем, преимущественно орфографического плана. Эти трудности имеют также ряд причин: во-первых, в самой системе русского языка, возьмем, к примеру, ономаσιологическую группу наименований жителей, существует более десяти продуктивных моделей, осложненных вариантами употребления, во-вторых, инозычная основа также создает трудности при образовании новых наименований.

Необходимость изучения отонимической лексики, образованной от казахских онимов, на современном этапе развития русского языка объясняется причинами собственно языковыми (внутренними) – состоянием языка на рубеже XX-XXI вв. – и причинами гносеологическими – состоянием современной лингвистической науки, описывающей и осмысливающей данный процесс.

Языковые причины, по которым изучение отонимических единиц, производных от казахских онимов, является актуальным, связаны с их ускоренной адаптацией в русском языке, проявляющейся в заметных передвижениях новых иноязычных слов с периферии лексической системы к центру, в стремительном включении в парадигматику и синтагматику языка.

Существуют и гносеологические причины, объясняющие актуальность обращения к данному лексическому пласту. Эти причины связаны, прежде всего, с недостаточной разработанностью ряда теоретических и терминологических вопросов адаптации иноязычных слов.

В связи с этим обращение к отонимической лексике позволяет определить лингвистические особенности адаптации и функцио-

нирования иноязычных слов в русском языке на современном этапе; выявить ортологические тенденции в грамматическом ассимилировании иноязычного лексического материала.

Как известно, иноязычное слово, попадая в систему заимствующего языка, подвергается адаптации, «подстраиваясь» под законы и закономерности принимающего языка. Е.В. Маринова выделяет следующие типы адаптации иноязычных слов в современном русском языке: 1) семантическая; 2) формальная (фонетическая и графическая); 3) грамматическая; 4) словообразовательная [149].

Под формальной адаптацией слова мы вслед за Е.В. Мариновой понимаем «приспособление нового слова к фонетике, грамматике, графике и орфографии принимающего языка» [149].

Процесс адаптации иноязычных слов сложный, многосторонний и имеет системный характер. Результат процесса адаптации – стабильное функционирование иноязычного слова в русской речи как полноправной единицы системы. По мнению Ю.С. Сорокина, формального «приноровления» иноязычного слова к звуковой и морфологической системе заимствующего языка еще не достаточно. «Гораздо важнее, – пишет ученый, – не сам факт полной ассимиляции звукового облика и формы слова, а признак устойчивости, единообразия и нормализации этой формы» [150, с.62]. Л.М. Баш также подчеркивает, что «недавнее проникновение в язык предполагает, как правило, некодифицированность (ненормированность) формы, наличие вариантных дублетов, морфологическую и прочую неупорядоченность» [151, с. 20-34].

В процессе адаптации в речи нередко могут употребляться несколько формальных разновидностей, или вариантов иноязычного слова.

Например, начиная с 1994 года, в СМИ Казахстана и других государств довольно часто встречаются различные названия столицы Казахстана – *Акмолинск*, *Акмола*, *Астана*. В связи с переносом столицы из Алматы в Астану, согласно постановлению Верховного Совета Республики Казахстан и Указу Президента Республики Казахстан, появилась необходимость в наименовании жителей этого города. При этом в средствах массовой информации стали наблюдаться различные варианты именования: *жители Астаны*, *астанайцы*, *астанинцы*, *астанчане*. Возникают

вполне закономерные вопросы: Какая же из указанных форм более правильная? Что следует считать нормой? Чем обусловлена вариативность языковых единиц и как это находит отражение в речи горожан?

Процесс переименования городов в Казахстане, да и в других государствах Содружества, активизировался в 80-е годы XX века и продолжается до настоящего времени. Естественно, возникает потребность в более четком употреблении различных названий в соответствии с нормой литературного языка, с учетом правильных ассоциаций и возможных вариантов сочетаемости лексем.

Каковы тенденции функционирования наименований жителей как отонимных образований в Казахстане?

В настоящее время в языке преобладает употребление варианта *астанинец* наряду с менее употребляемым вариантом *астанчанин*. Вариант *астаниец* встречается все реже, поскольку зияния между гласными не свойственны русской фонетической системе. Однако вопрос, возникший почти десять лет назад в статье А. Баранова «Как называть жителей Астаны?», и его иронизирующий ответ: «Жителей и жительниц Астаны придется называть *астанайцы, астаналинцы, астанки, астаналинка, астанайка, астановка, астаналинец*» так и не получил достойного разрешения с позиций нормативного словоупотребления.

Проследим, каким образом названия жителей Астаны и производные прилагательные представлены на страницах газет и в речи жителей столицы. Начиная, с 1994 года и до настоящего времени язык СМИ пестрит вариантными формами словоупотребления катойконимов, указывающих на то, что слово все еще не вошло в систему русского языка. Например, журналист М. Журавлев в «Московском комсомольце» пишет: «Жюри, состоящее из *омичей* Аллы Железновой, Антонины Макушенко, Жениса Искакова и *астанайца* (так можно сказать?) Эдуарда Басова, определило победителей фестиваля» (М.К., №29 1998).

Так, в 1066 статьях различного содержания за 2003-2006 годы, опубликованных в средствах массовой информации, обнаружено употребление формы *астанчане*, о чем свидетельствует ряд примеров: «В этот день *астанчане* должны были соприкоснуться с прошлым – такова задумка организаторов» (Навигатор, 05.02.2004 г.); «... пышная зелень газонов – всю эту красоту

астанчане могут лицеизреть уже сегодня» (Око, 31.10.2003 г.); «Тысячи огни иллюминаций – словно звездное небо. Поэтому *астанчане* обязательно показывают своим гостям ночной город (Казахстанская правда, 04.03.2004 г.); «*Астанчанкам* – российское «серебро»...» (Казахстанская правда, 09.04.2004 г.). Значительно реже встречаются формы *астанайцы*, *астанинцы*: «... и все наблюдатели отдавали предпочтение *астанинцам*, но вот она, непредсказуемость футбола» (Казахстанская правда, 05.03.2004 г.); «*Астанинцы* внимательно играли в обороне, причем не только защитник» (Степной Маяк, 20.12.2001 г.).

Как указывает Н.Ж. Шаймерденова, «всего обнаружено 211 документов с употреблением формы *астанинец*. Причем в отдельных статьях авторы сами обращают внимание на сложность выбора более правильной формы катойконима. Например, в газете «Деловая неделя» автор статьи иронизирующе отмечает: «... оставшихся после очередного пересмотра списков будущих *астанайцев* (они же *астанинцы*, *астаногородцы*, *астаниники*, поскольку пока рабочего названия им нет) (Деловая неделя, 07.05.1998 г.). Опрос жителей Астаны показал, что они предпочитают в именовании форму *астанчане*» [152].

Еще сложнее обстоит дело с выбором прилагательных к названию города – *астанайский*, *астанинский*. Согласно нормам современного русского языка, допустимы указанные две формы с различными интерфиксами *-ин-*, *-ай-*, которые особых семантических неудобств не доставляют. В СМИ Казахстана также встречаются варианты употребления. Если следовать аналогии, то, поскольку к слову Алматы укоренилось прилагательное *алматинский*, к слову Караганда – *карагандинский* и мн. др., значит, от топонима Астана должен быть образован дериват *астанинский*. Здесь, однако, мы наблюдаем функциональное расхождение, связанное, в первую очередь, с благозвучностью и ассоциативностью. Интересен факт, что среди церковнослужителей столицы зафиксирована форма *астанайский*, нашедшая достойное место во всех солидных православных изданиях Республики Казахстан.

В энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане» читаем: «Алексий Кутепов Николаевич ...с августа 1990 года – Архиепископ *Алматинский* и *Семиполатинский*, с марта 1999 года – Архиепископ *Астанайский* и *Алматинский*». Предпочтение форме

астанайский объясняется рядом факторов, связанных с благозвучием и наличием ассоциативных образов. К тому же последовательное употребление в СМИ прилагательного *астанайский* по отношению к церковнослужителям и церкви в целом связано с высоким авторитетом архиепископа и соответственно внимательным отношением журналистов и всех, кто пишет о церкви. В статьях, посвященных православным праздникам, и в церковных газетах однозначно используется форма – *астанайский*. Вместе с тем, в других официальных документах имеет место прилагательное *астанинский*, например, в железнодорожных билетах читаем: *время астанинское*.

Проведенное в городе Астана анкетирование показало, что СМИ оказывают определенное влияние на выбор словоупотребления. Так, опрос жителей Астаны показал, что люди, имеющие отношение к церкви, выбирают форму *астанайский*. В остальных случаях наблюдается вариативность форм. Еще один вопрос, не получивший должного освещения в лингвистической литературе, связан с процессом адаптации казахских названий к системе русского языка. Как известно, названия жителей из других языков передаются с учетом фонетических возможностей заимствующего языка, случаи дублетности при этом крайне редки.

В речи жителей города Астаны также наблюдается вариативность катойконимов. Причем, согласно опросу, пожилое поколение предпочитает форму *житель Астаны* или же старое именование *целиноградец*, молодежь предпочитает форму *астанчанин* (*астанчане*) и значительно реже *астанаец*.

В связи с происходящими изменениями языковой ситуации в Казахстане в пользу билингвального функционирования русского и казахского языков особый интерес вызывают словообразовательные парадигмы слова, отражающие современные тенденции в кодификации и стандартизации языка.

Особый интерес вызывает субстантивация имен прилагательных как наиболее характерный способ обозначения отонимических наименований в устной речи с ее привычной экономией языковых средств. Так, чаще всего для определения места жительства в устной речи используют субстантивированные отонимические прилагательные *актюбинский, карагандинский, павлодарский, петропавловский и т.д.*

Хотя в газетных текстах отонимические прилагательные функционируют достаточно часто: «*Актауские* продуктовые рынки «РусКаз» и «Масат» то и дело склоняют в прессе за нарушения санитарных норм и правил торговли», «В *Шетском* районе *Карагандинской* области прошел полевой семинар с демонстрацией посевов многолетних трав, возделываемых в рамках проектах «Управление засушливыми землями», «В Павлодаре в рамках государственной программы прорывных проектов на базе *Павлодарского* химического завода начали осваивать новое производство», «В том далеком 1943 году мальчишка из *Семипалатинской* области под валом обрушившихся на него совсем не детских бед даже не думал, что когда-нибудь сможет склониться над прахом своего отца», «16 июля новый центр банковского обслуживания Темірбанка и улица вокруг него в *алматинском* микрорайоне «Самал» превратились в гавайский остров», «Париж узнал *уральскую* дивчину», «Вот уже на протяжении двух месяцев маленькие воспитанники *Талгарского* детского дома семейного типа вынуждены спать практически под открытым небом», «За пять месяцев нынешнего года судопроизводителям *Павлодарской* области были переданы для исполнения 44 017 решений судов на общую сумму исков 4,9 миллиарда тенге», «В экономику *Мангистауской* области в этом году инвестировано 82 млрд. тенге, что на 25 % больше, чем в первом полугодии 2006 года» (АиФ, №30, 2007).

Выбор каждого из этих способов правомерен на своем месте. Интересен тот факт, что на страницах казахстанских газет чаще встречается описательный способ, выраженный определенными синтаксическими конструкциями, указывающими на место жительства, т.е. сами отонимические наименования используются не так широко. На наш взгляд, это связано с определенными трудностями образования и унифицирования отонимических наименований русского языка, образованных от казахских географических наименований.

При этом важно обратить внимание и на то, «как воспринимают себя носители языков, и как формируется новое сознание жителей Казахстана под влиянием средств массовой информации. (...) Учитывая возможности масс-медиа воздействовать на читательскую и зрительскую аудиторию, журналистам сле-

дует выбирать наиболее правильные формы обозначения языковых единиц, в особенности при вхождении их в тот или иной язык...», – отмечает Н.Ж. Шаймерденова, проанализировав встречающиеся в средствах массовой информации наименования жителей г. Астаны в статье «Караганда – карагандинцы, Астана – ?» (*астанайцы, астанинцы, астанчане*) [152].

С обретением независимости в Казахстане были переименованы ряд городов, сел (Гурьев – Атырау, Шевченко – Актау и пр.), изменили транскрипцию (Алма-Ата – Алматы, Чимкент – Шымкент и пр.).

При этом особое внимание заслуживает дискуссия о том, как должно звучать и писаться название южной столицы Казахстана. В средствах массовой информации этот вопрос отмечался как один из трудноразрешимых. Интерес вызывает тот факт, что в освещении этой проблемы делался акцент на политический аспект, а не на лингвистический. Так, известны случаи судебного разбирательства, когда гражданин республики подал иск в суд, обвиняя газету «Аргументы и Факты Казахстан» в «непризнании казахской государственности, в неуважении и пренебрежении казахами». И все потому, что это издание по-прежнему употребляло название города как *Алма-Ата*, а не *Алматы*. Обозреватель Ф. Мироглов так пишет об этом: «Наглядным подтверждением предвзятости судебного подхода и контроля казахстанских государственных структур над правовой системой является принятие к рассмотрению во время судебного процесса материалов аналогичного дела пятилетней давности, но с противоположным результатом. Тогда за основу судебного решения было принято заключение экспертов Института языковедения Казахстана: «Предполагаемые нормы правописания и произношения топонимов в неофициальных отношениях являются «нормами пожелания», т.е. не императивными. Употребление видоизмененных названий топонимов Алматы – Алма-Ата, Баку – Баку, Рома – Рим, Москва – Москеу, Россия – Ресей не является незаконными и относятся к нормам этики и культуры» [153, стр. 17].

Естественно, возникает вопрос – есть ли какой-то юридический документ о переименовании города Алма-Аты в Алматы? Как показывают источники, существует несколько документов, касающихся переименования названий города Алматы (Дек-

рет ЦИК Туркестанской АССР от 14/03/1921, согласно которому г. Верный переименован в г. Алма-Ату).

В Конституции РК 1993 года есть строчка, на которую ссылаются как на вроде бы документ о переименовании: «Столица Республики Казахстан – город Алматы». Р. Карымсакова на страницах газеты «Известия» попыталась проанализировать происхождение всех исторических названий южной столицы Казахстана. Она отмечает: «Чтобы прояснить этимологию слова «Алматы», нужно сравнить все три названия, которые существовали. В исторических памятниках упоминается название средневековых поселений: Алмалык, Алмату, на старинной монете XIII века отчеканено слово «Алматы». Так вот, исходя из материалов сравнительных исторических грамматик тюркских языков, можно сделать следующее предположение. В древнетюркском языке слово «алмалык» было относительным прилагательным, и образовано оно было от существительного «алма» при помощи аффикса «лык». Этот аффикс является показателем собирательной множественности. Следовательно, слово «алмалык» можно перевести как «яблочное место», или «место, где много яблок». В современном казахском языке это прилагательное используется с аффиксом «лы» – Алмалы. Конечная буква «к» со временем утерялась. Поэтому сегодня прилагательные звучат так: «алмалы жер», «алмалы бак» – «яблочный сад». «Алмату» и «Алматы» – это варианты тех же относительных прилагательных» («Известия-Казахстан», 3 ноября 2004 г.) [154, с. 23].

Как показывает наш материал, в настоящее время налицо весьма разнообразная картина употребления наименований, образованных от топонимов Казахстана. Прежде всего, это наименования жителей или катаяконимы (от греческого *katoikos* «житель» и *nim* «имя»). При всей кажущейся простоте вопросы оттопонимического словообразования не всегда решаются легко. Эти названия отмечаются речевой активностью и обладают рядом специфических особенностей. Так материалы Интернета показали широкую вариативность употребления [см. Таблица 2].

Таблица 2

Вариативность в правописании наименований жителей г. Атырау

Наименование жителей	Частотность	Примеры	Источники
атырауец	52	Атырауец поступил к медикам с ожогами 94 процентов тела.	news.nur.kz /125884.htm
атыраука	21		
атыраучанин	2907	17-летний атыраучанин продолжает восхождение на теннисный олимп.	azh.kz/2009/09/16/s-raketkojj-na-olimp.html
атыраучанка	233	Титул самой красивой и талантливой девочки страны завоевала двенадцатилетняя атыраучанка .	littlemissmrkz.ucoz.ru/blog/2009-06-10-34
атырауцы	746	Атырауцы перечислят в помощь пострадавшим от наводнения в Алматинской области - 200 млн. тенге.	vkn.kz/ru/guide/events/view/317/
атыраусцы	120000	В своих вопросах атыраусцы просят Президента рассказать об инвестиционных проектах...	www.inform.kz/rus/article/2212377
атыраучане	2907	Я считаю и многие атыраучане согласятся с этим - увольнение Б. Чердабева правильный шаг.	www.zonakz.net/articles/3046

Таким образом, необходимо отметить, что происходящие процессы в трансформирующемся обществе приводят к демократизации норм, которая обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между со-

бой конкурируют. В настоящее время отмечается ряд противоречий, касающихся правописания отонимической лексики в справочниках русского языка. Так в новом своде впервые формулируется в общем виде правило написания существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Все они должны сохранять дефис производящего слова, например, существительные, образованные от собственных имен, преимущественно от географических наименований: *алма-атинцы, ньюйоркцы* (от Алма-Ата, Нью-Йорк). Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий: *нью-йоркский, орехово-зுவеский* и т. п.

В правилах 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей ССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно.

Еще один дискуссионный момент, насколько правомерно употребление российскими газетами прежнего названия «Алма-Ата», а не «Алматы»?

Отсутствие у лингвистов единой, общепринятой концепции формообразования и словообразования отонимических наименований, в том числе возникших под влиянием современных экстралингвистических факторов, а также неразработанность их классификации в орфографическом аспекте обусловили существование значительных противоречий в содержании и структуре и, как следствие, в реализации орфографической нормы их употребления.

В этой связи особую актуальность приобретают исследования, касающиеся отонимического словообразования и формообразования. При этом на первый план выходят вопросы кодификации и нормирования отонимических наименований.

Наличие общеобязательного свода правил правописания – один из признаков культурного здоровья общества. При этом не надо забывать и о том, что правописание – это отнюдь не только результат нормализаторских усилий, система раз и навсегда установленных правил, – это и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и систематической корректировки, упорядочения с учетом существующей практики письма на основе отслеживания спонтанно происходящих в нем изменений.

Например, имена собственные, образованные от существительных, прилагательные из казахского языка в русском – передаются средствами русского языка. Так, в русскоязычных газетах Казахстана, к примеру, используется форма *алматинский* от Алматы, в российском издании газеты «Известия» читаем: *Алма-Ата* и *алмаатинский*. В связи с отсутствием нормативно-правовой базы о наименовании города *Алма-Ата* в 1995 году в России было опубликовано Распоряжение Администрации президента Российской Федерации № 1495 от 17 августа 1995 года «О написании названий государств – бывших республик СССР и их столиц», в соответствии с которым в служебной переписке и официальных переговорах представитель Российской Федерации именовали столицу Казахстана *Алма-Ата*. Несмотря на то, что в связи с переводом столицы Республики Казахстан в город *Акмола* (10 декабря 1997 года) и последующим переименованием *Акмола* в *Астану* (6 мая 1998 года) распоряжение Администрации Президента Российской Федерации № 1495 от 17 августа 1995 года устарело, в России город по-прежнему называют *Алма-Ата*. При этом рекомендовалось учитывать при необходимости пожелания контрагентов по написанию упомянутых названий (Краткий справочник по оформлению актов Федеральных органов государственной власти, М., 1997, стр.84), т.е. по законодательству Российской Федерации использование названия «Алматы» в русском языке разрешено, если контрагент, в данном случае государство Казахстан, того пожелает.

При этом нужно отметить, что еще в 1941 года в казахском языке закрепилось официальное написание *Алматы*. Казахстанские лингвисты не раз поднимали вопрос о допусках искажениях в русском языке казахских наименований. В соответствии с чем была выработана ст. 19 Закона «О языках в Республике

Казахстан» от 11.07.1997 N 151-I – «Традиционные, исторически сложившиеся казахские названия населенных пунктов, улиц, площадей, а также других физико-географических объектов на других языках должны воспроизводиться согласно правилам транслитерации» [154, с. 23].

Ошибки в употреблении отонимических наименований Казахстана в российских СМИ и в речевой практике россиян объясняются, прежде всего, неразличением внутренней формы отонимов. Употребление прилагательного *казахский* вместо *казахстанский* нарушает идентифицирующую функцию в категоризации номинативного аспекта данного отонима, что приводит к стилистическим ошибкам и искажению смысла высказывания (*Один «ЗИЛ» увез в Астану казахский президент* (Комсомольская правда, 19 мая, 2010 г.); *Думаю, более вероятными и актуальными темами переговоров Януковича и Назарбаева станет окончательное разрешение прошлогоднего конфликта, связанного с поставками казахской нефти...* (Независимая газета, 8 окт., 2010 г.); *Директор казахской Группы оценки рисков Досым Сампаев заявил газете «РБК daily» следующее...* (Заголовок, 23 мая, 2009 г.); *Китай расщепил казахский атом...* (Независимая газета, 29 апр., 2009 г.); *Казахский блог-аут* (Русский Newsweek, 27 июля, 2009 г.).

Таким образом, различия в написании слов иноязычного происхождения могут быть связаны с колебаниями орфографической нормы русского письма. В настоящее время орфографическое варьирование слов объясняется в основном наличием орфографических правил, допускающих факультативное написание, нечеткостью формулировок некоторых из действующих правил орфографии или отсутствием правил для написания определенных групп слов.

3.3. Функционально-стилистические и структурно-семантические характеристики отонимических наименований

Производные от онимов активно расширяют ономастическое пространство, включаясь в различные ономастические группы. Структура ономастического пространства, являющегося частью

лингвокультурного опыта, расширяющего свои границы и приобретающего новые очертания, предопределяет активные зоны и направления деривации. Наличие у онимов специфического онимного значения подтверждается при анализе производных от них, обладающих широким спектром значений, основанных на семантике производящих. Производные собственные и нарицательные имена не представляют собой четко очерченные обособленные группы – применение деривационных механизмов воздействует на специфику онимов как производящих основ, их идентифицирующая функция подвергается изменению, в результате некоторые отонимные новообразования имеют мезонимический характер, т.е. расположены на оси «оним-апеллятив». В производстве новых лексических единиц речи велика роль словообразовательной игры, которая реализуется в том числе и через использование механизмов прецедентности, а также окказиональных способов словообразования.

Среди отонимических новообразований, мотивированных казахскими собственными названиями, выделяются следующие группы по производящим основам: 1) имена, фамилии, псевдонимы, прозвища людей: *панфиловцы, аблязовцы, кулибаевцы, назарбаевцы, проназарбаевский, нурсултановцы, абаеведение – абаевед, фарабиеведение – фарабиевед, шокановедение – шокановед, мухтароведение – мухтаровед, жубановедение – жубановед; масимовцы, масимники* (так называемые планшеты, или планшетные телефоны (*Во всем мире их называют iPad. К. Масимов потребовал, чтобы его министры не расставались с ай-падами!*)), *сатбаевит* (Сатбаев); 2) географические названия: *Кустанайщина (Костанайщина), Акмолинщина, Прииртышье, атырауцы, актауцы, кокшетауцы, кызылкумит* (Кызылкуп), *индерборит* (Индер), *жезказганит* (Жезказган), *сарыаркаит* (Сары Арка), *иргизит* (Ыргыз); 3) названия государства: *казахстанцы – казахстанский* (Казахстан); 4) названия партий, общественных организаций: *асаровец, нуротановец, алашординцы, улагатовцы* (молодежное общественное объединение «Улагат уландары»); 5) названия фирм, предприятий, банков, государственных учреждений: *казкомовцы, Казком* (Казкоммерцбанк), *нурбанковцы* (Нурбанк); 6) названия спортивных клубов, музыкальных групп: *кайратовцы* (спортивный клуб «Кайрат»), *тоболовцы* (спортив-

ный клуб «Тобол»), *досмукасановцы* (ансамбль «Дос-Мукасан»); 7) названия художественных произведений, газет, журналов, телевизионных программ: *республиканец* – «Республика», *аифовец* – АиФ, *хабаровцы* – «Хабар»); 8) названия фирм, бытовых учреждений, других мест: *казахтелекомовцы* (АОО «Казахтелеком»), *самруковцы* (Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына»); 9) названия театров, клубов: *казахфильмовцы* (киностудия «Казахфильм»), *ГАТОБовцы* (Государственный академический театр оперы и балета имени Абая); 10) названия аналитических центров: *парасатовцы* (информационно-аналитический центр «Парасат»); 11) государственные премии: *тарлановцы* (премия «Тарлан»); 12) аббревиатуры: *казгушники* (КазНУ), *женпишницы* (ЖенПИ); *кисишники*, *КИСИшники* (КИСИ); 13) образовательные программы и центры: *болашаковцы* (Болашак), *Архимедка*, *архимедовцы* («Школа Архимеда»), *бобековцы* (национальный образовательный и оздоровительный центр «Бобек»), *дарыновцы* (школа «Дарын»).

Данный пример позволяет продемонстрировать огромный словообразовательный потенциал онимов. Так польский исследователь Митурска-Бояновска отмечает: «Среди *nomina propria* большой активностью отличаются фамилии общеизвестных людей, особенно современников-политиков, партийных лидеров, экономистов, писателей. На базе этих лексем рождаются субстантивы типа: *жириновец*, *путинец*, *пушкинистика*, *хасбулатовщина*, *гайдаризация*, *сервантист*. Словообразовательный потенциал и естественно количество дериватов заметно растет в момент активности политика...» [155].

И.А. Нефляшева в своем исследовании рассматривает на примере современного дискурсе словообразовательный потенциал ключевого онима «Путин» и отмечает: «Среди образований последнего времени в средствах СМИ можно обнаружить 21 производное с вершиной Путин. Часть из них имеет окказиональный характер, напр.: *Путинбург*, *Санкт-Путинбург*, *ПУТИшествоие*, *ВВПуск*, *путинг*, *Путиненко*, *антипутин*» [144, с. 223].

Данные примеры позволяют продемонстрировать огромный словообразовательный потенциал онимов. Довольно большую группу среди рассматриваемых дериватов насчитывают именованя процессов и различных абстрактных названий. В образова-

нии существительных с процессуальным значением участвует формант *-изация*. При этом мотиватором является фамилия политического деятеля или название государства: *казахстанизация, астанизация, албанизация, иракизация, сталинизация, эстонизация, азербейджанизация, гайдаризация*. Образование других абстрактных понятий происходит с учетом суффиксов *-изм, -цин(а)*, характеризующихся высокой словообразовательной активностью. Приведем некоторые примеры: *астанизм, алматизм, шымкентизм, рахатизм; алиевщина, аблязовщина, рахатовщина, кунаевщина, кулибаевщина, масимовщина*. С помощью суффикса *-изм* пополняется количество нейтральных дериватов, в отличие от субстантивов с суффиксом *-цин(а)*, которые дают резко отрицательную оценку свойствам или действиям того лица, которое служит мотиватором, ср.: *алиевщина, нуркадиловщина, шахановщина, туюкбаевщина, тасмагамбетовщина* и др.

Путем суффиксации возникает ряд дериватов с предметным значением, например: *днепрянка* ‘вид пшеницы’ – *Днепр, акмолинка* ‘вид пшеницы’ – *Акмолинск, шортандинка* ‘вид пшеницы’ – *Шортанды*. Названия минералов возникают по двум моделям: фамилия известного лица + суфф. *-ит*, географическое название + суфф *-ит*: *гагаринит* – *Гагарин, денисовит* – *Денисов, масловит* – *Маслов, тагировит* – *Тагиров; кызылкумит* – *Кызылкум, сыннырит* – *Сынныр* (хребет Северно-Байкальского нагорья), *якутит* – *Якутия, индерборит* – *Индер* (поселок в Атырауской области), *жезказганит* – (город *Жезказган*). *сатбаевит* – *Сатбаев, сарыаркаит* – *Сары Арка, иргизит* – река *Ыргыз*.

Довольно большую группу среди рассматриваемых дериватов насчитывают названия процессов и других абстрактных названий. В образовании существительных с процессуальным значением участвует формант *-изация*. При этом мотиватором является фамилия политического деятеля или название государства: *башикиризация, албанизация, иракизация, сталинизация, эстонизация, азербейджанизация, гайдаризация*. Образование других абстрактных понятий происходит с учетом суффиксов *-изм, -цин(а), -ств(о)*. Приведем некоторые примеры: *миттеранизм, одессизм, перонизм, пиккасионизм, сезанизм; алиевщина, брежневщина, мюнгаузенищина, набоковщина, самгинщина; жириновство, зазеркальство, митьковство, самгинство*. При этом вы-

сокой словообразовательной активностью характеризуются суффиксы *-изм* и *-щин(а)*. С помощью суффикса *-изм* пополняется количество нейтральных дериватов, в отличие от субстантивов с суффиксом *-щин(а)*, которые дают резко отрицательную оценку свойствам или действиям того лица, которое служит мотиватором, ср.: *алиевщина, андроповщина, блоковщина* ‘подражание поэзии Блока’, *борзовщина, лысенковщина* и др.

В современном русском языке последних десятилетий распространяется образование слов с собирательным значением с суффиксом *-иана*, напр: *булгаковиана, лениниана, шаляпиниана, шукишниана*. Таким образом, лексический словарь пополняется дериватами со значением ‘совокупность произведений того, чья фамилия является мотиватором или посвященных тому, кто назван мотивирующим словом’.

Во II половине XX века в русском языке, возможно, под влиянием западных языков, большую популярность получило телескопическое словообразование. Следует отметить, что окказиональные единицы, образованные таким способом, встречаем уже в художественной литературе XIX – нач. XX вв.. Контаминанты обычно возникают путем сложения двух лексем, из которых сохраняются лишь начальная и конечная части компонентов, иногда сопровождаемые аппликацией одной или несколькими буквами. Одно слово как бы вдвигается в другое на подобие телескопа (отсюда название). В связи с этим выделяются два типа телескопизмов: частичные и гаплогические, ср.: *сырландия* разг. шутол. сыр + Исландия, *рейгалитика* – Рейган + политика, *Казань-ностра* – Казань + коза-ностра, *кемерунец* – Кемерово + камерунец, *рустон* ‘составленный из русских и английских слов язык, на котором объяснялись между собой советские и американские космонавты во время совместного полета космических кораблей’ – русский + Хьюстон (по образцу англ. *spanGLISH* – *spanish* + *english*). По образцу контаминантов появилось в русском языке название минерала *перлиалит*. Ученый, открывший минерал, назвал его в честь преподавателя Кировского горного техникума Лилии Алексеевны Перекрест, ср.: Перекрест (р’ : р) + Лилия + Алексеева + *-ит* [156, 173].

Как отмечает Л.П. Амири, «использование контаминации является одним из наиболее часто встречаемых приемов сло-

вообразовательной игры как в российской, так и в зарубежной рекламе» [156, 173]. Среди окказионализмов встречаем контаминантысграфическивыделеннымсегментом, неоднократно с нарушением орфографических норм, ср.: *ОБЛАДАТЬ* (LADA ‘марка машины’ + обладать), *ВЕССО*ые скидки (реклама пейджинговой компании «ВЕССО») [157, 173]. В текстах СМИ, особенно в заголовках, распространена графогибридизация, т.е. одновременное использование кириллицы и латиницы. Вот некоторые примеры графодериватов, включающих марки автомобилей: *Лансеризация* (о машине Mitsubishi Lancer), Новая *Versua* (о машине Toyota Corolla Verso), «*AUDI*»енция с прекрасным [158, с. 193].

В современном русском языке наряду с номинативным распространено и компрессивное словообразование. Свертывание многословных названий известно издревле, однако особое развитие оно получило лишь во II половине XX века [159].

Сложносокращенный способ словообразования достиг своего апогея в XX веке. Первоначально сокращались лишь неудобные многословные названия учреждений, организаций, партий, например: *Инкомбанк* – Инновационный коммерческий банк, *МГИМО* – Московский государственный институт международных отношений, *ДПР* – Демократическая партия России. Под влиянием прессы процесс этот распространяется и на названия массовых изданий и личные имена, ср. *АиФ* – «*Аргументы и Факты*», *ФИ* – «*Финансовые известия*», *Борис николаевич Ельцин* – *БНЕ*, *БН*, *ЕБН*, *Владимир Владимирович Путин* – *ВВП*. Аббревиатуры прочно вошли в русский язык, так что неоднократно вводятся в текст СМИ без расшифровки. Сложносокращенный способ словообразования настолько популярен, что в результате свертывания многокомпонентных названий появляются акронимы-омонимы. Приведем некоторые примеры: *ВМ*₁ ‘журнал «Военная мысль»’, *ВМ*₂ ‘серия книг «Военные мемуары»’, *НОЖ*₁ ‘Национальная организация женщин’, *НОЖ*₂ ‘Независимое общество жалобников’, *ФСР*₁ ‘Федеральная служба расследований’, *ФСР*₂ ‘Федерация скаутов России’. Акронимы типа *НОЖ*, т.е., такие которые намеренно совпадают с лексемами, которые уже функционируют в языке отражают новый этап в развитии аббревиатур, наблюдаемый в русском языке с 60-х гг. минувшего

столетия – аббревиатура должна быть благозвучной и напоминать обыкновенное слово. Значительно реже встречаемся среди аббревиатур с явлением синонимии, напр.: *кабмин* и *КМ* (– *кабинет министров*), *ДемРоссия* и *ДР* (– *Демократическая Россия*) [158, с.211].

Во многих случаях компрессивные собственные названия в дальнейшем служат производящей базой для многих дериватов, ср.: *МГИМО* – *мгимошник*, *МИД* – *мидовец*.

В результате семантико-конденсационного словообразования язык обогащается универбами. Свертыванию подвергаются обычно адъективно-субстантивные словосочетания, образуя отонимические наименования, напр.: *Тулебайка* – *улица Тулебаева*, *Джамбулка* – *улица Джамбула*, *Чоканка* – *сквер Чокана Уалиханова*, *Аккушка* – *кафе «Акку»*, *Карлыгашка* – *кафе «Карлыгаш»*.

Приведенный нами материал указывает на активность собственных названий в образовании субстантивных дериватов различной семантики и структуры, а также на неотъемлемую связь языковых процессов с изменениями, происходящими в социуме.

Таким образом, основываясь на функциональном подходе, считаем отонимические наименования единицами периферии ономастического пространства, выполняющими, во-первых, основные функции, свойственные слову: номинативную, денотативную, сигнификативную, во-вторых, присущую имени собственному идентификационно-дифференцирующую функцию. Кроме этого, данным онимам свойственны прагматические функции: информативная, рекламная, мемориальная, агитационно-идеологическая и функция охраны собственности.

3.4. Функционирование отонимов в эргонимии Казахстана в условиях новой ономастической ситуации (ортологический подход)

Отонимические (оттопонимические) прилагательные активно функционируют в составе многокомпонентных эргонимов Казахстана, в частности, в названиях: 1) местных подразделений органов государственной власти (*Маслихат Сузакского района*,

Акимат Ордабасинского района); 2) научных учреждений и учебных заведений разного уровня (*Карагандинский государственный технический университет, Алматинский государственный колледж новых технологий*); 3) зрелищных предприятий и учреждений культуры (*Шымкентский государственный зоологический парк*); 4) промышленных и торговых предприятий (*«Алматинский хлопчато-бумажный комбинат», ТОО «Шымкентская мебельная фабрика», Торгово-промышленная палата г. Астана*); 5) религиозных заведений (*Астанайский женский монастырь*); 6) медицинских учреждений (*Алматинская клиническая больница*); 7) спортивных учреждений и организаций (*Общественное объединение «Федерация скалолазания Кызылординской области»*); 8) военных и военизированных организаций (*Отдел военной полиции Таразского гарнизона, Военный институт иностранных языков Министерства обороны Республики Казахстан*); 9) информационных служб (*Семипалатинский филиал республиканского общественного объединения Молодежная информационная служба Казахстана*) и др.

Отонимические наименования наиболее активно присутствуют в названиях научных учреждений и учебных заведений разного уровня (*Актюбинский государственный университет имени К. Жубанова, Актюбинский университет имени С. Башиева, Актюбинский университет «Дуние», Алматинский институт энергетики и связи, Аркалыкский государственный педагогический институт имени И. Алтынсарина, Атырауский государственный университет имени Х. Досмухамедова, Жамбылский гуманитарно-технический университет, Жезказганский университет имени О.А. Байконурова, Жетысуский государственный университет имени И. Жансугурова, Карагандинский государственный университет имени Е.А. Букетова, Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова, Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, Семипалатинский государственный педагогический институт, Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Таразский государственный университет имени М. Х. Дулати, Рудненский индустриальный институт, Шымкентский социально-педагогический университет*). Как видно из

примеров, наблюдаются некоторые различия в написании одних и тех же онимов. Так, нами зафиксированы дублетные употребления *Актюбинский – Актобинский*, *Семипалатинский – Семский*, *Таразский – Жамбылский*. Учитывая, что эргономические наименования создаются согласно различным гражданско-правовым нормативам, то, естественно, встает вопрос о скорейшей унификации их графического оформления.

Обильный материал для иллюстрации несоответствий между внутренней формой и значением дают институциональные ИС, а также топонимы и оттопонимические наименования. Так, несмотря на отсутствие городов *Акмола (Астана)*, *Жамбыл (Тараз)* на карте современного Казахстана продолжают активно функционировать наименования *Акмолинская*, *Жамбылская*. Таким образом, семантика мотивации является подчиненным фактором по отношению к идентифицирующей функции неизменной внешней формы ИС и его реальному значению. Немотивированных ИС больше всего наблюдается среди самых важных для общества категорий – антропонимов и топонимов. Степень значимости внутренней формы как компонента номинативного аспекта ИС может служить одним из критериев их категоризации.

Поскольку большое разнообразие типов именуемых эргонимами объектов действительности приводит к высокой частоте употребления данных онимов как в устной, так и в письменной речи, то можно квалифицировать их как динамично развивающуюся сферу, и для её единиц характерно непостоянство состава, их достаточно быстрая сменяемость. И поэтому, исходя из вышеназванных особенностей эргонимов, можно сделать вывод, что их место в ономастическом пространстве не определено однозначно: одни исследователи квалифицируют их как имена собственные, другие – как нарицательные. Тем не менее, быстрая сменяемость состава многокомпонентных эргонимов требует постоянного внимания и своевременного реагирования не только со стороны государственных регламентирующих структур, но в первую очередь со стороны лингвистов.

Одним из важных аспектов изучения эргонимов является их орфографическое оформление. Наиболее дискуссионными и требующими скорейшего унифицирования представляются вопросы о написании этих единиц с прописной буквы, использование

кавычек, слитное и раздельное написание, дефисное написание эргонимов.

На сегодняшний день в эргонимии сложилась определенная система моделей, по которым образуются онимы. Существующие в языке модели официальных и неофициальных, полных и сокращенных форм данных имен заполняются в речи конкретным содержанием.

Топонимы и оттопонимические прилагательные выступают в качестве ономастического маркера как дифференциального элемента структуры эргонимов (*г. Алматы, Алматинский...*) и указывают на местонахождение объекта.

Таким образом, при всем многообразии приведенных эргонимов их семантическая структура находится под влиянием определенной цели: дать наиболее точную информацию об именуемом объекте, в первую очередь, индивидуализируя его. Поэтому эргоним как единая аналитическая единица (а не комплекс самостоятельных единиц) всегда включает в себя эргонимический апеллятив (термин вида) в контексте слов-идентификаторов (ономастический маркер) и только при этом выполняет основные функции имени собственного [122, с. 242].

Функционирование эргонимов как составной части ономастической лексики на современном этапе общественного развития имеет свою специфику, которая проявляется, прежде всего, в создании, записи (регистрации) и употреблении данных языковых единиц. Весьма существенное влияние при этом в условиях государственной правовой реформы оказывают гражданско-правовые нормативы, согласно которым установлены определенные языковые требования к разным эргонимическим наименованиям. Именно этим подчеркивается важность языковых факторов, реализующихся при общественном функционировании эргонимов.

Так, организационно-правовая форма делового объединения указывается с помощью следующих словосочетаний: *акционерное общество, закрытое акционерное общество, открытое акционерное общество, акционерное общество открытого типа, общество с ограниченной ответственностью, общественное предприятие, государственное предприятие* и др.: «*Союз журналистов Казахстана*»; *астанинский филиал общественно-*

го объединения; «Жан», азиатское общество по правам инвалидов, астанинский городской филиал; «Казахское общество глухих», акмолинский филиал.

Таким образом, при государственной регистрации юридических лиц устанавливается основная, официальная форма эргонима, которую, исходя из определения официального имени, принято использовать «в официальном употреблении: в официальных списках и документах» [160, с. 125].

В интерпретированном варианте данный главный норматив представлен в более развернутом виде и имеет примечание: «Не выделяются кавычками: а) собственные наименования, если они не имеют условного характера, например: *Костанайский государственный педагогический институт, Издательство политической литературы, Институт языкознания МОН РК*; названия предприятий, учреждений, издательств, управлений и т.д., представляющие собой сложносокращенное слово, образованное из полного официального наименования, например: *Казмунайгаз, Казтелеком*; названия предприятий, обозначенные номером или состоящие из аббревиатуры и номера, например: *школа № 36, ТОО «Эфа-1»*; г) названия, в состав которых входят слова имени, памяти, например: *швейная фабрика имени Розы Люксембург, Государственный академический театр оперы и балета имени Абая*.

Но в практике печати в последнее время все чаще встречаются такие примеры: *ТОО «Южно-Казахстанское управление газового хозяйства», ОАО «Шардаринская ГЭС», ОАО «Кентауский трансформаторный завод»*. Как видим, данные наименования содержат явные нарушения с точки зрения правильного использования в них кавычек, но они как сокращенные варианты названий зафиксированы в официальных документах, и их форма является юридически точной. А «если в официальную запись попадают так называемые неправильные варианты имен, не соответствующие общепринятым, и никаких уточнений и исправлений актовой записи не производится, «неправильная» форма узаконивается и начинает сама оказывать влияние на «правильность» юридических записей» [161, с. 234]. Исходя из этого, по всей видимости, сегодня необходимо говорить о новой ономастической ситуации в сфере эргонимии, вызванной современными

экстралингвистическими факторами, и, как следствие, о новой орфографической ситуации в ней.

Особо интересными для нас являются случаи, когда термин вида эргонима оказывается включенным в выделяемую кавычками часть наименования. При этом его позиция по отношению к ономастическому маркеру не влияет на использование кавычек (*АО «Шымкентский механический завод», ТОО «Шымкентская мебельная фабрика»*).

Расшатанность действующей орфографической нормы проявляется и в том, что те или иные орфографические варианты используются в разных источниках как орфографические предпочтения. Орфографический разнобой в сфере эргономии усугубляется за счет существования дублетных названий одного и того же объекта действительности, что доказывают расшатанность норм правописания эргонимов, приводящее к ослабленности в еще большей степени чувства нормы у носителей языка, особенно у тех из них, кто изначально не твердо владеет этой нормой. В самом деле, человек, ежедневно сталкивающийся с разными вариантами написания или одних и тех же, или похожих наименований, начинает сомневаться в том, какое из них правильно. Это вызывает у носителя языка ощущение «девальвации» слова и нормы речи. Отсюда, естественно, вытекает задача орфографического упорядочения данного слоя ономастической лексики.

Эргонимы в Казахстане за последние 10-12 лет подверглись сильному влиянию, помимо правовых, также и других экстралингвистических факторов. Так, значительно увеличилось количество эргонимов, в основном образованных по уже существующим в языке моделям. Но тем не менее остро стоит вопрос об их унификации и их орфографическом статусе. Немаловажным при этом остаются вопросы словообразования и формообразования эргонимов, в частности, при выборе источников для создания новой системы наименований решающим, судя по всему, стало как увеличение частотности казахских онимов в аспекте культурно-национального возрождения, так и ориентация на ценности западного мира. Так, в обращение были введены слова *парламент, маслихат, департамент, акимат*. Все это тоже не могло не отразиться на правописании наименований государственных учреждений, общественно-политических организаций.

Таким образом, многокомпонентные и разнообразные по своей структуре эргонимы Казахстана обнаруживают значительные противоречия в современном употреблении и правописании, связанные с геоинформационными и политико-экономическими изменениями, наблюдаемыми в конце XX века на всем постсоветском пространстве. При этом наблюдается несостоятельность действующей орфографической нормы русского языка в особенности применительно к эргонимам Казахстана.

Исследование и установление природы этих противоречий крайне важны для устранения имеющихся пробелов в ортологии современного русского (регионального) и современного казахского языков.

Таким образом, в условиях новой ономастической ситуации необходим пересмотр и упорядочение действующего орфографического норматива, регулирующего орфографический формат в сфере эргонимии.

3.5. Регулярность и продуктивность словообразовательных моделей отонимических наименований

В последнее время наблюдается рост агглютинативных черт в процессе образования слов, при котором границы морфов остаются отчетливыми, без изменений. В принципе, явление агглютинации, т.е. автоматического, без изменения, присоединения словообразующего суффикса к морфу производящего слова, для русского языка нехарактерно. При такой ситуации обычно происходит мена фонем в морфах, т.е. чередование звуков, например: *рука – ручка, нога – ножка, соха – сошка* (к/ч, г/ж, х/ш). Такие замены при образовании слов исторически обусловлены фонетическими законами прошлых эпох жизни языка. В современном языке эти чередования обусловлены грамматически, поскольку возникают на стыке морфем благодаря исторической «несовместимости» соседствующих фонем, т.е. в русском языке чередование оказалось дополнительным средством формального (фонематического) различения слов, средством, которое сопровождает аффиксацию. Такова закономерность. Но в современном русском языке она стала нарушаться, и в определенных позициях

при словообразовании чередование исчезает. Так происходит агглютинация, т.е. автоматическое присоединение словообразующего элемента, без мены фонем.

Ослабление чередования на стыке морфем особенно заметно при образовании производных от топонимов, от заимствованных слов, от названий ряда учреждений, от аббревиатур. Пример: *Таганрог – таганрожский – таганрогский; таганрожцы – таганрогцы; казах – казахский – казахский; калмык – калмыцкий – калмыкский; Оренбург – оренбургский – оренбургский; оренбургцы – оренбургцы; петербургский – петербургский; петербургцы – петербургцы.*

Очевидно, что вновь образуемые слова минуют форму с меной фонем, так же как, например: *Владивосток – владивостокский.* Естественно, что такой переход готовился постепенно, подспудно; иногда долго сосуществовали параллельные варианты форм, например, от названия Волга образованы обе возможные формы – *волжане и волгари*, но только одна форма для обозначения в единственном числе *волжанин*. В других случаях давно закрепились формы без чередования: *баски – баскский* (устар. басконский, ср.: наречие по-басконски); *лаки – лакский*; *тюрки* (группа народов – *татары, узбеки, турки, туркмены, якуты, чуваш* и др.) – *тюркский, адыги* (общее название адыгейцев, кабардинцев и черкесов) – *адыгский*; или сохраняется старая форма: *коми-пермяки – коми-пермяцкий язык, коми-пермячка; казак – казачий и казацкий* (*казачье войско, казацкая сабля*).

Как видим, процесс идет противоречиво, сложно, однако направление его очевидно. Следствием агглютинации можно считать и рост интерфиксации – появление внутреннего суффикс-интерфикса, который помогает «развести» несочетающиеся или неудобно сочетающиеся фонемы на стыке морфем.

Например, слова с суффиксом *-анин (-ане)* приобретают наращение *-ч- (-чанин)*. Комплекс *-чанин (-чане)* все более становится универсальным при обозначении лица (лиц), по принадлежности к нации, народу; по отнесенности к городу, местности проживания: *Торонец – торончане, Гремиха – гремихчане, Бежецк – бежечане* (ср.: *англичане, датчане*). При наличии чередования интерфикс не требуется: *волжане* (формы *волгане* и *волгчане* отсутствуют).

Для соответствующих наименований лиц женского пола в случае их неблагозвучности или омонимичности с другими названиями (*анадырка, копейка*) используется другая словообразовательная модель: *железнодороец – железнодорочанка, зуевец – зувчанка* и т. п. В сомнительных случаях можно пользоваться описательной формой: *жительница Миасса, Торжка* и т. п. В непринужденной разговорной речи свободно используется модель на -ка: *ташкентка, петербуржка, вязьмичка*.

При образовании подобных наименований часто возникают практические трудности, так как производящее слово-наименование имеет «нестандартную» форму. Например, наименования на -ня (типа Капотня). Как образовать наименование жителей – *капотняне* или *капотчане*? Такое затруднение в юмористической форме обыгрывает, например, автор хроники происшествий: *В 5-м квартале Капотни 39-летний капотнянин или капотницец, а может быть, капотнюк в своей квартире избил до полусмерти свою 47-летнюю подругу* (МК, 1995, 22 июля).

При некоторых аббревиатурных наименованиях образуются прилагательные только с наращением -ов: ооновский, тассовский, мхатовский, мосфильмовский и др. В современном языке формы могут различаться в зависимости от мотивирующего слова: *Дарвинский* – от *Дарвин* (город); *Дарвиновский* – от *Дарвин* (фамилия).

Форма на -веский может конкурировать с другими, особенно если исходное слово оказывается «трудным» для образования прилагательного. Например, название города *Опочка* (Псковская обл.) образует прилагательные *опоцкий* (очень старый вариант), *опоцкий* и *опочковский*.

В Словаре прилагательных от географических названий (сост. Е.А. Левашов – М., 1986) отдается предпочтение форме *опоцкий*, хотя даже во времена А. Пушкина уже была форма *опочковский*. Ср. примеры: *Я остановился в опочецкой гостинице* (К. Паустовский); *Надзор этот [над Пушкиным] был поручен Пецуорову, тогдашнему предводителю дворянства Опочковского уезда* (И. Пущин. *Записки о Пушкине*). А в одном из выступлений Д.С. Лихачева была употреблена форма «Опочининская библиотека».

Интерфикс -ов используется и с суффиксом -ец в названиях жителей городов, например, большие трудности возникают при

образовании подобных наименований от названия города Санкт-Петербург: *санктпетербурговец* или *санктпетербургец*? Для названия жительницы этого города разброс форм еще больший: *санктпетербурженка*, *санктпетербуржица*, *санктпетербуржка*. В.И. Лопатин в «Орфографическом словаре» (1999) дает формы: *санктпетербуржцы*, *санктпетербуржец*. А от слова «Петербург» – *петербуржанка* и *петербурженка* и далее: *петербуржка*, *петербуржцы*.

В просторечии используется дополнительно еще один интерфикс *-и*, он употребляется с суффиксами *-н* (у прилагательных) и *-ник* (у существительных): *МГУ – эмгеушник*, *СНГ – эсенгешник*, *ГАИ – гаишник*, *КГБ – кагебешник*; соответственно – *эмгеушный*, *эсенгешный*, *гаишный*, *кагебешный*.

Следствием агглютинации можно считать в ряде случаев наложение морфем, в результате имеем опрощение морфем. Это происходит, когда совпадают конечные части производящей основы и присоединяемый суффикс: *Челябинск – челябинский* [*ск + ский*]; *Динамо – динамовский*, *динамовец* [*о + ов*; *о + овец*], *сельпо – сельповский* [*о + овский*].

Наложение осуществляется только при соединении конечного производящего слова и суффикса; на стыке приставки и корня это явление не наблюдается, например: *Прииртышье*, *заарканить*, *ультраакустика*.

Процессы агглютинации и их следствия оказались достаточно плодотворными для русского языка. Их активизация объясняется тем, что словообразовательная система унифицируется, а словообразовательные связи становятся более прозрачными (снятие чередования сохраняет исходный фонемный состав слова). Наложение морфем упрощает словообразовательные модели, делает их более экономными, следовательно, процессы эти соответствуют внутренним потребностям языка.

В общем случае правила словопроизводства отражают в полном смысле регулярный характер лексико-словообразовательных взаимодействий, имеющих, по всей видимости, свойства языковой универсалии. Регулярность и обязательность подобной зависимости между первичными и вторичными значениями позволяет квалифицировать все подобные производные основы как потенциальные слова языка.

В лингвистике, как известно, нет единой точки зрения на соотношение регулярности и продуктивности как методических категорий.

Нам представляется наиболее конструктивным подход Ю.Д. Апресяна [162, с. 191], который различает так называемую эмпирическую продуктивность, измеряемую количеством фактически имеющихся новообразований, и системную, измеряемую «потенциальной возможностью новообразований, числом ограничений, сдерживающих новообразования и т.п.». Весьма существенна при этом содержательная трактовка системной продуктивности, определяемой «только полнотой охвата единиц с заданной совокупностью свойств; сам класс таких единиц может быть очень невелик» [162, с. 192]. Л.П. Катлинская для задач описания активных процессов словопроизводства предлагает «развести» понятия регулярности и продуктивности, закрепив за ними разные методические квалификации [147, с. 47]. Так, исследователь со стороны регулярности характеризует отношения семантико-словообразовательной мотивации, формирующие данный понятийно-словообразовательный тип, а формально-содержательные свойства каждого данного словообразовательного образца рассматривает как характеристику модели, приписанной к определенному типу на основании регулярных семантических соотношений, со стороны ее продуктивности. Совпадение регулярности и продуктивности в границах типа и модели обуславливает эмпирическую активность словообразовательного образца в перспективном плане.

Любое слово в языке возникает по определенной модели и является членом какого-то словообразовательного ряда. Для того чтобы полностью уяснить механизм словообразования, важно изучить сочетаемостные свойства морфем.

В системе словообразования в разные периоды жизни языка словообразовательные типы, да и способы тоже, приобретают разную степень активности. Образование слов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в активный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели. Причинами таких смещений акцентов являются либо потребности самого языка – недостаточность или избыточность тех или иных образований, либо опреде-

ленный социальный заказ, наконец, просто языковая мода, когда под одну, полюбившуюся модель подгоняются разрозненные и часто неоправданные словообразовательными принципами формы. Например, при развитии техники, технологий, производства возникает необходимость в новых наименованиях, которые и создаются по типу имеющихся в языке, только значительно расширяется круг образованных таким образом слов. При усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов.

Неологизмы приобретают характеристику общественно узаконенных номинаций и, появившись в определенный период, постоянно воспроизводятся и в конце концов принимаются языковой традицией. Потенциальные слова – это нетрадиционные слова, незакрепленные в языке, но возможные слова, появление которых объясняется потребностью в соответствующем наименовании. Так возникло, например, слово *луноход*, когда реально возникла соответствующая ситуация, готовая модель для осуществления этой потенции уже существовала в языке (*землеход*).

Словообразовательные процессы конца XX столетия, результатом которых являются собственно инновации, привели к выявлению наиболее продуктивных моделей сегодняшнего дня. Среди этих процессов можно назвать активное производство имен лиц. Новые названия появляются строго в традиционных рамках. Словарь в таком случае расширяется в угоду жизненной потребности нового времени, например: *рыночник, кооперативщик, бюджетник, биржевик, сувереник, антиперестроечник, теневик, льготник, дубляжник, бутылочник, оборонщик, платник (студент, обучающийся за плату), силовик, эвэмищик, компьютерщик и др. Все эти слова необходимы, за ними стоят определенные реалии. Менее активной оказалась модель с суффиксом -ант, хотя и она сегодня работает с большей нагрузкой, чем раньше. Ср.: практикант, дипломант и новые слова – подписант, реабилитант, деградант, амнистант, номинант и др. [147, с. 295].*

На этом общем фоне активизации ряда словообразовательных моделей заметны и внутренние семантические преобразования

некоторых словообразовательных средств. Особенно это свойственно суффиксам. Поскольку появляется все больше новообразований и имеющийся в языке набор суффиксов оказывается вовлеченным в эти процессы, возникает потребность их размежевания с целью более точной передачи необходимого смысла.

При повышенной интенсивности использования одних и тех же суффиксов возникает некоторая перегруженность их значениями, что, естественно, создает неудобства в восприятии новообразованных слов. Язык реагирует на подобную нежелательную ситуацию специализацией суффиксов и по мере необходимости изменением в значениях суффиксов.

Процесс специализации словообразовательных средств направлен на выражение одного из возможных значений, если суффикс оказался многозначным. Идеальной представляется ситуация, когда одна модель и, следовательно, одно словообразовательное средство передает одно значение. На практике это бывает крайне редко, поскольку количество традиционно употребляемых суффиксов (они поддаются инвентаризации) не может удовлетворить разрастающийся объем новообразований, тем более если в сферу этих новообразований включаются все новые и новые семантические классы слов. В таком случае крайне необходима специализация значения и даже изменение значения словообразовательного средства. Например, в русском языке существует ряд суффиксов для обозначения лица при образовании имен от глаголов и существительных: *-(ов) ец* (*вьетнамец, оmonoвец*), *-(ч) анин* (*датчанин*), *-ист* (*плакатист, журналист*), *-лог* (*филолог*), *-тель* (*учитель*), *-тор* (*арендатор*), *-тер* (*мастер*), *-ун* (*лгун*), *-ик* (*речник*), *-арь* (*вратарь*), *-чик* (*летчик*), *-щик* (*каменщик*). Все это наименования лиц, но это общее значение, каждый же отдельный суффикс образует название лица по какому-то определенному признаку – по роду деятельности, по принадлежности к нации, народности, местности и т.д., т.е. вокруг каждого суффикса (или нескольких) объединяется круг слов, связанных единым значением, в этом и заключается специализация. Однако оказывается, что частных значений бывает больше, чем имеющихся в наборе суффиксов. Тогда происходит некоторое перераспределение значений или изменение значений у тех или иных суффиксов.

Состав отонимических наименований неоднороден с точки зрения происхождения. В образовании номинативных форм, образованных от имен собственных, принимают участие различные суффиксы в зависимости к какой ономаσιологической группе относится данный отоним.

Одним из продуктивных суффиксов в образовании ЛСГ «лицо» является суффикс *-ец*. «Суффикс *-ец* утверждается в качестве основного средства для образования названий лиц по отношению к местности или национальной принадлежности», – считают В.В. Виноградов и Н.Ю. Шведова.

Для наименования лиц по месту жительства в русском языке существует несколько словообразовательных моделей имен существительных. Модель с суф. *-ец* в современном языке наиболее продуктивна. Этот суффикс свободно соединяется с подавляющим большинством основ, выступающих как производящие при образовании имен – названий жителей:

а) почти исключительно с помощью этого суффикса образуются названия жителей от основ на мягкий сонорный или *j*: *каменец* (г. Камень), *алтаец* (г. Алтай) и т.п.;

б) от географических наименований женского рода названия жителей образуются путем присоединения к мягкому сонорному основу суф. *-(ин)ец*, *-(ян)ец*: *навлинец* (Навля); от географических наименований женского рода с твердым согласным на конце производящей основы названия жителей часто образуются также с помощью интерфикса: *ахтубинец* и т.п.

Аналогичны названия жителей от многих нерусских географических наименований, оформленных по-русски как существительные во множественном числе: *харабалинец* (Харабали).

Суф. *-ец* свободно соединяется с основами большинства названий муж. рода на твердый согласный, образуя: а) названия жителей от многочисленных географических наименований, содержащих в основе корни имен нарицательных (мор, гор, град, город, бург, озер); б) названия жителей от различных нерусских наименований, оформленных по-русски как существительные муж. рода.

Названия жителей с другими суффиксами менее продуктивны. При всем суффиксальном богатстве русский язык искони опирается прежде всего на суффикс *-ец*. Однако он не всемогущ: есть словообразовательные позиции, в которых он непременно

уступает место суффиксу *-анин, -янин*: когда в финале географического имени имеем *ц, ец, шц, цк, тск* и некоторые другие звуковые комплексы (*Бежецк – бежечане, Братск – братчане, Клиницы – клинчане, Олонец – олончане и под.*). В форме именительного падежа единственного числа мужского рода он плохо сочетается с заднеязычными (наследие древнего состояния языка). Образования с мягкой заднеязычной типа гаагский – гаагец редки (образования с сохранением конечной заднеязычной основы географического наименования употребляются преимущественно в косвенных падежах и в именительном падеже множественного числа) [267].

Трудности, с которыми суффикс *-ец* сталкивался там, где он примыкает к производящей основе, исторически заставили его образы интерфиксальными прослойками, что привело к появлению множества суффиксов сложного состава: *-анец/-янец, -инец/-енец, -ианец/, -овец/-евец, -иец* и др. – всего до 15 вариантов.

Старейшим в русском языке суффиксом с «отечественным» значением является также и *-анин/-янин*. Он тоже вынужден был со временем образы своими производными: *-чанин, -итянин, -ичанин, -овчанин/-евчанин* и др. Более 95 % русских слов-названий жителей ныне обслуживаются суффиксами, в основе которых *-ец и -анин/-янин*.

Соперничество этих двух старейших суффиксов – это также соперничество производящих основ. Суффикс *-анин/-янин* присоединяется к основе географического имени (часто с элизией финали) (*Березов – березяне, Быстрый Исток – быстряне, Плѣс – плесяне*), суффикс *-ец* – к основе оттопонимического прилагательного, то есть имеет промежуточную словообразовательную стадию (*Беломорск – беломорский – беломорец, Дно – дновский – дновец, Пенза – пнезенский – пензенец*). С веками позиции суффикса *-анин/-янин* в оттопонимическом словопроизводстве слабели, суффикса *-ец* (с его производными) – крепи. Сейчас новые географические имена почти не дают (за исключением случаев, указанных выше) слов-названий жителей с *-анин/-янин*.

Особогоразговоратребуетсуффикс-чанин, словообразовательная активность которого в современной речи оценивается многими весьма критически. Полагают, что этот строевой элемент недавно и неоправданно выпустили на волю газетчики, журналисты.

Между тем этот суффикс известен древнерусскому языку: *Трубежск – трубчане* (Суздальская летопись, 1223 г.), *Львов – львовчане*, 1407 г. (Акты, относящиеся к истории Запада и Пскова, 1949). Во множестве патронимические наименования на *-чанин* находим в деловой письменности Московской Руси. Особую активность этот суффикс приобрел во второй трети 20 века под пером журналистов, что и породило тревогу.

Среди причин, вызвавших активизацию суффикса *-чанин*, обычно выдвигается одна – его однозначность: употребляется только в наименованиях лиц по месту жительства (для суффикса *-ец* это значение лишь одно из многих). Эта однозначность все чаще побуждает носителей языка пользоваться им (в ущерб, пожалуй, другим словообразовательным моделям). Но есть другое, более весомое и более «языковое» качество в суффиксе *-чанин*: возможность его сочетания как с основами географических названий, так и с основами оттопонимических прилагательных (как суффикс *-ец*). Первой особенностью он обладает как строевой элемент, исторически выросший из суффикса */-анин/-янин* (*Плѣс – плесяне*, *Слободской – слобожане и слободчане*, *Сургут – сургутяне и сургутчане*; вторую особенность он приобрел, отпочковавшись от родительского суффикса *-анан/-янин* (*Гусь Хрустальный – гусевцы и гусевчане*, *Орёл – орловцы и орловчане*).

Основные модели образования наименований лиц по месту жительства в русском языке: наиболее продуктивная – модель с суф. *-ец*. Суф. *-ец* присоединяется к основам, выступающим в качестве производящих при образовании названий жителей в следующих случаях:

1. Почти исключительно с помощью этого суффикса образуются названия жителей от основ названий на мягкий сонорный или й [j]: *Камень – каменец*, *Каргополь – каргополец*, *Елань – еланец*, *Рязань – рязанец*, *Мариуполь – мариуполец*, *Шатой – шатоец* и т.д.

2. Если географическое наименование женского рода с основой на мягкий сонорный или твердый согласный, то, как правило, к основе присоединяются суффиксы *-ян ец*, *-ен*, *-ец* или *-ин*, *-ец*: *Сходня – сходнинец*, *Караганда – карагандинец*, *Пенза – пензенец*, *Лакта – лактинец* и т.д.

3. Аналогичны названия жителей от некоторых нерусских географических наименований, оформленных по-русски как су-

ществительные во множественном числе: *Карачи – карачинец, Жамши – жамшинец* и т.д.

4. Кроме того, все названия от существительных женского рода на -иха, -уха образуются с суффиксом *-инец*: *Карабиха – карабихинец, Белокуриха – белокуриханец* и т.д.

5. С суффиксом *-ец* образуется большинство наименований жителей от названий населенных пунктов мужского рода с основой на твердый согласный. Это прежде всего географические наименования, содержащие корни *мор, гор, град, город, бург, озер*: *Солнечногорск – солнечногорец, Новгород – новгородец, Нижний Новгород – нижегорец, Волгоград – волгоградец, Санкт-Петербург – петербуржец, Оренбург – оренбуржец, Пятигорск – пятигорец, Холмогоры – холмогорец и т.д.*; а также названия жителей, образованные от различных нерусских наименований, оформленных по-русски как существительные мужского рода: *Армавир – армавирец, Барнаул – барнаулец, Ташкент – ташкентец, Таллин – таллинец, Ашхабад – ашхабадец, Дербент – дербентец* и т.д.

Только с суффиксом *-ец* образуются названия жителей от географических наименований, оформленных как существительные среднего рода на -ино: *Лунино – лунинец, Камышино – камышинец* и в подавляющем большинстве случаев на *-ово, -ево*: *Иваново – ивановец, Скреблево – скреблевец* и т.д.

Даже когда мы встречаемся с отступлениями от нее, модель возможна как вариант: *Климово – климовчанин и климовец, Кемерово – кемеровец и кемеровчанин* и т.д.

Суффикс *-ец* присоединяется: 1) к основам географических названий женского рода на *-ея, -ия*; 2) к большинству названий женского рода на *-ка*; 3) почти ко всем основам географических наименований, оформленных как прилагательные на *-ский*; 4) к большинству географических названий-прилагательных на *-ье, жье, -ный (-ная, -ное)* (иногда в его модификациях *-инец, -енец*); 5) к основам на *к, г, х* (нередко к таким основам присоединяется производный суффикс *-овец*): *Горловка – горловец, Бутурлиновка – бутурлиновец, Новокручинский – новокрученец, Новокиевский – новокиевец, Каспийский – каспиец, Миронезжье – миронезец, Гремячье – грелячинец, Заозерье – заозерец, Молодежный – молодежнинец, Нагорный – нагорнинец, Буйнакск – буйнакец, Чикаго*

– *чикагец, Владивосток – владивостокец, Беломорск – беломорец и т. п.*

Лишь немногочисленные названия жителей (в основном, старые) от основ на *к, з, х* сохраняют суффикс *-анаин*: *елабужанин, калужанин, рижанин, лужанин* и т. п.

Суффикс *-(ч)анин* присоединяется к основе, если названия жителей образованы: 1) от наименований мужского рода на *-ск* и *-цк*: *Бирск – бирянин, Сестрорецк – сестроредчанин, Братск – братчанин, Бежецк – бежечанин, Иркутск – иркутянин, Иркутчанин* и т. п. В тех случаях, когда структура производящей основы дает возможность соединения с суффиксом *-ец*, эта возможность почти всегда реализуется: *Борисоглебск – борисоглебец, Благовещенск – благовещенец, Приволжск – приволжец, Ульяновск – ульяновец* и т. п. Иногда такие образования выступают в качестве вариантов со словами на *-(ч)анин*: *Брянск – брянец, брянчанин (устар.), Трубчевск – трубчевец, трубчанин, Хабаровск – хабаровец, хабаровчанин* и т. п.; 2) от названий городов и поселков на *-ец, -ич, -ач*: *Трускавец – трускавчанин, Углич – угличанин, Череповец – череповчанин, Торопец – торопчанин* и т. п.; от основ на *к, ц, ч*: *Бронницы – бронничанин, Клицы – клинчанин* и т. п.; 3) от основ на *з, ж, с, ш* (иногда они имеют варианты): *Сураж – суражец, суражанин, Онега – онежанин, онежец, Котлас – котлашанин, Теша – тешанец, тешанин, Великий Устюг – устюжанин, устюжанец, Пудож – пудожанин* и т. п.; 4) от малосложных основ исходных названий: *Шуя – шуянин, Южа – южанин, Минск – минчанин, Курск – курянин, Аша – ашанин, Туя – туянин, Ош – ошанин, Орск – оршанин* и т. п.

Многие названия жителей на *-(ч)анин* выступают как варианты названиям на *-ец* (в его модификациях): *Калуга – калужанин, калужец Великий Устюг – устюжанин, устюжанец Илим – илимец, илимчанин* и т. п.

Названия жителей с другими суффиксами (кроме *-ец* и *-анин*) единичны, обычно это традиционные названия жителей старых городов: *москвич, вятчич, костромич, тверитин, туляк, пензяк, одессит, уфимец, киевлянин* и т. п. Начиная с конца XVIII века, в русском языке сложилась традиция обозначать жителей городов при помощи суффиксов *-анин, -янин*. Большей частью это были слова, усвоенные из старославянской лексики, и живые слово-

образования обозначений лиц от нерусских названий: *афинянин, карфагенянин, коринфянин, македонянин*.

Взаимодействие суффиксов *-ец* и *-анин* началось еще в древнерусском языке и шло под знаком вытеснения суффикса *-анин* (*-ане*). Появляются дублетные образования: *карфагеняне – карфагенцы, лакедемоняне – лакедемонцы, спартане – спартанцы*. На протяжении XIX в. увеличивается количество дублетных образований – названий жителей от городов и стран на *-ия*: *ассирияне – ассирийцы, аркадяне – аркадцы, александрияне – александрийцы, византияне – византийцы, венециане – венецианцы, македоняне – македонцы, сирияне – сирийцы*. В современном языке почти все образования этого типа оформляются только через суффикс *-ец*. Исключения единичны: *англичанин, датчанин*, и некоторые другие.

Дело в том, что, за исключением тех случаев, когда присоединению суффикса *-ец* препятствуют структурные особенности производящей основы, суффикс *-анин* (или его варианты) вытесняется, насколько можно судить, под воздействием спонтанного узуса (неудобопроизносимые *белгородчане, житомиряне, кисловодчане, пятигорчане*, вместо давно известных *белгородцы, житомирцы, курильцы, кисловодцы, пятигорцы*). В то время как все производные на *-ец* от имен собственных строго нейтральны, что обуславливает их закрепленность за официальным стилем речи в первую очередь.

Так, Л.П. Катлинская считает, что суффикс *-анин* не строго номинативен, а в некотором смысле эмоционально окрашен и ссылается на мнение Д.И. Шмелева, который считал, что слово *заводчанин* экспрессивный окказионализм. Для слов по модели на *-анин* более типичной является функция этнонима (ср. *россияне, малороссияне, латиняне, англичане, датчане, персияне* и др.) [147].

Специфика семантических характеристик модели на *-анин* может быть определена на том основании, что главенствующим свойством является соотнесенность производного с понятием территории как места обитания, а не просто с названием местожительства [147, с.101].

Следовательно, сферой системной закрепленности данного словообразовательного средства (в частном случае) является

лексико-словообразовательная зависимость следующей семантической направленности: имя природно-естественной территории – имя обитателя этой территории.

Л.П. Катлинская утверждает, что «с собственно лингвистической точки зрения, соотнесенность производных на *-анин* с именами собственными, закрепленными за административно-хозяйственными участками, на которые в силу социальной необходимости поделена естественно-природная территория, не может рассматриваться как системная характеристика данного словообразовательного образца.

С этих позиций нормативными признаются производные с суффиксом *-ец*. Интенсивное расширение словарного состава русского языка производными по модели на *-ец*, распространение этого способа словообразования на иноязычные заимствования – важный аргумент в пользу нормозадающей функции суффикса *-ец* для ономаσιологической группы «наименования лица».

В употреблении казахских отонимических наименований в русском языке наблюдаются варианты. В этой связи было бы целесообразно выделение из всех существующих в русском языке способов образования наиболее актуальных и четко функционирующих в соответствующей подсистеме словообразовательных моделей с позиций: 1) частоты встречаемости, 2) продуктивности функционирования; 2) распространенности выделенной словообразовательной модели, что мы и попытались сделать в данном исследовании.

Наименования жителей Казахстана образуются по общей номинативной модели: (*абайцы – абаевцы, акжаикцы, акжарцы, аккольцы – аккольчане, аккыстауцы, акрабцы, аксайцы – аксайчане, аксуатцы, актаусцы, актогайцы, актюбинцы, акчатусы, акшайцы, алгинцы, алмаатинцы – алматинцы, амангельдинцы, андреевцы, аркалыкчане – аркалыкцы, арыкбалыкцы, ассинцы, атасуйцы, атбасарцы, атыраусцы, аягузцы; байганинцы, байкадамцы, байконурцы, баканасцы, балакишинцы, балыкишинцы, баршатаусцы, баталишинцы, баянаульцы, бейнеусцы, бишкульцы, большечураковцы, большенарымцы, боровчане, бородулихинцы, булаевцы, бурненцы; валихановцы, ванновчане, вишневцы; ганюшкинцы, георгиевцы; дарынцы, державинцы, джалагашицы – жалагашицы,*

джансугуровцы – жансугурцы, джаныбекцы – жаныбекцы, джезказганцы – жезказканцы, джетыгаринцы – жетыгаринцы, джетысайцы – жетысайцы, доссорцы; егиндыбулакцы, ералиевцы, ермаковцы, ерментаусцы, есильцы; жайремцы, жаксынцы, жалдаминцы, жанакыйминцы, жанатасцы, жаркентцы, железинцы; зайсанцы, затобольцы, зерендинцы, зыряновцы, иргизцы, иртышане, иссычане; казалинцы, казталовцы, калмыковцы, камышинцы, капальцы, капчагайцы, карааульцы (караалцы), карабулакцы, карабутакцы, карагайлинцы, карагандинцы, каражалцы (каражалцы), каратаусцы, каратобинцы, каргалинцы, каракалинцы, каскеленцы, катонкарайцы, качарцы, качирцы, кегенцы, келлеровцы, кентаусцы, кзылординцы, кировчане, кокпентинцы, корнеевы, краснокуты, кугалинцы, куйбышевы, кульсаринцы, курчумцы, кустанайцы; маканчинцы, макаты, макинцы, мамлютчане, Мариновцы, мартучане, махамбетцы, меркенцы, Михайловцы, миялинцы; нарынкольцы, никитинцы, новошуйбинцы, новотроичане – новотройчане, новоузенцы; оскарорцы, отарцы, отрарцы; павлодарцы, переметновцы, петропавловцы, пресновцы; родинцы, рудненцы – рудничане; самарцы – самарчане, саранцы, саркандцы, сарыагачцы, сатпаевцы, селетинцы, семиозерцы, семипалатинцы, семиреченцы, сергеевы, серебрянцы, смирновцы, соколовцы, степняковцы; талгарцы, талдыкурганцы, талишикцы, тасбугетцы, таскескенцы, тастыталдинцы, темирчане, темирлановцы, темиртаусцы, тимирязевцы, топарцы, тургайцы, тюлькубасы; уильчане (уилчане, уильцы (уилцы), улытаусцы, уральцы, урджарцы, уричане, успенцы, устькаменогорцы, учаральцы, уштобинцы; чардаринцы, чарцы, чаянцы – чаяновцы, челкарцы, чиликцы, чимкентцы (шымкентцы), чингирлаусцы, чистопольцы, чкаловцы, чуйцы, чулаккурганцы, чунджинцы; шаульдерцы, шахтинцы, шашубайцы, шемонаихинцы, шетпинцы, шубаркудукцы; щербактинцы, щучинцы – щучане, экибастузы, эмбенцы).

Наблюдаемые варианты (абайцы – абаевцы, аккольцы – аккольчане, аксайцы – аксайчане, алмаатинцы – алматинцы, аркалыкчане – аркалыкцы, джалагашицы – жалагашицы, джансугуровцы – жансугурцы, джаныбекцы – жаныбекцы, джезказганцы – жезказканцы, джетыгаринцы – жетыгаринцы, джетысайцы – жетысайцы, карааульцы – караалцы, каражалцы – каражалцы,

новотроичане – новотройчане, рудненцы – рудничане; самарцы – самарчане, уильчане – улчане – уильцы – улцы, чаянцы – чаяновцы, чимкентцы – шымкентцы, щучинцы – щучане и т.д.) свидетельствуют о процессе складывания новой нормы и необходимости скорейшей их кодификации.

3.6. Формообразовательные варианты и грамматическая система языка

Условием идентификации формообразовательных вариантов служит совпадение не только лексического, но и грамматического значения рассматриваемых словоформ. Формообразовательная вариативность, сопутствующая перестройке грамматической системы, распространяется в современном языке на значительный круг явлений: варианты падежных форм (род. ед.: *сахара – сахару*; вин. ед.: *кумир – кумира, саму – самое*; предл. ед.: *в цехе – в цеху*; им. мн.: *тополи – тополя*; род. мн.: *свечей – свеч*, вин. мн.: *зародыши – зародышей*); формы повел. накл.: *выброси – выбрось*; формы 3-го лица ед. числа наст. времени: *чтут – чтят*; варианты форм прилагательных (краткая форма муж. рода: *свойствен – свойственен*; формы сравн. степени: *бойче – бойчее*) и др.

Морфологическая вариантность – это достаточно живое и регулярно воспроизводимое явление современного русского литературного языка. Не все виды морфологического варьирования представляют собой наследие прошлого языкового состояния. Варьирование словоформ неизбежно возникает при функционально оправданных грамматических преобразованиях нового времени (грамматическая специализация аффиксов, устранение двувидовости у глаголов и т.д.).

Самая общая наблюдаемая закономерность в морфологическом варьировании – это унифицирующее влияние продуктивных грамматических категорий в первую очередь на средне- и малочастотные лексемы, не имеющие твердой опоры в письменной традиции.

Чем теснее связь слова с письменной традицией, тем менее подвержены его формы унифицирующему воздействию, тем

сильнее сопротивление старой формы и продолжительнее стадия варьирования. Естественно, что влияние формальной аналогии не столь результативно и по отношению к словам со специфической морфологической структурой.

Убывание морфологической вариантности слова (проявляющейся в большей мере у родовых, морфонологических и суффиксальных, чем у формообразовательных вариантов) следует понимать лишь относительно, в сопоставлении с прошлым языковым состоянием, постоянно имея в виду возможность возврата к традиционным формам выражения вследствие растущего авторитета книги, письменной речи.

Словоизменение в русском языке происходит на основе механизмов формообразования. В русском языке формообразование слов происходит несколькими способами:

- аффиксация: при образовании форм числа, падежа и рода преобладающим аффиксом является флексия (окончание); при образовании же форм вида такими аффиксами становятся приставки и суффиксы;
- чередование фонем: «*собрать*» – «*собирать*» (ноль звука чередуется со звуком [и]);
- изменение позиции ударения – «*рУки*» – «*рукИ*»;
- супплетивизм (образование форм от разных основ) – «*человек*» – «*люди*»;
- в ряде случаев формообразования участвуют слова: «*рисовал бы*».

Словарная дефиниция представлена следующим образом:
Формообразование:

1. *ср.* 1) Образование, формирование чего-л. 2) То, что получило определенную форму (1*3), структуру.

2. *ср.* 1) Образование форм (2*) слова (в лингвистике). 2) Появление новых форм (2*) слова.

В структуре русского слова выделяют морфемную, формообразовательную, словообразовательную уровни. Структура слова отражает процессы словоизменения формо- и словообразования. Таким образом, структуру слова можно рассматривать в трех аспектах: 1) формообразующем, 2) словообразующем, 3) морфемном.

Формообразование – процесс образования грамматических форм слова. Словоформа – конкретная грамматическая форма изменяемого слова в тексте. Словоформы одной лексемы имеют одно и то же языковое и различные грамматические значения, которые выражаются служебными морфемами. Словоформы одной лексемы образуют парадигму этой лексемы. Существует два вида основ словоформы: 1) у неизменяемых грамматических форм основа равна словоформе; 2) у изменяемых грамматических форм к основе словоформы присоединяются окончания.

Основа формоизменения – это часть словоформы, к которой присоединяется окончание; это неизменяемая часть слова, которая является общей для всех грамматически противопоставленных словоформ, образованных с помощью флексий. Формоизменение, т.е. «образование грам. форм с помощью флексий, является одной из разновидностей формообразования, наиболее характерной для русского языка. однако формообразование в русском языке может осуществляться также с помощью других грамматических средств, формообразующих суффиксов, приставок, перемены места ударения». В таком случае основа формообразования не равна основе словоформы и словоизменения. Основа формообразования – это та часть словоформы, к которой присоединяются формообразующие средства – формативы. «Основа формообразования – это более широкое понятие», чем основа словоформы и основа словоизменения. Если формативом является окончание, то основа словоформы = основе словоизменения и совпадает с основой формообразования. Грамматические формы и производные слова образуют, как известно, во многих отношениях сближенные системы. «Формообразование со всеми относящимися к нему морфологическими категориями, – пишет В.В. Виноградов в известной статье «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» [163], – составляет главный предмет морфологии. В этом случае правила изменения слов будут, собственно говоря, правилами образования форм слов, относящихся к разным категориям, к разным частям речи. Тем самым устанавливается самая тесная связь и взаимодействие между формообразованием и словообразованием» [163, с. 110]. В другом месте своей статьи, сочувственно ссылаясь на Л.В. Щербу, В.В. Виноградов замечает: «Признавая важность и принци-

пиальную необходимость разграничения и противопоставления формообразования и словообразования, Л.В. Щерба в то же время указывал, что во многих языках (например, в славянских) формы слов и производные слова образуются в большинстве случаев одними и теми же способами» [163, стр. 108]. В терминологическом плане, в частности, это отражается в использовании одного и того же термина «суффикс», поскольку наряду со словообразующими суффиксами выделяются формообразующие суффиксы, к числу которых относятся и «флексии», коль скоро речь идет о формах, представляющих собою «взаимообусловленные звенья грамматического объединения»: *вода, воды, воде* и т.п. [163, с. 110].

Важно подчеркнуть, что дело в данном случае не сводится к обсуждению терминологических предпочтений. Начиная свой классический труд «Русский язык. Грамматическое учение о слове» В.В. Виноградов писал: «Причина блужданий современной грамматики – в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения и точного описания основных грамматических понятий» [164, с. 3]. Очевидно, одной из актуальных задач современного языкознания является преодоление этого недостатка, чему должны в какой-то степени способствовать частные критические соображения, касающиеся сущности важнейших языковых категорий.

Соссюровское понимание системы приводит к тому, что ученые обнаруживают в языке полусистемные и асистемные элементы. Это заставляет исследователей пересмотреть понятие системы как коррелята нормы и служит одним из обоснований плюралистичности нормы. Сегодня актуальная проблема состоит в том, чтобы отграничить плюралистичность норм (как полезное явление) от нормативного релятивизма, лингвистической аномии (как явления разрушительного). Делать это можно, с нашей точки зрения, только если исходить из презумпции целого, т.е. если заложить принцип целесообразности в само понимание системы. Тогда можно будет с полным основанием говорить о коммуникативной целесообразности норм: полезно то, что полезно для коммуникации, т.е. для функционирования системы в целом. Если же сама система мыслится таким образом, что наряду с системным существует еще и несистемное, принцип коммуникативной целесообразности становится неотличим от

принципа окказиональных употреблений, продиктованных потребностью в сиюминутном коммуникативном эффекте. Противоречие между потребностями данного коммуникативного акта и потребностями коммуникации вообще носит объективный характер и должно быть изучено всесторонне. Представление же о несистемном и полусистемном затушевывает это противоречие и создает иллюзию простых решений.

Так, В.Я. Мыркин отмечает, что «языковая норма не полностью детерминируется языковой системой – и не только потому, что языковое общество делает отбор из ресурсов языковой системы, как это обычно утверждается, но и потому, что в языке есть асистемные элементы». При этом он предлагает дополнить традиционное определение и понимать языковую норму как «выборочную реализацию системы и узуса (не обязательно соотносящегося с системой), регулируемого обществом» [165, с. 22-30].

Примером асистемности служит для В.Я. Мыркина устойчивая дифференциация родовых форм числительного «оба/обе» в косвенных падежах (из обоих сел – из обеих сторон) при системно обусловленном отсутствии родовых различий во множественном числе прилагательных, местоимений и числительных. В данном случае узус является единственным фактором, определяющим норму [165, с. 22-30].

Не все слова-заимствования поддаются ассимиляции в языке-получателе. Вовлекаясь в систему русского словоизменения, они образуют внутри этой системы свою подсистему. Эти слова не подчинялись правилам и аналогиям, а образовали свои собственные правила и аналогии, потому что чужеродность морфологического облика большинства несклоняемых слов на гласный обнаруживается при сопоставлении корреляций флексий склоняемых существительных.

Причины несклоняемости, очевидно, заключаются в ограничениях морфологической системы русского литературного языка. Значительные колебания в системе нормативного склонения испытывают заимствованные существительные-топонимы. К примеру, значительные затруднения вызывает словоизменение новых наименований административных центров современного Казахстана (*Актау, Актобе, Аксу, Алматы, Атырау, Балыкшы, Жосалы, Каратау, Кентау, Кокшетау, Мангыстау, Темиртау,*

Уитобе, Хромтау, Шишли, Шу и т.д.). Склонение топонимов представляет собой один из неустойчивых фрагментов грамматической системы. Как известно, топонимы составляют достаточно крупный пласт наименований. Поскольку пословной кодификации топонимов в наиболее известных нормативных словарях не проводится, на практике приходится постоянно сталкиваться с вопросами, касающимися грамматических характеристик топонимов. В частности, одним из наиболее спорных является вопрос о склоняемости или несклоняемости топонимов в сочетаниях с географическими терминами (типа в местечке *Хансунг* – в местечке *Хансунге*, из города *Чан-лин-сянь* – из города *Чан-лин-сяня*).

Несмотря на морфологическое своеобразие топонимики, ее современные грамматические свойства находятся в прямой зависимости от состояния нормы в общезыковой системе.

На основе выявленных объективных характеристик даются четкие рекомендации в трудных случаях современного употребления. Так, учитывая современную норму употребления сочетаний с термином республика, в деловых документах целесообразнее употреблять топоним в несклоняемой форме (положение республики *Хакасия*, поездка в республику *Карелия*; на территории республики *Грузия* и т.п.). Однако в разговорной речи допустимы и склоняемые варианты: *дружба с республикой Грузией, братские отношения с республикой Хакасией* и т.д.

Таким образом, необходимо отметить, что происходящие процессы в трансформирующемся обществе приводят к демократизации норм, которая обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между собой конкурируют.

Признание скрытой парадигмы несклоняемых имен, вероятно, обусловлено их потенциальной возможностью словоизменения, что входило бы в противоречие с нормами русского литературного языка. Поэтому ни одна грамматика не выделяла и не выделяет особой морфологической подсистемы иноязычных слов, подразумевая, что и для исконно-русских, и для заимствованных лексических единиц существует один и тот же механизм словоизменения. Несклоняемые имена воспринимаются большинством носителей языка как содержащие корневые морфемы, не свойственные русскому языку, поэтому они не включены ни в одну из существующих в нем парадигм.

Я. Грот пытался объяснить это явление с точки зрения языкового чутья, предопределяющего языковую моду: «Затруднительно, напротив, употребление имен, которые по окончаниям своим (имеются в виду конечные звуки корневых морфем) не прививаются к языку, почему он или оставляет их без склонения, или дает им соответствующие прямой форме падежные окончания...» [165, с. 353].

Однако нормированность/ненормированность несклоняемых слов зависит от известности их толкования и речевой популярности. Оказываясь за пределами литературной нормы, они могут изменяться через мену флексий. Таким образом, прослеживается становление нормы для правописания отонимических наименований с точки зрения норм современного русского языка, а выявленные грамматические и ортологические предпочтения определяют методические перспективы их изучения.

Речевая мода распространяется на самые различные области общественной жизни. «В ее орбиту может попадать как явление, так и носитель. И если до определенного времени язык не воспринял что-то как модное, то нельзя ручаться, что это что-то в дальнейшем не будет актуализировано в речевом пространстве и в какой-то момент не станет модным языковым стандартом» [165, с. 52].

Производство отонимических наименований – творческий процесс: он связан с установлением границы структурно мотивирующей основы, с учетом исторических и современных процессов, происходящих на стыке (морфемном шве) образующей основы и суффикса, с выбором нужного суффикса. Еще в XIX веке И.И. Срезневский ставил важный вопрос: «... подчиняются ли правилам склонения русского те слова иностранные, которые вошли в русский язык, или же они остаются неизменяемыми?». И сам же отвечал на этот вопрос: «Вообще говоря, подчиняются, а затем есть исключения, определяемые модой...» [166, с. 102].

Многообразные изменения в сфере модных языковых стандартов не выходят за рамки основных образцов, которые являются достаточно стабильными.

3.7. Лексикографические характеристики отонимических наименований

Наука, имеющая дело с великим множеством однородных предметов (растений, насекомых, минералов, звезд, слов и т.п.), начинается с их инвентаризации. Эти предметы не могут считаться известными и изученными, если они не перечислены, не описаны, не сопоставлены. Их перечисление, описание и классификация составляет особый род научной деятельности и связано с подготовкой соответствующих научных изданий. Каждое издание, системно описывающее такие предметы, – единство общего и частного: оно показывает множество однородных предметов как нечто совокупное, взаимосвязанное и единое и в то же время – представляет единичное в цепи подобных (и тем самым дает возможность наводить конкретные, оперативные справки, необходимые в научной и в практической повседневности).

Как и лексика в целом, географические имена по степени их значимости для языка и употребительности в речи делятся на часть ядерную и часть периферийную (значительно большую). Ядро географических имен составляют названия, вошедшие в общую речь и представляющие ее культурно-исторический запас, что делает их принадлежностью литературного языка. Наиболее полно и авторитетно такие топонимы представлены в энциклопедиях общего типа, в географических словарях. Заключенная в них выборочная совокупность географических названий создает, таким образом, перечень (корпус) топонимов – производящих основ для словарей, к примеру, наименований жителей.

Необходимость создания специальных словарей слов-названий жителей диктовалась не только их справочным назначением – она имела под собой и более широкую основу. Мысль о включении в общий словарь литературного языка «отечественных» имен возникла еще в конце XVIII в., когда готовился первый академический словарь русского языка, – и тогда же были выдвинуты возражения против внесения в него подобных слов. Но проблема лексикографической кодификации слов-названий жителей по-прежнему требует своего решения, поскольку в повседневной языковой практике преобладает дублетность их употребления: «Спросим у жителей города Щучинска, как они себя называют, и

услышим от одного – щучинец, от другого – щучанин» (*Стенной Маяк (Кокчетав) 8 октября 1967*); «В Чайковском принимают удмуртские передачи. Из-за этого чайковец (чайковчанин? чайковчит?)» (*Известия 25 февр. 1990*).

Полтора века назад выдающийся русский филолог К.С. Аксаков писал о муках, связанных с поисками правильного названия жителей Петербурга: «Петербурганин – все засмеются, петербуржак – еще смешнее. Петербургец, или петербуржец, или петербурец, как употребляют, – точно так же чуждо и неловко, особенно в женском: петербурка или петербуржка. Петербуржич тоже смешно. Что делать?». Двойственно решал словарную проблему «отечественных» имен Л.В. Щерба: «Ясно, что не надо приводить названий жителей городов, но надо все-таки указать, как надо говорить: «пензяк» или «пензенец», или надо нормализовать и то, и другое» [167].

Отказавшись от включения названий лиц по местности в толковые словари общего типа, русская лексикографическая наука выдвинула идею самостоятельного словаря-справочника, который позволяет представить эту лексику с известной полнотой, и в котором толкование слов заменено их простым соотношением с соответствующими географическими названиями. В разное время были изданы несколько таких словарей: Словарь названий жителей СССР. М., 1965.; Словарь названий жителей СССР // Под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова (М., 1975), Народы мира (М., 1988), Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий (М., 1990), Левашов Е.А. Географические названия: Прилагательные, образованные от них. Названия жителей: Словарь-справочник (СПб., 2000), Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник (М., 2000) [168; 169; 170; 171; 172].

Первым таким справочником явился Словарь названий жителей РСФСР (М., 1964 г.), вторым – Словарь названий жителей СССР (М., 1975 г.). Третий – Русские названия жителей: Словарь-справочник (М., 2003 г.) [168; 169; 167].

Первый словарь охватил территорию России как основного места расселения русских, второй – СССР (и в приложении – названия жителей наиболее значительных городов зарубежных стран). Оба словаря построены по алфавиту географических

наименований внутри каждого государственного, республиканского и административного целого; общий алфавитный перечень слов-названий жителей вынесли в особое приложение (с отсылками на соответствующие страницы).

Наиболее полным и удачным, на наш взгляд, явился словарь «Русские названия жителей: Словарь-справочник» И.Л. Городецкой, Е.А. Левашовой. Этот словарь построен на новом цитатном материале, с более широким охватом названий жителей, при общем сквозном алфавите географических имен (в связи с чем отпала необходимость в прежнем указателе). Словарь ставит в соответствие 5800 географическим именам более 14000 названий жителей (по формам общего множественного числа, мужского и женского родов).

Словарь не является толковым: основное значение существительных «житель, уроженец такого-то места, местности» подразумевается во всех словарных статьях (у толкующей формулы меняется лишь вторая, географическая часть). Поэтому внешне словарь предстает как словообразовательный: в нем сопоставляются лексические пары, связанные отношениями структурно-семантического предшествования (географическое имя как производящая основа) и следования (название жителей как производное слово).

Источником формирования корпуса «отечественных» имен послужили художественная, публицистическая, краеведческая, историческая, научно-популярная литература, центральные и местные газеты.

Словарь носит нормативный характер, хотя не все названия жителей, представленные в нем, являются нормативными. Нормативными в нем признаются «отечественные» имена, устойчивые в общественной речевой практике, не противоречащие современным правилам русского словопроизводства и лишённые каких-либо рамок, ограничивающих их употребление в литературном языке. Слова, ограниченные в употреблении исторически, стилистически или территориально, не являются нормативными и маркированы в словарных статьях соответствующими пометами.

Цитатная база словаря сформирована на основе указанных источников, относящихся к современному состоянию языка.

Наличие подтверждающих примеров из общедоступных текстов объективирует словарь, делает его более наглядным и доказательным.

В словарях обычно фиксируются наименования жителей (сущ.), образованные от существительных, обозначающих географические названия: *одессит, карпатец, москвич, псковичка, курянин* и т.д. При этом наиболее продуктивным является суффикс *-ец*. В данном словаре составителями использована форма множественного числа наименований жителей, поскольку, как указывают Л.В. Городецкая, Е.А. Левашов: «В отличие от обычных нарицательных имен существительных, слова-названия жителей употребляются преимущественно (даже с громадным преимуществом) в форме множественного числа. Грамматическое множественное число – основная форма бытования «отечественных» названий прежде и теперь. Она выражает идею группы, множества как чего-то более важного в общественной жизни, чем идея единичного, – и при этом без указания на пол составляющих их лиц» [167].

В анализируемом словаре приводится 186 статей по географическим названиям Казахстана (см. Таблица 3).

Таблица 3

**Указатель наименований жителей Республики Казахстан,
представленный в словаре-справочнике «Русские названия
жителей» (Городецкая И.Л., Левашов Е.А.; М., 2003).**

географическое наименование	наименование жителей	примечания
1	2	3
Абай г.	Абайцы, -цев; Абаец, -айца. Абаевцы, -цев; Абаевец, -вца	
Акжаик с.	Акжаикцы, -цев; Акжаикец, -кца (в им. п. обычно не употребляется)	
Акжар с.	Акжарцы, -цев; Акжарец, -рца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Акколь пгт	Аккольцы, цев; Акколец, -льца; Аккольчане, -чан; Аккольчанин, -а; Аккольчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам.	
Аккыстау пгт	Аккыстауцы, -цев; Аккыстауец, -ца	
Акмола г.	Акмолинцы, -цев; Акмолинец, -нца Акмолайцы, -цев; Акмолаец, -айца; Акмолайка, -и, мн.р. –ек, д. –айкам	
Акмолинск назв. Г. Акмола до 1961 г., см. также Целиноград Акраб с.	Акмолинцы, -цев; Акмолинец, -нца. Акрабцы, -цев; Акрабец, -бца	
Аксай г.	Аксайцы, -цев; Аксаец, -айца. Аксайчане, -чан; Аксайчанин, -а; Аксайчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Аксуат с.	Аксуатцы, -цев; Аксуатец, -тца	
Актау г., см также Щевченко	Актаусцы, -цев; Актауец, -сца	
Актогай с.	Актогайцы, цев; Актогаец, -айца	
Актюбинск г.	Актюбинцы, -цев; актюбинец, -нца; Актюбинка, и, мн.р. нок, д. –нкам.	
Акчатау пгт	Акчатусцы, -цев; Акчатауец, -сца	Акшатау
Акшай с.	Акшайцы, -цев; Акшаец, -айца	
Алга г.	Алгинцы, -цев; Алгинец, -нца	
Алматы (местн. Алма-Ата) г.	Алмаатинцы, -цев; алмаатинец, -ца.	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Амангельды с.	Амангельдинцы, -цев; ; Амангельдинец, -нца	
Андреевка с.	Андреевцы, цев; Андреевец, -вца.	
Аральск г.	-цев; Аралец, -льца.	
Аркалык г.	Аркалыкчане, -чан; Аркалыкчанин, -а; Аркалыкчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам; Аркалыкцы, -цев; Аркалыкец г., -кца	
Арыкбалык с.	Арыкбалыкцы, цев; Арыкбалыкец, -кца (в им. п. обычно не употребляется).	
Асса с.	Ассинцы, цев; Ассинец, -нца	
Астана г.	Астанинцы, -цев; Астанинец, -нца	
Астраханка с.	Астраханцы, -цев; Астраханец, -нца.	
Атасу пгт	Атасуйцы, -цев; Атасуец, -уйца.	
Атбасар г.	Атбасарцы, -цев; Атбасарец, -рца	
Атырау г, см. также Гурьев	Атыраусцы, -цев; Атыраусец, -сца	
Аулие-Ата назв. Г. Джамбула до 1936 г.	Аулиеатинцы, -цев; Аулиеатинец, -нца	
Аягуз г.	Аягузцы, -цев; Аягузец, -зца	
Байганин п.	Байганинцы, -цев; Байганинец, -нца	
Байконур п.	Байконурцы, -цев; Байконурец, -рца	
Баканас с.	Баканасцы, -цев; Баканец, -сца	
Балакшино пгт	Балакшинцы, -цев; Балакшинец, -нца.	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Балхаш,	Балхашец, -цев; -шца	
Балыкши пгт	Балыкшинцы, -цев; Балыкшинец, -нца	
Баршатаc.	Баршатаcцы, -цев; Баршатаcец, -сца	
Баршино	-цев; Баршинец, -нца	
Баталишинский пгт	Баталишинцы, -цев; Баталишинец, -нца	
Баянаул пгт	Баянаульцы, -цев; Баянаулец, -льца	
Бейнеу пгт	Бейнеусцы, -цев; Бейнеусец, -сца	
Бишкуль с.	Бишкульцы, -цев; Бишкулец, -льца	
Большая Чураковка с.	Большечураковцы, -цев; Большечураковец, -вца	
Большенарымское с.	Большенарымцы, -цев; Большенарымец, -мца.	
Боровской пгт	Боровчане, -чан; Боровчанин, -а; Боровчанка, -и, мн.р. –нолк, д. –нкам.	
Бородулиха г.	Бородулихинцы, -цев; Бородулихинец, -нца	
Булаево г.	Булаевцы, -цев; Булаевец, -вца	
Бурное с.	Бурненцы, -цев; Бурненец, -нца	
Валиханово с.	Валихановцы, -цев; Валихановец, -вца	
Ванновка	-цев; Ванновец, -вца Ванновчане, -цев; ванновчанин, -а; Ванновчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Вишневка пгт	Вишневцы, -цев; Вишневец, -вца	
Ганюшкино с.	Ганюшкинцы, -цев; Ганюшкинец, -нца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Георгиевка с.	Георгиевцы, -цев; Георгиевец, -вца	
Гурьев назв. Г. Атырау до 1992 г.	Гурьевцы, -цев; Гурьевец, -вца	
Дарьинское с.	Дарьинцы, -цев; Дарьинец, -нца	
Державинск г.	Державинцы, -цев; Державинец, -нца	
Джалагаш пгт	Джалагашцы, -цев; Джалагашец, -инца	Жалагаш
Джамбул г.	См. также АулиАта Джамбульцы (Джамбулцы), -цев, Джамбулец, -льца (лца)	Жамбыл
Джансугуров пгт	Джансугуровцы, -цев; Джансугуровец, -вца	Жансугуров
Джаныбек пгт	Джаныбекцы, цев; Джаныбекец, -кца (в им. п. обычно не употребляется)	Жаныбек
Джезды	-цев; Джездинец, -нца	Жезды
Джезказган (местн. Жезказган) г.	Джезказганцы, -цев; Джезказганец, -нца; Джезказанка, -, мн.р. –нок, д. –нкам	Жезказган
Джетыгара г.	Джетыгаринцы, -цев; Джетыгаринец –нца	Жетыгара
Джетысай г.	Джетысайцы, -цев; Джетысаец, -айца	Жетысай
Доссор пгт	Доссорцы, -цев; Доссорец, -рца	
Егиндыбулак с.	Егиндыбулакцы, -цев; Егиндыбулакец, -кца (в им. п. обычно не употребляется)	
Ералиев пгт	Ералиевцы, -цев; Ералиевец, -вца	
Ермак г.	Ермаковцы, -цев; Ермаковец, -вца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Ерментау г.	Ерментаусцы, -цев; Ерментаусец, -сца	
Есиль г.	Есильцы, -цев; Есилец, -льца	
Жайрем пгт	Жайремцы, -цев; Жайремец, -мцы	
Жаксы пгт	Жаксынцы, -цев; Жаксынец, -нка	
Жалдама с.	Жалдаминцы, -цев; Жалдаmineц, -нца	
Жана-Кийма с. См. также Кийма	Жанакийминцы, -цев; Жанакийmineц, -нца Кийминцы, -цев; кийmineц, -нца	
Жанакорган см. Яныкурган		
Жанатас г.	Жанатасцы, -цев; Жанатасец, -сца	
Жаркент г., см. также Панфилов	Жаркентцы, -цев; Жаркентец, -тца	
Железинка с.	Железинцы, -цев; Железинец, -нца	
Зайсан г.	Зайсанцы, -цев; Зайсанец, -нца	
Затобольск пгт	Затобольцы, -цев; Затоболец, -льца	
Зеренда с.	Зерендинцы, -цев; Зерендинец, -нца; Зерендинка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Зыряновск г.	Зыряновцы, -цев; Зыряновец, -вца	
Иргиз с.	Иргизцы, -цев; Иргизец, -зца	Ыргыз
Иртышск г.	Иртышане, -шан; Иртышанин, -а; Иртышанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Иссык г.	Иссычане, -чан; иссыкчанин, -а; Иссыкчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	Есик

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Казахстан гос-во	Казахстанцы, -цев; Казахстанец,-нца	
Казалинск г.	Казалинцы, -цев; Казалинец, -нца	
Казталовка с.	Казталовцы, -цев; Казталовец, -вца	
Калмыково с.	Калмыковцы, -цев; Калмыковец, -вца	
Камышное с.	Камышнинцы, -цев; Камышинец, -нца	
Капал с.	Капальцы, -цев; Капалец, -льца	
Капчагай г.	Капчагайцы, -цев; Капчагаец, -айца	Капшагай
Караул с.	Караульцы (Караалцы), -цев; карауец, -льца (лца)	
Карабулак пгт	Карабулакцы, -цев; Карабулакец, -кца (в им. п. обычно не употр.)	
Карабутак с.	Карабутакцы, -цев; Карабутакец, -кца (в им. п. обычно не употр.)	
Карагайлы пгт	Карагайлинцы, -цев; Караайлинец, -нца	
Караганда г.	Карагандинцы, -цев; Карагандинец, -нца; Карагандинка, -и, мн.р. —нок, д. —нкам	
Каражал г.	Каражалыцы (каражалцы), -цев; Каражалец, -льца (-лца)	
Каратау г.	Каратаусцы, -цев; Каратаусец, -сца	
Каратобе с.	Каратобинцы, -цев; Каратобинец, -нца	
Каргалинское с.	Каргалинцы, -цев; Каргалинец,-нца	
Каркаралинск г.	Каракалинцы, -цев; Каркаралинец, -нца	
Каскелен г.	Каскеленцы,- цев; Каскеленец, -нца.	
Катон-Карагай с.	Катонкарайцы, -цев; Катонкараец, -айца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Качар пгт	Качарцы, -цев; Качарец, -рца	
Качиры пгт	Качирцы, -цев; Качирец, -рца	
Кеген (местн. Кегень) с.	Кегенцы, -цев; Кегенец, -нца	
Келлеровка с.	Келлеровцы, -цев; Келлеровец, -вца	
Кентау г.	Кентаусцы, -цев; Кентаусец, -сца	
Кзыл-Орда г.	Кзылординцы, -цев; Кзылординец, -нца; Кзылординка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	Кызылорда
Кзылту пгт	Кзылтусцы, -цев; Кзылтусец, -сца	Кызылту
Киевка пгт	Киевляне, -лян; Кивлянин, -а; Киевлянка, -и. мн. Р. –нок, д. –нкам	
Кировский пгт	Кировчане, -чан; Кировчанин, -а; Кировчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Кокпекты с.	Кокпетинцы, -цев; Кокпетинец, -нца.	
Комсомолец пгт	Комсомольчане, -чан; Комсомольчанин, -а; Комсомольчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Комсомольский пгт	Комсомольчане, -чан; Комсомольчанин, -а; Комсомольчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Корнеевка с.	Корнеевцы, -цев; Корнеевец, -вца	
Краснокутск пгт	Краснокутцы, -цев; Краснокутец, -тца	
Кугали (Кугалы) с.	Кугалинцы, -цев; Кугалинец, -нца	
Куйбышевский пгт	Куйбышевцы, -цев; Куйбышевец, -вца	
Кульсары пгт	Кульсаринцы, -цев; Кульсаринец, -нца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Курчум с.	Курчумцы, -цев; Курчумец, -мца	
Кустанай г.	Кустанайцы, -цев; Кустанаец, -айца; Кустанайка, -и, мн.р. –аек, д. –айкам Кустанайка, -и, мн.р. –аек, д. –айкам	Костанай
Лебяжье г.	Лебяжинцы, -цев; Лебяжинец, -нца.	
Ленинградское с.	Ленинградцы, -цев; Ленинградец, -дца	
Лениногорск г.	Лениногорцы, -цев; Лениногорец, -рца; Лениногорка, -и, мн.р. –рок, д. –ркам	
Ленинское с.	Ленинцы, -цев; Ленинец, -нца	
Лисаковск г.	Лисаковцы, -цев; Лисаковец, -вца	
Маканчи с.	Маканчинцы, -цев; маканчинец, -нца	
Макат пгт	Макатцы, -цев; Макатец, -тца	
Макинск г.	Макинцы, -цев; Макинец, -нца	
Мамлютка пгт	Мамлютчаны, -чан; Мамлютчанин, -а; Мамлютчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам.	
Мариновка с.	Мариновцы, -цев; Мариновец, -вца.	
Мартук с.	Мартучаны, -чан; Мартучанин, -а; Мартучанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам.	
Махамбет с.	Махамбетцы, -цев; Махамбетец, -тца	
Мерке с.	Меркенцы, -цев; Меркенец, -нца	
Михайловка с.	Михайловцы, -цев; Михайловец, -вца	
Миялы с.	Миялинцы, -цев; Миялинец, -нца	
Молодежный г.	Молодежнинцы, -цев; Молодежнинец, -нца	
Нарынкол с.	Нарынкольцы., -цев; Нарынколец, -льца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Никитинка с.	Никитинцы, -цев; Никитинец, -нца	
Новая Шульба с.	Новошульбинцы, -цев; Новошульбинец, -нца	
Новотроицкое с	Новотроичане (местн. Новотройчане), -а; Новотроичанка (местн. Новотройчанка), -и, мн.р. –нок, д. –нкам Троичане (местн. Тройчане), -чан; Троичанин (местн. Тройчанин), -а; Троичанка (местн. Тройчанка), -и, мн.р. –нок, д. –нкам	
Новый Узень г.	Новоузенцы, -цев; Новоузенец, -нца	
Октябрьск г.	Октябрьцы, -цев; Октябрьец, -рца	
Оскарровка пгт	Оскаровцы, -цев; Оскаровец, -вца	
Отар пгт	Отарцы, -цев; отарец, -рца	
Павлодар г.	Павлодарцы, -цев; Павлодарец, -рца; Павлодарка, -и, мн.р. –рок, д. –ркам	
Переметное с.	Переметновцы, -цев; Переметновец, -вца; Переметнинцы, -цев; Переметнинец, -нца	
Петропавловск г.	Петропавловцы, -цев; Петропавловец, -вца; Петропавловка, -и, мн.р. –вок, д. –вкам	
Пресновка с.	Пресновцы, -цев; Пресновец, -вца	
Приаралье терр., прилегающая к Аральскому морю	Приаральцы, -цев; Приаралец, -льца	
Родина с.	Родинцы, -цев; Родинец, -нца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Рудный г.	Рудненцы, -цев; Руденец, -нца. Рудничане, -чан; Рудничанин, -а; Рудничанка, -и, мн.р. –нок, д. -нкам	
Самарское с.	Самарцы, -цев; Самарец, -рца. Самарчане, -чан; Самарчанин, -а; Самарчанка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам.	
Сарань г.	Саранцы, -цев; Саранец, -нца	
Сарканд г.	Саркандцы, -цев; Саркандец, -дца	
Сарыагач г.	Сарыагачцы, -цев; Сарыагачец, -чца.	Сарыагаш
Сатпаев г. См. также Никольский	Сатпаевцы, -цев; Сатпаевец, -вца	
Селетинское с.	Селетинцы, -цев; Селетинец, -нца	
Семиозерное с.	Семиозерцы, -цев; Семиозерец, -рца	
Семипалатин-ск г.	Семипалатинцы, -цев; Семипалатинец, -нца; Семипалатинка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам.	
Семиречье ист.-геогр. Обл. (юго-восточный Казахстан)	Семиреченцы, -цев; Семиреченец, -нца. Семиреки, -ков; Семирек, -а.	
Сергеевка г.	Сергеевцы, -цев; Сергеевец, -вца	
Серебрянск г.	Серебрянцы, -цев; Серебрянец, -нца	
Смирново пгт	Смирновцы, -цев; Смирновец, -вца.	
Соколовка с.	Соколовцы, -цев; Соколовец., -вца	
Степняк г.	Степняковцы, -цев; Степняковец, -вца Степняки, -ков.	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Талгар г.	Талгарцы, -цев; Талгарец, -рца	
Талды-Курган г.	Талдыкурганцы, -цев; Талдыкурганец; -нца; Талдыкурганка, -и. мн.р. –нок, д. –нкам	
Талшик пгт	Талшикцы, -цев; Талшикец, -кца (в им.п. обычно не употребл.)	
Тасбугет пгт	Тасбугетцы, -цев; тасбугетец, -тца	
Тасескен с.	Тасескенцы, -цев; Тасескенец, -нца	
Тасты-Талда с.	Тастыталдинцы, -цев; тастыталдинец, -нца	
Темир г.	Темирчане, -чан; Темирчанин, -а; Темирчанка, -и. мн.р. –нок, д. –нкам.	
Темирлановка с.	Темирлановцы, -цев; Темирлановец, -вца	
Темиртау г.	Темиртаусцы, -цев; Темиртаусец, -сца	
Тимирязево с.	Тимирязевцы, -цев; Тимирязевец, -вца	
Топар пгт	Топарцы, -цев; Топарец. –рца	
Тургай (Тургайская долина, Тургайская долина)	Тургайцы, -цев; Тургаец, -айца	Торгай
Тюлькубас пгт	Тюлькубасцы, -цев; Тюлькубасец, -сца	
Уил с.	Уильчане (Уилчане). –чан; Уильчанин (Уилчанин), -а; Уильчанка (Уилчанка), -и. мн.р. –нок. Д. –нкам Уильцы (уилцы), -цев; Уилец, -льца (-лца)	
Улытау г.	Улытаусцы, -цев; Улытаусец, -сца	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Ульяновский пгт	Ульяновцы, -цев; Ульяновец, -вца	
Уральск г.	Уральцы, -цев; Уралец, -льца; Уралка, -и, мн.р. –лок, д. –лкам	
Урджар с.	Урджарцы, -цев; Урджарец, -рца	
Урицкий пгт	Уричане, -чан; Уричанин. –а; Уричанка, -и, мн.р. –нок. Д. –нкам	
Успенка с.	Успенцы, -цев; Успенец, -нца	
Усть-Каменогорск г.	Устькаменогорцы, -цев; Устькаменогорец, -рца; устькаменогорка. –и, мн.р. –рок, д. –ркам	
Учарал с.	Учаральцы, -цев; Учаралец	
Уштобе г.	Уштобинцы, -цев; Уштобинец, -нца	
Форт-Шевченко г.	Форт-Шевченковцы, -цев; Форт-Шевченковец, -вца	
Фурмановка с.	Фурмановцы, -цев; Фурмановец, -вца	
Фурманово с.	Фурмановцы, -цев; Фурмановец, -вца	
Чардара г.	Чардаринцы, -цев; Чардаринец, -нца	Шардара
Чарск г.	Чарцы. –цев; Чарец, -рца	Шар
Чаян с.	Чаянцы, -цев; Чаянец, –нца Чаяновцы. –цев; Чаяновец. –вца	Шаян
Челкар г.	Челкарцы, -цев; Челкарец, -рца	
Чилик с.	Чиликцы, -цев; Чиликец, -кца (в им.п. обычно не употр.)	
Чимкент (местн. Шымкент) г.	Чимкентцы (местн. Шымкентцы), -цев; Чимкентец (местн. Шымкентец), -тца; Чимкентка (местн. Шымкентка), -и, мн. Р. –нок, д. –нкам	

географическое наименование	наименование жителей	примечания
Чингирлау пгт	Чингирлаусцы, -цев; Чингирлаусец, -сца	
Чистополье с.	Чистопольцы, -цев; Чистополец, -льца	
Чкалово с.	Чкаловцы, -цев; Чкаловец, -вца	
Чу г.	Чуйцы, -цев; Чуец. Чуйца	Шу
Чулаккурган с.	Чулаккурганцы, -цев; Чулаккурганец, -нца	Шолаккорган
Чунджа с.	Чунджинцы, -цев; Чунджинец, -нца	
Шаульдер с.	Шаульдерцы, -цев; Шаульдерец, -рца	
Шахтинск г.	Шахтинцы, -цев; Шахтинец, -нца	
Шашубай пгт	Шашубайцы, -цев; Шашубаец, -айца	
Шемонаиха г.	Шемонаихинцы, -цев; Шемонаихинец, -нца	
Шетпе пгт	Шетпинцы, -цев; Шетпинец, -нца	
Шубаркудук пгт	Шубаркудукцы, -цев; Шубаркудукец, -кца (в им.п. обычно не употр.)	
Щербакты пгт	Щербактинцы, -цев; Щербактинец, -нца	
Щучинск г.	Щучинцы, -цев; Щучинец, -нца; Щучинка, -и, мн.р. –нок, д. –нкам Щучане, -чан; Щучанин, -а; Щучинка, -и, мн.р. –нок, д. -нкам	
Экибастуз г.	Экибастузцы, -цев; Экибастузец, -зца	Экибастуз
Эмба г.	Эмбенцы, -цев; Эмбинец, -нца	
Южный Казахстан	Южноказахстанцы, -цев; Южноказахстанец, -нца	
Яныкурган (мест. Жаныкорган) пгт.	Яныкурганцы (мест. Жанакорганцы), -цев; Яныкурганец (мест. Жанакорганец) -нца	

При этом авторы признают, что в связи с произошедшими переименованиями многих географических объектов, происходившими в последние годы в бывших союзных республиках СССР, возникла проблема отражения этого процесса в русском языке, в частности при составлении данного словаря. Авторы словаря разделяют позицию Института русского языка РАН, заключающуюся в том, что иноязычные географические названия, устоявшиеся в русском языке, не должны заново и обязательно подгоняться под их произношение в языках источниках (типа Алма-Ата – Алматы, Бельцы – Бэлць, Таллин – Таллинн).

«Вместе с тем и уклоняться от признания таких (как правило, фонетических) изменений было бы неуважительно по отношению к носителям национального языка, которые в своей массе двуязычны, и к русским жителям (их многие миллионы) национальных образований, по необходимости принимающим географические имена в местном произношении» [167]. Составители словаря предлагают рассматривать подобные парные названия как равноупотребительные, из чего вытекает, что их производные также равноупотребительны. Тем не менее, на наш взгляд, помета *местное употребление*, вносимая авторами, требует уточнения, поскольку носит узуальный характер, приведем полную статью:

<p>Алма-Ата (<i>местн.</i> = Алматы) г. (Казахстан), см. также Верный Алмаатинцы, -цев; Алмаатинец, -нца; Алмаатинка, -и, <i>мн. р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога. «Ташкентская аллея», – говорят алмаатинцы. <i>Ю. Домбровский. Хранитель древностей.</i> – Я – коренной алмаатинец. Неделя, 1988, 48. Команда ... вышла в финал, где ей предстояла встреча с алмаатинками. <i>Путь к коммунизму (Актюбинск) 8 авг. 1987.</i></p>	<p>Алматы (<i>местн.</i> = Алма-Ата) г. (Казахстан) Алматинцы, -цев; Алматинец, -нца;</p>
---	--

<p>Дезказган (мест. Жезказган) г. (Казахстан) Джезказганцы, -цев; Джезказганец, -нца; Джезказганка, -и, <i>мн. р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. Соседство с Байконуром... доставляет джезканганцам огромные неудобства. <i>Изв. 9 дек. 1990.</i> Такой же успех сопутствовал и джезканцу. <i>Приуралье (Уральск) 22 окт. 1987.</i> Перед учащимися и педагогами выступили... никольчанин В.К. Курьятов и... джезканга Л.Г. Изварина. <i>Джезказг. Пр. 9 мая 1981.</i></p>	-
<p>Кеген (местн. Кегень) с. (Казахстан) Кегенцы, -цев; Кегенец, -нца</p>	-
<p>Новотроицкое с. (Казахстан) Новотроичане (мест. Новотройчане), -чан; Новотроичанин (местн. Новотройчанин), -а; Новотроичанка (местн. Новотройчанка), -и, <i>мн. р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. Она [аллея] и стала подарком новотроичанам к празднику. <i>Чуйская долина (Ноовтроицкое) 5 мая 1987.</i> Троичане (местн. Тройчане), -чан; Троичанин (местн. Тройчанин), -а; Троичанка (местн. Тройчанка), -и <i>мн.р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. Это для троичан еще не традиционный праздник. <i>Чуйская долина (Ноовтроицкое) 4 авг. 1987.</i></p>	
<p>Чимкент (местн. Шимкент) г. (Казахстан) Чимкентцы (местн. Шимкентцы), -цев; Чимкентец (местн. Шимкентец). -тца; Чимкентка (местн. Шимкентка), -и, <i>мн.р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. Очень популярна у чимкентцев «Кумысхана». <i>Юж. Казахстан (Чимкент) 9 сент. 1987.</i> Среди победителей турнира – два чимкентца. <i>Юж. Казахстан (Чимкент) 27 ноября 1987.</i></p>	Шимкент см. Чимкент

<p>Янықурган (<i>местн. Жанакорган</i>) пгт (Казахстан) Янықурганцы (<i>местн. Жанакорганцы</i>), -цев; Янықурганец (<i>местн. Жанакорганец</i>), -нца. Янықурганцы с любовью украсили и благоустроили все населенные пункты. <i>Путь Ленина (Кзыл-Орда) 8 ноября 1987.</i></p>	<p>Жанакорган см. Янықурган</p>
---	--

Словарь также регистрирует случаи полного изменения названия. Так, наряду со старыми названиями в словаре встречаются и новые: Целиноград – Акмола – Астана, Гурьев – Атырау, Шевченко – Актау, Алма-Ата – Алматы, Джамбул – Тараз.

<p>Актау г. (Казахстан), см. также <i>Шевченко</i> Актаусцы, -цев; Актаусец, -сца</p>	
<p>Атырау г. (Казахстан), см. также <i>Гурьев</i> Атыраусцы, -цев; Атыраусец, -сца</p>	
<p>Гурьев назв. г. Атырау до 1992 г. Гурьевцы, -цев; Гурьевец, -вца. Однажды...ездили гурьевцы...большой ватагой.. за чилимом. <i>И. Железнов. Уральцы, т. 1, 1888.</i> Гурьевчане, -чан; Гурьевчанин, -а; Гурьевчанка, -и, <i>мн. р.</i> -нок, <i>д.</i> -нкам. Много радости...гурьевчанам подарили встречи с большим искусством. <i>Прикасп. Коммуна (Гурьев) 23 июля 1987.</i> Представительным было... первенство страны на байдарках. И поэтому так весома победа—гурьевчанина. <i>Прикасп. Коммуна (Гурьев) 27 авг. 1987.</i> Страница для женщин. <i>Гурьевчанка [заголовок]. Прикасп. Коммуна (Гурьев) 12 авг. 1987.</i></p>	

<p>Джамбул г. (Казахстан), см. также Аулие-Ата Джамбульцы (Джамбулцы), -цев; Джамбулец, -льца (-лца). Такого успеха на подобных соревнованиях джамбульцы еще не добивались. <i>Курдайский маяк (Георгиевка) 14 апр. 1987.</i> Процессия двинулась к обелиску воинам-джамбульцам. <i>Зн. Труда (Джамбул) 12 мая 1987.</i> Отличился [в соревнованиях] джамбулец Аддирамов. <i>Юж. Казахстан (Чимкент) 19 ноября 1987.</i></p>	
<p>Жаркент г. (Казахстан), см. также Панфилов Жаркентцы, -цев; Жаркентец, -тца</p>	

Тем не менее, не все переименования вошли в словарь, а также есть различия в написании в словаре и принятом в Казахстане.

Отсутствие подобного словаря в казахстанской лексикографии объясняется, прежде всего, неразработанностью вопросов кодификации данного аспекта лексики. А основной характер любого словаря – это его ортологическая основа.

Современная орфографическая ситуация характеризуется увеличением вариативности, особенно это относится к орфографии новых в языке слов. Также в настоящее время наметилось преодоление существующей в русском языке искусственной цепочки «словарь-словарь-словарь», когда вновь издавшиеся словари ориентировались только на орфографию словаря предшествующего и абсолютно не учитывали того нового, что накопилось в орфографической практике: она постепенно сменяется естественной цепочкой «язык – словарь – язык», при которой «явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы в «ограниченном» виде вернуться опять в язык» [1, с. 197].

Таким образом, упорядочение и усовершенствование правил правописания – постоянный и необходимый процесс, касающийся отдельных категорий, групп слов и даже единичных слов.

Современные теоретические представления о норме и опыт практической работы при составлении словарей свидетельст-

вуют о необходимости объективного и комплексного подхода к определению «правильного» и «неправильного». Признание нормативности языкового факта должно опираться на неперенное наличие трех признаков: 1) языкового узуса, т.е. массовой и регулярной употребляемости (воспроизводимости) данного способа выражения; 2) соответствия этого языкового выражения возможностям системы литературного языка (с учетом ее исторической перестройки) и 3) общественного одобрения данного языкового узуса; причем роль судьи в этом случае обычно выпадает на долю образованной части общества. Для нормативной лексикографии, фиксирующей и оценивающей усредненную языковую норму, особенно важно установление общей тенденции развития данного явления, выяснение хронологического соотношения и внутрисистемных потенций конкурирующих вариантов [15].

Задачи научно-объективной нормализаторской деятельности не сводятся ни к искусственному консервированию пережитков языка, ни к бескомпромиссному запрещению языковых новообразований, ни к насильственной нивелировке и унификации вариантов. Учитывая историческую бесплодность вкусового пуризма [5] и принимая в качестве основы объективные признаки нормы (относительная устойчивость и распространенность, авторитет источника и общественное мнение, соответствие системе и принципу коммуникативной целесообразности), лингвист-нормализатор не вправе упускать из виду функциональной значимости конкретной языковой единицы и ее культурно-исторического содержания. В нормативных оценках следует проявлять разумную сдержанность, исходить не из пуризма, а из знания закономерностей развития языка и наблюдений над современным словоупотреблением, не забывая справедливое замечание И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Быть законодателем хотя бы только в области языка очень приятно, и поэтому-то каждый (или, по крайней мере, почти каждый) грамматик практического направления считает себя вправе командовать по этой части» [173, с. 283].

При наличии временного равновесия, узуальной равноценности конкурирующих форм приоритет нормы признается, как правило, за традиционным вариантом, т.к. в настоящее время,

по словам Ф.П. Филина, нам больше грозит не «гипертрофия оглядки назад, а легкомысленное отношение к литературно-языковым традициям и языковой преемственности [51, с. 285]. Неслучайно поэтому в статье «О новом издании «Словаря современного русского литературного языка» отмечается, «что медленное развитие литературного языка с богатой культурно-исторической традицией и особое отношение к языковым новообразованиям требует осторожного и плавного изменения нормативных характеристик. Излишний нормализаторский радикализм, как свидетельствует история языкознания, был отнюдь не лучшим оружием языковой политики» [15, с. 50].

Современный этап развития советского общества и науки о русском языке предполагает не альтернативно-дидактический, а объяснительно-рекомендующий характер нормализаторской работы [15, с. 50].

Постепенное смягчение нормативных установок наблюдается также в английских словарях словоупотребления [174] и при кодификации немецкого языка [175; с. 20].

Тактика нормативной лексикографии заключается в корректной поддержке жизнеспособного варианта и показе функционального (стилистического, жанрового, позиционно обусловленного и т.д.) своеобразия в применении нового и старого способов выражения [15, с. 50].

Приемы лексикографической кодификации языка не могут быть универсальными. Их выбор зависит как от типа (назначения) словаря, так и от различной степени проницаемости самих языковых норм.

По-разному решается в нормативной лексикографии вопрос о показе и характеристике отрицательного языкового материала (о разграничении помет «ненормативно» и «неправильно»).

Большинство толковых словарей предпочитает «хранить молчание» относительно того, что находится за пределами норм русского литературного языка. При квалификации отрицательного языкового материала в словарях трудностей важно отличать факты, соответствующие внутренней системе языка и активным тенденциям его развития, но не получившие нормативного признания, от грубых нарушений литературной речи, восходящих к явлениям внешнего порядка.

**ОСОБЕННОСТИ
ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ И
СПОСОБЫ ЕЕ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ:
ОТОНИМИЧЕСКИЕ
НАИМЕНОВАНИЯ КАЗАХСТАНА****4.1. Орфографическая ситуация и орфографическая
кодификация**

Орфография – одна из важнейших составляющих национальной культуры, и наличие общеобязательного свода правил правописания – один из признаков культурного здоровья общества.

«Правильное письмо – необходимый компонент общенациональной культуры, ее инструмент, которым овладевают в школе, затем пользуются широчайшие круги образованных людей, а по роду своих занятий постоянно интересуются и сознательно применяют его преподаватели языка, журналисты, издательские работники и др.ы», – отмечает В.В. Лопатин [176, с. 662]. С.И. Ожегов упорядоченность орфографии, «этого важного первоэлемента письменной речи», который выступает как «внешнее средство обозначения речи живой», рассматривает как необходимый показатель высокой культуры общества [178, с. 28-29].

Русская орфография традиционно была объектом пристального внимания академической науки. Однако в эпоху застоя орфографическая работа была фактически остановлена. Причину этого В.В. Лопатин видит в том, что в 1964 году был предложен проект орфографической реформы, который после своего обнародования получил почти единодушное общественное осуждение. «Эта неудача надолго отпугнула власти (как академические, так и

общегосударственные) от орфографических проблем, на которые было наложено негласное табу» [176, с. 662].

Попытка в первой половине 70-х годов возродить Орфографическую комиссию при АН и вернуться к проблемам упорядочения русской орфографии закончилась также безрезультатно. Подготовленный в стенах Академии наук «Орфографический словарь русского языка» в дальнейшем на протяжении полутора десятилетий выходил только стереотипными изданиями (вплоть до 29-го, исправленного и дополненного, 1991 г.).

Только в конце 1988 г. орфографическая работа была вновь выделена в особое направление – в Институте русского языка (ныне – Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) была создана орфографическая лаборатория, преобразованная в 1992 г. в сектор орфографии и орфоэпии; тогда же, в 1989 г. Отделение литературы и языка утвердило Орфографическую комиссию АН в новом составе.

Ныне действующие «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные и опубликованные в 1956 г., сыграли важную роль, поскольку в них впервые регламентировались многие закономерности современного русского правописания. Но на сегодняшний день совершенно очевидно, что правила эти устарели.

Существенно изменилась практика письма, особенно в разделах, касающихся слитного, дефисного и раздельного написания, а также употребления прописной буквы.

Естественно, не стояла на месте и лингвистическая наука: появилось немало новых теоретических исследований, а также работ, обобщающих сложившуюся практику письма либо по-новому трактующих собственно языковые основы того или иного правила. В этой связи можно упомянуть, например, работы А.А. Залязняка, Н.А. Еськовой, В.Ф. Ивановой и других исследователей.

На это указывает В.В. Лопатин: «До сих пор речь шла о правилах употребления букв и написания морфем. Но есть другие области орфографии, где возможны и даже необходимы значительные изменения. Это, во-первых, проблема слитных, раздельных и дефисных написаний и, во-вторых, употребление прописных и строчных букв. Здесь наблюдается наибольший разбой в практике письма и многое требует упорядочения.

В частности, правила слитного и дефисного написания сложных прилагательных, как показано в работах Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой, должны быть скорректированы с учетом структуры этих прилагательных (их первого компонента), поскольку сформулированное в своде 1956 г. правило, основанное на семантических отношениях компонентов сложения, во многих случаях не действует. Изменения последних лет, происшедшие в общественном сознании священных понятий религии, требуют включения в новый свод особого раздела правил, предусматривающего, например, написание слов *БОГ* и *Господь* с прописной буквы, но сохранение строчной буквы в некоторых словах и выражениях междометного и оценочного характера – таких, как *господи* (междометие), *ей-богу*, *не бог весть что* и т.п. Необходимы также серьезные уточнения относительно употребления прописной буквы в названиях государственных учреждений и других категориях наименований» [176, с. 666].

Еще один очень важный аспект – формирование более сознательного, творческого отношения к письму. Этот аспект проявляется в необходимых уточнениях стилистического характера (например, о возможности в художественной речи, особенно поэтической, написаний с окончанием – и типа *в молчаньи*, *в ущельи*) и в предоставлении в ряде случаев права выбора между разделным и дефисным написанием, и в возможности права выбора разных знаков препинания в зависимости от того или иного понимания синтаксической конструкции. Большая свобода, чем прежде, предоставляется пишущим новыми правилами переноса. Возможность выбора написания, допустимая в некоторых специфических случаях и ни в коей мере не отменяющая общего принципа обязательности правил и единообразия письма, отмечалось орфографистами прошлого, но в своде 1956 г. она фактически игнорировалась [176, с. 667].

Провозглашение морфологического принципа письма основным законом русской орфографии «создало прочную базу для борьбы за упорядочение русской орфографии» [179, с. 41].

Современная лингвистика отмечает значительные изменения в функционировании «вырвавшегося на свободу» русского языка периода гласности, когда норма-догмат, которая разрешала или категорически запрещала, сменяет норма-выбор, которая

допускает и одобряет использование (из двух или нескольких) наиболее соответствующих в определенном речевом контексте языковых средств. Обусловленность языковых процессов процессами социальными совершенно очевидна, и русская орфография не является исключением: она также становится своеобразным зеркалом кардинальных преобразований в обществе и общественном сознании.

Для русского правописания этого периода, в целом безусловно сохранившего верность Своду 1956 г., также характерно освобождение от оков «орфографического режима», и это выражается в не присущей периоду тотальных запретов орфографической свободе.

Графико-орфографическое однообразие эпохи орфографического догмата сменилось орфографическим плюрализмом.

В числе многих лингвистических проблем значительное место занимает сложный комплекс проблем русского правописания, в числе которых в первую очередь следует назвать проблему орфографического упрощения и орфографической кодификации, которые приобрели особенную остроту в наши дни.

Полемика вокруг орфографического усовершенствования была в центре внимания ученых и педагогов в течение длительного периода. Реформа русской орфографии 1917 г. в значительной степени облегчила участь школы и печати, способствовала устранению неоправданного орфографического разнообразия, однако многие случаи орфографической «двойственности» XIX столетия остались и даже умножились на раннем этапе советского периода, отражая значительные изменения в словарном составе русского языка новой эпохи.

Так, Т.М. Григорьева в своей монографии «Три века русской орфографии» отмечает: «Говоря о послереформенном пути русской орфографии, необходимо отметить, что сразу же после обнародования законодательных актов в среде носителей возникли разные по отношению к реформе настроения:

– *антиреформаторы*, выступавшие за продолжение уходящей вглубь веков орфографической традиции. Одни из них отмечали графическую нецелесообразность, несогласованность с законами зрения новой системы письма. Отсюда их утверждение (реформа произведена неправильно, она не послужит распространению

грамотности) и требование «принять меры к восстановлению прежней системы правописания». Другие же считали невозможным издание классиков в искаженном облике нового правописания. Антиреформаторские настроения после декретов советского правительства имели возможность реализации в основном в «рукотворных» текстах;

– *умеренные реформаторы двух типов:*

1) считавшие, что предложенная реформа – это не только законодательные акты, но процесс, который требует времени. И именно это соответствовало замыслам инициаторов реформы, авторов проекта упрощения – реформа проводится не для усвоивших старую орфографию, а для будущих поколений;

2) утверждавшие идею поэтапной реформы: «без шума, без крутой ломки, незаметно»; «она проникнет в жизнь и принесет пользу, ибо сделает наше письмо более ясным и понятным для читателя» [180];

– *реформаторы-радикалы*, утверждавшие, что орфографическое упрощение не в достаточной степени освободило русское письмо от графико-орфографического балласта [181, с. 207-208].

Дальнейшее развитие орфографического движения показывает, что спор орфографических консерваторов, выступающих за стабильность, и реформаторов, выражающих мысль об очевидной недостаточности реформы 1917 г., имеет длительное продолжение.

Поскольку реформа 1917 г. не устранила в русском правописании многие случаи неупорядоченности, орфографической «неустойчивости и двойственности» прошлого, то настойчивые требования нового орфографического усовершенствования по-прежнему не прекращались.

В 1930 г. был подготовлен проект по реформе русской орфографии, который предлагал значительные изменения русской орфографии – 20 пунктов с комментариями. Предлагая этот проект, Орфографическая комиссия при Главнауке учитывала «фонетический и морфологический принцип в их органической связи с небольшим уклоном в сторону фонетики», поскольку «фонетизация письма сама не противоречит живой морфологической ассоциации» [181].

Оценивая орфографическое движение 30-х годов постфактум, в 1937 г. Д.Н. Ушаков отметил, что радикализм проекта Главнауки,

доминирующая в нем мысль о необходимости кардинальной реформы, заслонили собой здравую мысль о назревшей потребности орфографического упорядочения [181, с. 218].

Важность решения орфографического вопроса была столь насущной, что в Научном институте языкознания была начата подготовка к Всероссийскому орфографическому съезду – 1931 г.

На орфографическую неупорядоченность в русском языке указывал академик С.П. Обнорский («обилие орфографических руководств», каждое из которых «идет своим путем рецептурных указаний»), и требовал положить предел тому свободному творчеству, которое обнаруживает печатная продукция [182, с. 218].

В 1934 г. для регламентации (не реформирования) русского правописания была создана новая Орфографическая комиссия под общим председательством наркома просвещения А.С. Бубнова. Комиссия проводила работу в двух учреждениях: московская орфографическая комиссия при Ученом комитете Наркомпроса (под рук. Д.Н. Ушакова); ленинградская комиссия при Академии наук (под рук. акад. А.С. Орлова).

Однако, составленные своды правил русской орфографии и пунктуации и изданные в «Таблице к сводам орфографии и пунктуации правописания» (М., 1937.) не получили прав законности, а русское правописание оставалось по-прежнему неупорядоченным. Поэтому при Академии наук для разрешения орфографических проблем была создана Правительственная комиссия ученых под рук. акад. С.П. Обнорского, в состав которой вошли Р.И. Аванесов, С.Г. Бархударов, Е.С. Истрина, Б.М. Ляпунов, А.С. Орлов, М.В. Сергиевский, А.М. Сухотин, В.И. Чернышев, Б.А. Шапиро и Л.В. Щерба.

Эта орфографическая комиссия ставила своей задачей «не пересмотр самой системы орфографии и пунктуации», а «установление единой орфографии и пунктуации в тех линиях, где должного единства нет», где имеются «элементы неустойчивости и двойственности», выступающие «негативным фактором культурного строительства» [181, с. 5-13].

Комиссия считала необходимым лишь уточнить и пополнить отдельные правила, регламентировать правилами применение фонетических написаний «в пределах, не нарушающих универсальность морфологического принципа», устранить по возможности

исключения из правил, а также различные написания одного и того же слова и этим утвердить наиболее целесообразные из встречающихся вариантов написаний, а также установить правила для написаний, не подводимых ни под какие правила. Результатом этой работы стал Орфографический справочник, содержащий новые предложения по упорядочению русского правописания и (как приложение к нему) Проект орфографического словаря (до 30 тыс. слов), который не был издан [181, с. 30-38].

В дискуссиях 30-х годов возникают первые опыты изучения орфографии на основе принципов. Существенным событием орфографического движения 30-х годов стало «Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальных и средних школах», предписывавшее необходимость формирования в процессе обучения русскому языку прочных навыков правильного чтения и письма, лишало создателей письменного текста возможности орфографических отступлений, создавало русскую орфографию как норму без вариантов и вводило ее в русло орфографического абсолютизма – орфографического режима» [183].

В 50-х годах необходимость усовершенствования и упорядочения русского правописания рассматривалась как объективный факт, поскольку отсутствие единого свода правил правописания все же также создавало серьезные трудности его усвоения и применения, и это стало причиной новой волны орфографического движения.

Статьей В.В. Виноградова «К вопросу об упорядочении современного русского правописания» и Б.А. Шапиро «О проекте правил русской орфографии и пунктуации» журнал «Русский язык в школе» начинал новую орфографическую дискуссию, которая была направлена на завершение процесса кодификации русского правописания. В ней приняли участие многие известные ученые, преподаватели школ, представители печати [184; 185, с. 38].

Открывая дискуссию, академик В. Виноградов отмечал, что существующие правила «нельзя рассматривать как устаревшие», а русская орфография, соблюдающая в процессе всего исторического пути «здоровые тенденции», нуждается не в «перевороте» и уже не в реформе, а в упорядочении и улучшении [186, с. 33-37].

Предлагая проект свода правил русской орфографии и пунктуации, Б.А. Шапиро подчеркивал мысль о том, что «новый свод правил русского правописания, не внося изменений в те принципы, на которых покоится современное письмо, должен содействовать упорядочению норм последнего и тем самым облегчить усвоение правил в школе и пользование этими правилами работниками печати и всеми пишущими» [185, с. 38].

В своих орфографических публикациях Л.А. Булаховский определяет четкие границы представлений о правописании и возможностях его реформирования. Он определяет правописание как область культуры, где «привычка и покорность установившемуся действуют с особой силой и даже бесспорно разумные основания не в силах сломить историческую инерцию» [187, с. 24].

Он пишет также о необходимости «покончить с ненужным и вредным разнобоем», считая единообразие вполне достижимым в тех случаях, где «упрощение не идет вразрез с различительной функцией языка». Упразднить многочисленные частности, то есть создать такую орфографию. Чтобы потребность в справочниках (создание их, безусловно, необходимо) «была не слишком частой» [187, с. 24].

В орфографических дискуссиях 50-х годов обсуждался широкий круг проблем:

– принципы орфографической нормализации [182; 183; 184; 188; 189 и др.];

– устранение разнобоя в справочниках и словарях, унификация русской орфографии [186; 187; 190; 191; 192 и др.];

– правила, потерявшие значение [193; 194; 195; 196].

Но доминирующей темой стала проблема единого свода правил. Итогом орфографического движения 50-х годов стали две работы, важность и значение которых трудно переоценить:

1. «Правила русской орфографии и пунктуации» – первый академический свод правил, первый опыт наиболее полной кодификации, первый в истории русской орфографии и русской культуры официально утвержденный «документ», имеющий статус обязательного для всех пользующихся русским языком, утвержденный Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования в марте 1956 г. [308].

2. «Орфографический словарь русского языка» (под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро) с приложением правил орфографии [197].

Хотя неупорядоченность не была устранена полностью (оставалось неупорядоченным правописание сложных прилагательных, слитное и раздельное написание, частиц НЕ и НИ и др.), но утверждение «Правил» и издание Орфографического словаря АН СССР стали важным актом, безусловно способствующим через упорядочение (то есть через уточнение и детализацию некоторых правил, «исключение исключений» из правил и ликвидацию многих случаев разнобоя) утверждению норм русской орфографии.

Естественно, что проблемами кодификации письма должны заниматься прежде всего лингвисты. «Их [лингвистов] работа в области орфографии складывается из трех направлений: во-первых, это слежение за практикой письма, выявление сложных и спорных написаний, особенно новых слов; во-вторых, с учетом практики письма и развития лингвистической науки – своевременное переформулирование, корректировка, уточнение и в необходимых случаях изменение действующих орфографических правил; в-третьих – создание практических пособий, справочников и орфографических словарей разного объема и предназначения – от полных словарей академического типа до кратких пособий для школьников. Все три вида работы, будучи тесно взаимосвязаны, должны вестись постоянно: к этому обязывают сам язык, его развитие, общественные потребности в пополнении новыми словами, новые тенденции письменного оформления слов, обнаруживающиеся в самых разных категориях лексики» [176, с. 662].

Упорядочение и усовершенствование правил правописания – постоянный и необходимый процесс, касающийся отдельных категорий, групп слов и даже единичных слов.

Орфография – очень консервативная сфера общественно-культурной жизни, и потому следует чрезвычайно осторожно подходить к изменениям в этой части правил. Однако не исключается возможность изменения отдельных конкретных написаний, устранения тех или иных исключений.

В.В. Лопатин считает, что ни в коем случае нельзя абсолютизировать необходимость изменений написания отдельных слов.

«Ради упрощения орфографии, облегчения процесса ее усвоения (к чему призывают многие преподаватели и методисты) менять орфографические правила не стоит, как не стоит это делать и ради чистоты основного – фонеморфологического – принципа русского письма. В современной русской орфографии слишком много отступлений от этого принципа, и вряд ли целесообразно пытаться устранить реформистским усилием все традиционные написания, представляющие собой такие отступления. ... Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, изгоняя из нее исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно «чистой», непротиворечивой, поскольку она является в значительной степени продуктом достаточного историко-культурного саморазвития. И хотя в этой области силен элемент нормативистского вмешательства, реформирования, он не может абсолютизироваться» [176, с. 665].

Современная орфографическая ситуация характеризуется увеличением вариативности, особенно это относится к орфографии новых в языке слов.

Также в настоящее время наметилось преодоление существующей в русском языке искусственной цепочки «словарь-словарь-словарь», когда вновь издавшиеся словари ориентировались только на орфографию словаря предшествующего и абсолютно не учитывали того нового, что накопилось в орфографической практике: она постепенно сменяется естественной цепочкой «язык – словарь – язык», при которой «явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы в «ограниченном» виде вернуться опять в язык» [198, с. 197-208].

Конец XIX века истории русской орфографии ознаменован тем, что Орфографической комиссией под руководством профессора Р.Ф. Брандта, которая была создана при Московском университете для разрешения орфографических проблем того времени, был разработан Проект реформы русской орфографии, опубликованный в 1901 г. В самом конце XX в. события повторяются: орфографической комиссией при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН создана новая редакция действующих в настоящее время «Правил орфографии и пунктуации» 1956 г.

«Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» 2000 г.: 1) регламентирует написание возникшего в языке второй половины XX столетия языкового материала, 2) устраняет те недостатки, которые обнаружались в Своде 1956 г. (не все явления русского языка отражены в нем) и 3) приводит правила правописания в соответствие с современным уровнем лингвистической науки, предлагая не только правила, как было в Своде 1956 г., но и научное их обоснование [199].

Л.В. Щерба в статье «Безграмотность и ее причины» показал, что снижение грамотности – это неизбежное следствие всякой орфографической реформы, поскольку самим фактом реформы разрушается авторитет орфографии как таковой [200, с. 45-49].

В послереформенный период продолжают разрабатываться многие проблемы русского письма, связанные с взаимоотношениями орфографии с грамматикой, а также изучением орфографии на научных основах.

4.2. Лингвистическое содержание и структура действующей нормы

Ныне действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» утверждены и опубликованы в 1956 г. Они сыграли важную роль, поскольку в них впервые регламентировались многие закономерности современного русского правописания. Но давно стало уже ясно, что правила эти устарели.

Правила свода (203 параграфа, из которых 124 посвящены орфографии, а 79 – пунктуации) учитывали унификацию русской орфографии. Первый раздел правил орфографии посвящен употреблению букв независимо от того, в каких словах эти буквы встречаются в ряде пунктов действующего свода правил обнаружена их неполнота. Так, отсутствуют указания на употребление буквы *e* (а не *э*) в конце несклоняемых существительных (*резюме, турне, купе, шоссе, карате и т.п.*), на недопустимость написаний типа БТРы, КВНщики, встречающиеся нередко в современной печати (подобные формы буквенных аббревиатур и производных от них следует писать по названиям букв: *бэтээры, кавээнцики и т.п.*), на употребление в ряде случаев знака тире

вместо дефиса – например, в соединениях с неоднословными наименованиями (*директор – художественный руководитель, научный сотрудник – космонавт и др.*). Иногда неполнота правил объясняется развитием самого языка – появлением в нем новых элементов, новых структур. Таковы, например, элементы *мини-, видео-, аудио-* и т.п., стоящие по своим функциям на грани между словом и частью слова. Нуждается в серьезном обновлении и иллюстративный материал, привлеченный в правилах 1956 г.

Хотя в орфографии, в узком смысле этого термина, вариативность крайне нежелательна, нужно помнить и о том, что правила правописания не являются чем-то раз и навсегда данным. Правописание – это саморазвивающаяся система, и при формулировке правил нельзя не учитывать практику письма.

Как утверждает В.В. Лопатин, «... уточнения и дополнения в действующие орфографические правила должны вноситься периодически, через определенные, достаточно обозримые промежутки времени» [176, с. 723]. Оценивая работу Орфографической комиссии РАН по подготовке новой редакции правил русской орфографии и пунктуации, В.В. Лопатин указывает на два основных критерия для создания нового текста правил: 1) полнота (отражение всех существующих языковых явлений и типов слов и конструкций), 2) современность (отражение состояния современного русского языка рубежа тысячелетий).

Среди работ, в которых наблюдения над изменениями, происходящими в антропонимии региона, являются приоритетной проблемой можно назвать кандидатскую диссертацию Т.В. Бахваловой. Автор основное внимание уделяет динамике структурных моделей именовании на протяжении трех столетий. Т.В. Бахвалова отмечает наличие в антропосистеме региона структурных моделей, одни из которых отживают, уменьшаются в количественном отношении, другие являются наиболее продуктивными, а третьи только начинают свое существование [173].

Изменения в пермской антропонимике 16-18 вв. становится объектом изучения в работе Е.Н. Поляковой. Автор обращает внимание на изменения структуры мужских и женских именовании, особенности формообразования, останавливается на проблеме образования фамилии как антропонимической категории [174].

В настоящее время отмечается ряд противоречий, касающихся правописания отонимической лексики в справочниках русского языка. Так в новом своде впервые формулируется в общем виде правило написания существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Все они должны сохранять дефис производящего слова, например, существительные, образованные от собственных имен, преимущественно от географических наименований: *алма-атинцы*, *ньюйоркцы* (от Алма-Ата, Нью-Йорк). Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий: *нью-йоркский*, *орехово-зுவевский* и т. п.

В правилах 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей СССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно. Таким образом, явление вариативности отонимических наименований, широко функционирующих в учебниках, учебных пособиях, в историко-географических справочниках, периодической печати, а также в средствах массовой информации, требует регламентации употребления и активных нормализаторских усилий казахстанских лингвистов.

4.3. Проблемы орфографической кодификации НОВЫХ СЛОВ

Орфографическая норма может быть представлена в двух ипостасях: реальной действительности и ее кодификации в различных словарях и справочниках.

Традиционной позицией социолингвистики в отношении письма является его прямая зависимость от общества: «письмо развивается под активным контролем социума, пользующегося языком» [201, с. 21]. По мнению автора приведенной цитаты, су-

ществуют две разновидности контроля развития языка и письма: активная и пассивная.

Первая предполагает появление графико-орфографических новаций и сохранение орфографии, выражающееся «в следовании нормам» [201, с. 22]. Пассивный контроль есть неразработанность или инертность языковой политики, ничегонеделание в области развития языка, «то есть действие или бездействие, которые в дальнейшем, так или иначе, отражаются на языковой ситуации и чаще всего имеют негативные последствия» [201, с. 22]. Что касается теории письма, то А.А. Бурькин полагает, что она «не должна быть оценивающей качество своего объекта в мере его совершенства или несовершенства; в ее задачу должно входить описание всех наличествующих у данного языка форм письма, равно как и изучение предполагавшихся, но не реализованных по тем или иным причинам проектов алфавитов и правил графики для письменных языков» [201, с. 22].

Некоторые позиции автора приведенных строк и многих других лингвистов, разделяющих эту точку зрения, вызывают сомнения. Прежде всего, неубедительной кажется посылка об активном контроле социума над состоянием письма. Контроль, активный или пассивный, в любой стране всегда осуществляется наделенными соответствующими полномочиями структурами.

Вправе ли теория письма быть оценивающей категорией и таким образом как-либо воздействовать на объект своего внимания? Непонятно, почему ей теории письма отказывают в таком праве? Ведь единственной и главной задачей всякой теории, помимо анализа внутренних свойств объекта, является понимание механизма его функционирования и, если это возможно, формирование принципов и правил его модификации с целью усовершенствования, а в случае с орфографией – ее упрощения.

Как раз об этом и говорит Л.Р. Зиндер, протестуя против фе-тишизации письменных форм речи: «Нерациональное письмо – это громадное социальное зло... Недостаток большинства современных орфографий заключается не в их трудности, а в том, что они, зачастую, включают бессмысленные правила, которые не оправдываются соответствующими языковыми явлениями. Такие правила бесполезны для изучения и понимания языка» [202, с. 107].

В своей монографии «Государство и язык» В.В. Наумов подчеркивает: «...орфография представляет собой основной испытательный полигон государственной деятельности в области языка. Письмо – это своего рода государственный заказ, и только государственные органы способны стимулировать усилия соответствующих структур, включая лингвистическую науку, по созданию нормы письма и ее изменений. Внутренний потенциал орфографии ничтожен по сравнению с аналогичной характеристикой звукового языка» [203, с. 32].

История языкознания свидетельствует о том, что основное качество письма, состоящее в абсолютной статичности графической системы и минимальной подвижности орфографии, стало со временем причиной расхождений между письмом и произношением. Неизбежность этого процесса, по мнению Ф. Соссюра, состоит в том, что язык «неустанно развивается, тогда как письмо имеет тенденцию к неподвижности. Из этого следует, что начертание, в конце концов, перестает соответствовать тому, что оно избрано изображать» [204, с. 167].

Р. Барт высказался по этому поводу еще более категорично: «Современная цивилизация гораздо в большей степени, чем когда-либо прежде и, несмотря на повсеместное распространение всякого рода изображений, является письменной цивилизацией» [205, с. 115].

Неизменность графического знака, тем не менее, не обуславливает наличие аналогичного качества у правил его отображения, то есть у орфографии. Напомним, основная задача орфографии состоит в том, чтобы при помощи соответствующего инвентаря графических знаков (алфавита) создать рациональные и мотивированные правила написания основных единиц языка – слов. Социальная, а точнее говоря, государственная значимость орфографии, ее «практическая направленность делают особенно актуальной и ответственной разработку ее теории» [206, с. 6].

Из пяти принципов орфографии (фонетической, морфологической, иероглифической, традиционной, исторической) два первых отражают внутреннюю связь между звуковой и письменной формами языка. Остальные принципы, сами названия которых подчеркивают суть орфографии как продукта чистой условности, представляют собой внешний механизм норми-

рования письма. Его реализация полностью зависит от воли людей, государства.

Тождественность кодификации и нормы в орфографии обуславливают ее строго регламентированную однозначность, которая в сознании людей – носителей языка становится исторической традицией. С одной стороны, это обязывает к более строгому соблюдению орфографической нормы, с другой – необходимость преемственности письменных традиций тормозит оптимизацию орфографических правил, что, в конечном счете, увеличивает разрыв между правописанием и произношением. Непреодолимость консерватизма орфографии определяется психологическими причинами: рядовой носитель языка обычно не задумывается над тем, как он говорит, хотя знает, что есть речь «правильная и неправильная», но он тщательно и рационально использует приобретенные умения и навыки письма. Поэтому всякая попытка внести изменения в орфографию, как уже говорилось, наталкивается на ожесточенное сопротивление коллективного эгоизма. Замечено, что преодолеть эти «баррикады» защитников старой орфографии легче удастся в периоды политических и экономических перемен. В целом же отметим преобладание субъективных причин относительно автономии графического кода языка. «Особый драматизм присущ характеру и формам взаимодействия государства и социума в графическом коде языка – письме. Кажущаяся податливость, а чаще неприступность сложившихся правил письма обрекает многие языковые коллективы на неоправданно тяжелые и бессмысленные усилия, необходимые для овладения традиционной графикой и орфографией либо для освоения новых принципов правописания, поспешно принятых государством» [205, с. 4].

Помимо психологии и прочих гуманитарных составляющих, препятствующих реформационным акциям, следует иметь в виду и экономические причины. Реформа орфографии «удовольствие» для государства отнюдь не дешево обойдется.

Одной из основных внутренних причин изменения нормы письма является его вариатность. Диапазон вариантности в письме значительно уже, однако он обычно покрывает всю лексику, исконную и заимствованную, проявляется также в вариантных реализациях с чередованием внутреннего состава орфограмм,

прописных и строчных букв, слитно-раздельного и дефисного правописаний.

И наконец, весьма неоднозначны в указанных выше процессах роль и значимость средств массовой информации, являющихся посредником передачи в узус языковых пристрастий времени. От языковой квалификации журналистов напрямую зависит не только уровень языковой компетенции и речевой грамотности социума, но и состояние национального языка и письма.

Государство, регулирующее весь этот многоуровневый процесс, должно руководствоваться в своей деятельности только одним принципом – функциональной целесообразностью.

Следует непременно заметить, что активизация орфографической деятельности в конце XX начала XXI столетия характерна не только для русской орфографии. Реформа немецкой орфографии разрабатывалась в течение длительного периода и вступила в действие только в результате совместного заявления о введении новых правил немецкого правописания политическими представителями Германии, Австрии и Швейцарии (1 июля 1996 г.). Некоторые школы ФРГ уже в 1996 г. перешли на новую орфографию, хотя официальные сроки ее проведения были определены с 1 августа 1998 г. по 2005 г. [207, с. 103-116; 208, с. 86-95; 209, с. 9-13].

Вопрос о природе языковых изменений и сегодня не потерял своего интереса, продолжая привлекать пристальное внимание лингвистов различных профилей. Среди лингвистов широко обсуждаются такие фундаментальные для русской орфографии теоретические вопросы, как: 1) соотношение кодифицируемого и не поддающегося кодификации языкового материала и возможности отражения последнего в нормативном своде правил, а также вытекающая отсюда 2) проблема двух способов орфографического описания – в формате правил и в формате словаря, их взаимодействие, взаимодополнение; 3) вариативность письменного облика некоторых слов и порождаемые этим явлением трудности кодификации; 4) проблемы правописания в связи с проблемой цельюоформленности слова, с соотношениями «слово-морфема», «слово-словосочетание», актуальность которых очевидна для отделов орфографии, описывающих слитное – дефисное – раздельное написание языковых единиц.

Проблема орфографической вариативности на современном этапе развития русского языка интересует многих, особенно редакционно-издательских работников и журналистов. Связано это, прежде всего, с большим количеством новых слов и необходимостью их адаптации к русскому письму. Упорядочение написания колеблющихся в практике письма слов – прежде всего слов новых (но не только заимствованных) – очень важно с точки зрения общих задач единообразного письменного оформления слов и является определяющим при составлении нормативных (орфографических и иных словарей).

Проблему орфографической кодификации иноязычных слов можно рассматривать как самостоятельную орфографическую проблему, поскольку графический облик иноязычного слова определяется, с одной стороны, этимолом языка-источника, а с другой – системой русского письма, характерными для него принципами и тенденциями. Это усложняет процессы письменного освоения слов, определяет их своеобразие. Установлению орфографических норм должно предшествовать изучение противоречивых факторов, влияющих на написание слова. На этапе освоения иноязычных слов наблюдается письменная нестабильность, приводящая к вариативности и письменного оформления, и устного употребления.

В принципе орфография как письменная форма языка наиболее устойчива к вариативности. Орфографические нормы единообразны и не допускают вариантов. Правила правописания фиксируются в виде общеобязательного и официально утвержденного документа – свода правил, а единое каноническое написание слов – в нормативных орфографических словарях. Разумеется, эти документы должны периодически обновляться, пополняться, упорядочиваться с учетом новых фактов языка и практики письма.

С точки зрения подвижности орфографических норм наиболее устойчивый характер носят нормы, определяющие употребление букв в составе слов. Нормы слитных, отдельных и дефисных написаний более подвижны и чаще изменяются, различаясь в разных словарях и в разных изданиях одного и того же словаря. Это относится и к некоторым правилам написания слов с прописной или строчной буквы, которые к тому же подвержены влиянию экстралингвистических факторов – преж-

де всего политико-идеологических (написание официальных названий государственных учреждений, названий, связанных с религией и др.).

Вместе с тем, и такая жесткая сфера применения языка, как орфография, не чужда вариативности, хотя и вариативности особого рода.

Во-первых, есть варианты, которые нельзя назвать чисто орфографическими: они обусловлены различиями в произношении слов (*китч* и *кич*, *андерграунд* и *андеграунд*).

Вторая группа вариантов – варианты историко-стилистические: например, написание уменьшительно-ласкательных суффиксов *-иньк-*, *-ичк-* вместо *-еньк-*, *-ечк-* (*Фединька*, *Ваничка*).

Третий тип орфографических вариантов, которые можно назвать интерпретационными, – когда пишущий имеет возможность написать двояко, так или иначе, в зависимости от того, как он понимает данное языковое явление, отдавая себе отчет в этом.

При наличии в практике письма колебаний, вариантов написания тех или иных слов либо типов слов (особенно это касается неологизмов) задача орфографистов – обоснованно выбрать один из вариантов в качестве кодифицированного и зафиксировать его в нормативном словаре, а при необходимости – и в правилах. При этом нельзя не учитывать действующие орфографические правила. Это относится и к отдельным конкретным новым словам: унификация их написания опирается на орфографический прецедент.

Как указывает В.В. Лопатин: «Существует точка зрения, что орфографические варианты новых слов допустимы достаточно долгое время, пока они «улягутся» в языке, пока «утрясется» их написание. Правда, совершенно не ясно, сколь длительным должен быть период, в течение которого надо ждать такой «утряски» написания слова. А с другой стороны, используя метод опоры на орфографический прецедент, на тип написания аналогичных с той стороны или иной точки зрения слов, можно, не дожидаясь какого бы то ни было срока, рекомендовать единственный вариант написания нового слова в качестве общеобязательного, канонического» [175, с. 241].

Предлагаемый подход к орфографическим вариантам, основанный на системно-языковых закономерностях и на тради-

циях письма, находит отражение в нормативных словарях (не только орфографических), предлагающих единообразное написание слов. Но в то же время, в ряде словарей авторы стремятся отразить активизирующуюся за последние годы, в том числе и новую, лексику русского языка во всем многообразии ее проявлений, включая сюда и письменный облик слов. Такие словари изобилуют орфографическими вариантами.

Происходящие процессы в современном трансформирующемся обществе приводят к демократизации норм, которая обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между собой конкурируют и требуют лингвистической кодификации и закрепления ортологического выбора в лексикографических источниках, пособиях, справочниках и т.д. Отсутствие ортологических справочников, отражающих современные изменения в языке, приносит реальные затруднения и в практику межъязыковой передачи новых слов, в частности, топонимов и оттопонимической лексики. Так, в российских средствах массовой информации чаще употребляются устаревшие названия казахстанских городов (*Алма-Ата* вместо *Алматы*, *Чимкент* вместо *Шымкент* и т.д.). Неразработанность этого вопроса вносит путаницу и создает неудобства при практическом употреблении вновь появившихся иноязычных топонимов [210, с. 126-130].

Таким образом, имена собственные являются как бы опорными точками в межъязыковой коммуникации, в изучении иностранного языка и в переводе с него. «Это ценное свойство собственных имен, однако, породило распространенную иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и в практике перевода. Но такой подход основан на глубоком заблуждении. Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только

не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени» [211, с. 6].

В то же время, объективно сложившееся состояние сложившейся кодифицирующей базы русского языка не позволяет на практике решить проблему орфографического единообразия иноязычных слов, что связано с недостаточной разработанностью принципов нормализаторской деятельности в этой области. Задача преодоления широкой вариативности заимствований требует специального изучения. Унификация письменных вариантов может быть достигнута двумя путями:

- 1) установлением критериев кодификации;
- 2) проверкой временем в узусе.

В этой связи чрезвычайно велика роль лингвистов в языковом строительстве. С одной стороны, они создают учебники по русскому языку, грамматики, стилистики, риторики и словари разного типа, которые аккумулируют сложившиеся к нашему времени культурные, преподавательские и научные знания. С другой стороны, не менее важна деятельность лингвистов в области защиты, поддержки и развития литературного языка как высшей формы существования языка в обработанной полифункциональной стилистически дифференцированной системе.

Другой вопрос, как отражается описанная картина в теоретической и прикладной ортологии. Техника культурного речевого пользования к настоящему времени осмыслена системно-результативно: словарь и грамматика современного русского языка получили ортологическую интерпретацию и кодификацию, частично зафиксированы клишированные формулы речевого пользования. Технологическая же, процессуальная, сторона нормы остается вне поля зрения теории культуры речи и ортологической кодификации.

Выделение коммуникативного и этического компонентов культуры речи, усилившееся с развитием функционализма и антропоцентризма в лингвистике, выработка понятия владения речью восходящего к понятию коммуникативной компетенции, обещают перемены, способствуют тому, чтобы устойчивая громада уровневой ортологии перестала, наконец, быть единственным способом ортологической систематики. Вторым способом может и должна стать систематика на речедеятельностной основе. Сферы же культурно-речевой регламентации отвечают

названным выше компонентам культуры речи: коммуникативно-му и этическому.

Этический компонент может быть описан только на основе антропоцентрической концепции в языкознании. Несомненно, что при исследовании этической стороны речевых взаимодействий в центр ортологических построений должен быть поставлен *homo loquens* – человек говорящий. Речевое поведение – это поведение личности, личность же, имея дело с нормой, связана обязанностями и наделена правами.

Таким образом, наличие социального заказа обнаруживает необходимость разработки интенсивных методик культурно-речевой работы специализированного типа. Особый интерес вызывает *ортологический* подход, который признан основным в методике культуры речи, где осуществляется интерпретация по цепочке речь-язык. При этом ведущей категорией является кодифицированная норма. Всем известно, что хорошая речь – правильная. Причем единицей и предметом анализа может стать любой отдельный языковой элемент.

Правильность речи – это фундаментальное качество, которое проявляется в том, что говорящий соблюдает кодифицированные нормы языка, или языковые предписания. Следовательно, отступление от правильности речи – ошибка. Правильность речи устанавливается на основании базовой дихотомии речь-язык. Сущность правильности интерпретируется с учетом исторических особенностей развития языка, наличием его подсистем и вариантов.

Языковая норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств в данную эпоху. Норма обслуживает все социально важные сферы человеческой деятельности и играет роль фильтра, который пропускает в литературный язык все яркое, меткое, необходимое и отсеивает случайное, невыразительное, ненужное. Задача лингвистов, и прежде всего лексикографов, – своевременно реагировать на распространение новых слов и давать рекомендации по их правописанию в согласии с правилами и с разумным учетом практики письма.

4.4. Интерпретация и реализация нормативных установок отонимических наименований

Проект «Свода правил русского правописания (орфография и пунктуация)» был подготовлен в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук и одобрен Орфографической комиссией при Отделении литературы и языка РАН. «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные еще в 1956 г., в новой редакции значительно переработаны и дополнены, но тем не менее его нельзя оценивать как орфографическую реформу русского языка, как указывалось на страницах прессы. Новая редакция правил отвечает современному (конца XX в.) состоянию русского языка и современной практике письма. «Ведь в самих «Правилах» 1956 г. многое было недосказано или не упомянуто вовсе, а, с другой стороны, они во многом, естественно, устарели. Не случайно текстом этих правил давно никто не пользуется, они фактически не переиздавались лет тридцать; вместо них широко применялись и применяются различные справочники по правописанию для работников печати, для преподавателей, а в них нередко (как отмечают сами их пользователи) содержатся противоречивые рекомендации. В этих условиях подготовка нового, современного, полного и, главное, общеобязательного текста правил русского правописания – задача, давно назревшая и даже, можно сказать, перезревшая» [176].

Никаких кардинальных орфографических изменений в новом тексте «Свода правил русского правописания (орфография и пунктуация)» не предусмотрено. Авторы не ставили своей целью упрощение орфографии. Вопрос о целесообразности упрощения или «облегчения» правил русского письма по-прежнему (как и в начале истекшего столетия и в 60-х годах его) остается актуальным и продолжает вызывать споры. Сторонники такого упрощения есть и среди лингвистов, в том числе и членов Орфографической комиссии РАН, и, естественно, среди преподавателей и методистов. Придерживаясь в этом вопросе конструктивного и необходимого (в определенных пределах) консерватизма, высказывается мнение: ради упрощения орфографии, облегчения процесса ее усвоения менять орфографические правила не стоит, как не стоит этого делать и ради чистоты основного – фонемор-

фологического – принципа русского письма. В современной русской орфографии немало отступлений от этого принципа, и вряд ли целесообразно пытаться устранить реформистским усилием все традиционные написания, представляющие собой такие отступления. Едва ли следует, например, устранять конечную букву *ь* в словах типа *мышь, ночь* (где эта буква, кстати, маркирует определенный морфологический тип слов) или писать всегда после шипящих под ударением букву *о* (т. е. не только в слове *шорох*, например, но и в *шёпот, пошёл* и т. п.), а на конце приставок *без-* (*бес-*), *из-* (*ис-*), *раз-* (*рас-*) и т. п. – букву *з*. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, принципиально изгоняя из нее исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно «чистой», непротиворечивой, поскольку она является в значительной степени продуктом достаточно длительного историко-культурного саморазвития [176].

Не надо забывать и о том, что правописание – это отнюдь не только результат нормализаторских усилий, система раз и навсегда установленных правил, – это и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и систематической корректировки, упорядочения с учетом существующей практики письма на основе отслеживания спонтанно происходящих в нем изменений. Само такое упорядочение, необходимое при подготовке нового текста общеобязательных, современных, непротиворечивых правил правописания, не может не способствовать повышению грамотности и в конечном счете – уровня преподавания языка.

В новом своде предлагается ряд орфографических изменений.

Таким образом, большая часть предлагаемых изменений касается двух разделов свода: во-первых, слитных, отдельных и дефисных написаний и, во-вторых – употребления прописных и строчных букв.

Новому правилу предлагается подчинить написание сложных прилагательных, образованных от двусловных (раздельно пишущихся) географических названий: ср., с одной стороны, *великоустюгский, новозеландский, латиноамериканский*, где в первой части сложных прилагательных нет суффикса, а с другой – *южно-американский, восточно-сибирский, нагорно-карабахский*,

горно-алтайский, набережно-челнинский, сергиево-посадский и т. п., где такой суффикс имеется. Влияние фактора суффикса в первой части подобных сложных прилагательных давно обнаруживалось в написании составных географических наименований. Входящие в их состав сложные прилагательные при наличии в первой части суффикса писались через дефис и с двумя прописными буквами, например: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Китайское море, Южно-Африканская Республика, Горно-Алтайская автономная область* (старое название), *Гаврилово-Посадский район* (от *Гаврилов Посад*), *Камско-Устьинский район* (от *Камское Устье*, поселок), но: *Малоазиатское нагорье, Великоустюгский район, Старооскольский район, Краснопресненский район* и т. п. (в то же время не в составе географических наименований все такие прилагательные писались слитно). Теперь прилагательные с суффиксом в первой части предлагается писать единообразно – через дефис, вне зависимости от того, употреблены они в составном наименовании или нет, т. е. писать, например, не только *Западно-Сибирская низменность* или *Западно-Сибирский металлургический комбинат*, но и *западно-сибирская приroda, растительность* и т. п.

Вопреки рекомендации правил 1956 г., теперь предлагается писать слитно прилагательные, образованные (без соединительной гласной) от раздельно пишущихся личных имен типа *жюльверновский, вальтерскоттовский, роменролландовский, конандойлевский, шерлокхолмсовский, маоцзэдуновский*. Такое написание фактически уже устоялось, абсолютно преобладает в практике письма.

В новом своде впервые формулируется в общем виде правило написания существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Все они должны сохранять дефис производящего слова, например: *генерал-губернаторство, камер-юнкерство* (от *генерал-губернатор, камер-юнкер*), *тред-юнионизм, унтер-офицериша, ку-клукс-клановец, сальто-морталист, яхт-клубовец, шахер-махерство*. Сюда же относятся существительные, образованные от собственных имен, преимущественно от географических наименований: *алма-атинцы, ньюйоркцы* (от *Алма-Ата, Нью-Йорк*), *орехово-зуювцы, йошкар-олинцы, усть-абаканцы, гаврилов-ямцы* (от *Орехово-Зуюво, Йошкар-Ола, Усть-*

Абакан, Гаврилов-Ям), улан-удэнцы, лос-анджелесцы, буэнос-айресцы; сен-симонизм, сен-симонист (от Сен-Симон). Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий: *ню-йоркский, орехово-зுவский* и т. п.

В правилах 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей СССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно. Предложенное изменение написания этих названий делает единообразным написание всех производных от дефисно пишущихся существительных.

Предлагается расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только сочетания с однословным приложением, следующим за определяемым словом (*мать-старуха, садовод-любитель, Маша-резвушка*), но и сочетания с предшествующему определяемому слову приложением – таким, которое, по определению свода 1956 г., «может быть приравнено по значению к прилагательному» (*старик-отец, красавица-дочка, проказница-мартышка*), в том числе и с приложением, предшествующим собственному имени (*матушка-Русь, красавица-Волга, резвушка-Маша*). Обе последние группы в своде 1956 г. предлагалось писать раздельно. Практика печати показывает, что правило это в ряде случаев не соблюдалось, особенно в классических текстах, ср.: *Старуха-мать ждет сына с битвы* (Лермонтов), *«Красавец-мужчина»* (название пьесы Островского), *матушка-Русь* (в поэме Некрасова).

Еще одно изменение, касающееся употребления прописных букв. В официальных названиях органов власти, учреждений, обществ, научных, учебных, и зрелищных заведений, политических партий и т. п. предлагается писать с прописной буквы всегда только первое слово (а также входящие в их состав собственные имена), например: *Всемирный совет мира. Государственная*

дума, Федеральное собрание, Российская академия наук, Военно-морской флот, Союз театральных деятелей России. Такие слова, как Дума, Академия наук, должны писаться с прописной буквы лишь в тех случаях, когда они употребляются вместо полного официального названия. Тем самым отменяются директивные рекомендации старого свода, согласно которым предлагалось писать с прописной буквы все слова, кроме служебных, и слова *партия* в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза – таких, как *Верховный Совет, Совет Министров СССР, Советская Армия и Военно-Морской Флот*.

Предлагается писать со строчной буквы любые названия должностей и титулов, а прописную букву использовать при именовании высших государственных должностей и титулов только в текстах официальных документов – указов, соглашений, коммюнике и т.п. Таким образом, отменяется правило, предусматривавшее писать с прописной буквы наименования высших должностей в СССР и со строчной – наименования других должностей и титулов.

Предлагается писать прописными буквами любые звуковые аббревиатуры: *ГЭС, ЖЭК, ВУЗ, СМИ, УЗИ и т.д.* Слова, производные от аббревиатур, следует писать строчными буквами по названиям букв: *мхатовец, кавээнщик (от МХАТ, КВН)*.

Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий. В действующем своде правил 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати; в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей СССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно.

Любые изменения в правописании усваиваются не сразу. Требуется определенное время, чтобы носитель языка к ним адапти-

ровался. Это нельзя не учитывать при выработке критериев официальной оценки грамотности человека переходного этапа. Такой переходный период мог бы быть объявлен распоряжением, оформленным как приказ министра образования и обязательным для всех выпускных и приемных комиссий.

Это было бы, по мнению разработчиков нового свода и членов Орфографической комиссии, наиболее рациональным решением острого вопроса, возникающего при переходе к новым правилам.

В современной практике правописания обнаруживается явная непоследовательность в выборе прописной/строчной буквы в наименованиях, включающих в свой состав прилагательные, образованные от топонимов, которые начинаются с прописной или строчной буквы. Чаще всего оттопонимические прилагательные функционируют в составе эргонимов (собственные имена деловых объединений людей, союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков и т.д.).

Основные противоречия в реализации нормы употребления прописной буквы в написании оттопонимических прилагательных в многокомпонентных эргонимах связаны, во-первых, с противоречиями действующей орфографической нормы и, во-вторых, с существованием разных авторских интерпретаций данной нормы.

Наш интерес привлекает написание реальных эргонимов, в большинстве своем начинающихся с оттопонимических прилагательных (*С каждым годом организаторы Алматинской межбанковской конференции (АМК) убеждаются в том, что подобная встреча профессионалов финансового сообщества чрезвычайно актуальна; В Алматинском Университете Непрерывного Образования преподавание ведется на казахском и русском языках, при этом особое внимание уделяется развитию государственного языка; С первых чисел февраля Алматинский университет непрерывного образования будет находиться по адресу: ул.Жандосова, 305; Зоосад без клеток и решеток – вот что ждет главный алматинский парк в близком будущем.*)

Так, М.Я. Крючкова указывает, что примеров с отступлением от нормы немного, но они существуют (*Волгоградская областная Дума – у волгоградского Молодежного досугового центра*). Обнаруживается разноречивость в выборе прописной/строчной буквы в первом слове, которым может являться оттопонимическое

прилагательное, прилагательное от географического термина или относительное прилагательное, указывающее на характер деятельности учреждения или предприятия, на его специализацию, а также на вид выпускаемой им продукции. Правописание указанных наименований опять-таки не регулируется существующим нормативом из-за отсутствия необходимого правила. Большая часть подобных названий начинается со строчной буквы [212, с. 242].

При этом необходимость ликвидации разнобоя в употреблении в эргонимах прописной буквы достаточно очевидна. Для восстановления единого орфографического режима необходимо упорядочение их написания. Данная норма правописания отражена в действующих правилах русской орфографии. Употребление прописной буквы наиболее проблематично именно в связи с разграничением имен собственных и имен нарицательных: наблюдаются колебания в выборе прописной или строчной буквы, связанные в первую очередь со сложностью деления понятий «собственное имя – нарицательное имя», а также со структурой неоднословных наименований.

В процессе исследования конкретной действующей орфографической нормы, как правило, учитываются два аспекта: во-первых, отношения «язык – письмо», что позволяет выявить лингвистическое содержание и структуру нормы, и, во-вторых, реализация этих отношений «язык – письмо» носителем языка, что дает возможность рассмотреть различные интерпретации данной нормы и их реализацию.

К лингвистическому содержанию орфографических правил употребления прописной буквы в эргонимии обращались разные исследователи (Л.А. Чешко, В.В. Бабайцева, А.И. Кайдалова, И.К. Калинина, М.Я. Крючкова, Д.Э. Розенталь, Н.В. Соловьев и др.). Ими были выявлены степень адекватности отражения действующей нормы в ее интерпретациях, установлены их достоинства и недостатки.

Так М.Я. Крючова указывает на то, что «существующие авторские интерпретации действующей нормы правописания эргонимов, представленной в «Правилах...» 1956 г., явились попыткой устранения присущих нормативному своду противоречий, что выразилось в появившихся измененных формули-

ровках правил, в увеличении их количества, а также в разных способах изложения норматива. Однако наличие указанных интерпретаций не только не ликвидировало недостатки норматива, но и усугубило положение существующего орфографического разнобоя в оформлении эргонимов, так как теперь стали обнаруживаться не только противоречия, присущие отдельным интерпретациям, но и несоответствия между ними» [212, с. 242].

Употребление прописной буквы в эргонимах объясняется в §§ 105 – 107, находящихся в разделе «Прописные буквы» «Правил...» 1956 г. В интересующем нас фрагменте данного свода орфографических правил указывается, что не маркируется прописной буквой первое слово в названиях советских учреждений местного значения, промышленных и торговых организаций (*ленинградский абразивный завод «Ильич»* (4.01); *новосибирская областная партийная организация* (7.01).

Причиной существования орфографического разнобоя в практике печати, а также появления непоследовательных интерпретаций кодифицированной нормы является то, что официально принятые «Правила...» изначально заключали в себе некоторые противоречия. Поэтому применение «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года не может привести пишущих к однозначному и безошибочному орфографическому оформлению многокомпонентных эргонимов в плане их маркирования прописной буквой.

В 1984 году вышел словарь-справочник Д.Э. Розенталя «Прописная или строчная?» [213]. В основу данного лингвистического издания были положены «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Появление этого справочника служило дальнейшей кодификации интересующей нас нормы. Входными единицами основной словарной части явились преимущественно составные названия, в том числе и эргонимы, представлявшие интерес в связи с их широкой употребительностью и орфографическими трудностями при выборе прописной и строчной букв. Но и в данном словаре отражены написания, не соответствующие нормативным предписаниям 1956 года.

Д.Э. Розенталь, пытаясь детализировать существующую кодифицированную норму, говорит о том, что «с прописной бук-

вы пишется первое слово в официальных названиях учреждений местного значения, например: *Ленинградский областной Совет народных депутатов* (слово *Совет* как название органа власти пишется с прописной буквы, за исключением тех случаев, когда оно входит в состав сложносокращенных слов: *Моссовет, горсовет...*)» [3, с. 333]. Автор отмечает, что «в состав собственного имени не входят географические определения при выделяемых кавычками названиях заводов, фабрик, колхозов и т.д.», поэтому они (вопреки «Правилам...», § 106) «обычно пишутся со строчной буквы, так как указывают на местонахождение предприятия: *московский завод «Серп и молот»* [95, с. 335]. В словаре подобные наименования встречаются с прописной буквой в начале географического определения: *Волгоградский металлургический завод «Красный Октябрь»*, *Ленинградское объединение «Кировский завод»*, *Ленинградский завод «Красногвардеец»*, *Ленинградский завод «Красный выборжец»*, *Ленинградское объединение «Электросила»*.

По мнению Д.Э. Розенталя, если название промышленного предприятия включает в себя компонент именного посвящения («имени того-то»), «то первое слово составного названия (опять-таки вопреки «Правилам...» – М.К.) пишется со строчной буквы: *завод металлоизделий им. Карла Маркса»* [213, с. 335]. Но «если название учреждения, предприятия, включающее слова «имени того-то», начинается географическим определением, то первое слово пишется с прописной буквы, например: *...Волгоградский тракторный завод им. Ф.Э. Дзержинского»* [213, с. 335]. При этом непонятно, как быть с названиями, включающими в себя и компонент, выделяемый кавычками, и компонент именного посвящения. В словаре данные наименования находим в следующем орфографическом оформлении: *Горьковский судостроительный завод «Красное Сормово» им. А.А. Жданова*, *Московский завод режущих инструментов «Фрезер» им. М.И. Калинина*, *Ждановский металлургический завод «Автомаль» им. С. Орджоникидзе*, *Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» им. А.М. Горького*.

Как видим, правописание данных наименований может регулироваться сразу двумя правилами (в изложении Д.Э. Розенталя) о выборе прописных букв. Данные нормативы вступают в про-

тиворечие как друг с другом, так и с «Правилами...» 1956 г., что на практике может усугублять положение орфографического разнобоя.

Разработка орфографической классификации эргонимов, явившейся основанием для выявления содержания и структуры нормы употребления прописной буквы в сфере эргонимии, базируется на определенном понимании функции прописной буквы: при графическом оформлении соответствующих единиц ею выделяются лексемы с функцией единичного имени. Основное правило об употреблении прописной буквы распространяется на ономастический маркер как на дифференциальный компонент структуры эргонима. При этом необходимым условием правильного использования такой буквы является и учет характера его компонентов, которые могут быть: 1) антропонимами, 2) топонимами, 3) другими эргонимами, 4) условными или символическими компонентами, 5) неонамастическими компонентами (оттопонимическими прилагательными, прилагательными от географического термина, компонентами, указывающими на специализацию, характер деятельности именуемых объектов, цифровыми компонентами и т.д.). Прописной буквой следует маркировать начальный компонент ономастического маркера и лексемы с функцией единичного имени, входящие в его состав [122, с. 243].

Таким образом, письменная фиксация имени предполагает не только отражение словарного состава наименования, порядка слов в нем, но и его орфографического облика. При этом форма имени, записанная в официальных документах, охраняется законом, даже если она ошибочна. Изменить ее можно, только совершив акт юридической смены имени или ее исправления. Поэтому необходимо, чтобы с самого начала своего существования название нового объекта закреплялось в орфографически правильном стабильном написании.

А между тем в широкой практике, на страницах газет и журналов, эргонимы встречаются в очень непоследовательных, противоречивых написаниях. Прежде всего это проявляется в использовании прописных и строчных букв как в одних и тех же наименованиях, так и в названиях с одинаковыми структурно-семантическими признаками. Расшатанность действующей ор-

фографической нормы проявляется и в том, что те или иные орфографические варианты используются в разных источниках как орфографические предпочтения.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что создаваемые в условиях искусственной номинации на основании существующих нормативно-правовых документов имена собственные деловых объединений людей должны оцениваться в первую очередь специалистами-лингвистами как с точки зрения их структурно-семантических особенностей, так и с точки зрения их орфографического оформления. Иначе говоря, перед государственной регистрацией фирменного наименования в регистрационной палате оно должно пройти лингвистическую экспертизу. При этом орфографические нормы должны учитывать и отражать сложившуюся практику правописания эргонимов, что даст возможность ликвидировать разноречие в правописании эргонимов и восстановить единый орфографический режим.

Таким образом, в условиях новой ономастической ситуации, сложившейся во всех постсоветских государствах в связи с новым порядком наименования и переименования предприятий, организаций, учреждений, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов и изменения транскрипции их названий, необходим пересмотр и упорядочение действующего орфографического норматива, регулирующего употребление прописной/строчной буквы в сфере эргонимии. Внедрение норм в общественную речевую практику является одной из главнейших задач, стоящих перед лингвистами

Изучение предмета «Русский язык» является обязательным компонентом основного среднего образования Республики Казахстан. Русский язык представляет собой не только предмет обучения школьников, но и средство формирования основ научного мировоззрения через другие предметы школьного курса, средство воспитания социально активной, гармонически развитой, социально-адаптированной конкурентоспособной личности.

Основным и ведущим видом учебной литературы признается учебник. Отечественные учебники создавались на базе Казахской академии образования им. Алтынсарина в соответствии с принятой в Республике Казахстан в 1996 г. Целевой программой подготовки и издания учебников и учебно-методических комплек-

сов для общеобразовательных школ. Согласно этой программе была принята стратегия издания и внедрения учебников нового поколения в школы республики, реализуемая в Казахстане с 1997 г. корпорацией «Атамұра», а с 2005 г. Республиканским научно-практическим центром «Учебник». Авторами первых отечественных учебников по русскому языку стали М.Р. Кондубаева, В.К. Павленко, Г.А. Абжанова, Ф.Г. Брулева, З.К. Сабитова, М.Д. Джусупов, Г.А. Кажигалиева, С.Т. Тусеева, У.М. Бекешева, С.Ж. Баяндина, Э.Д. Сулейменова, О.Б. Алтынбекова, Г.Б. Мадиева, Л. Кабдолова, Л.К. Жаналина, Г.Б. Булгакова.

Содержание дисциплины «Русский язык» в школах с казахским и русским языками обучения определяется в соответствии с целью, задачами предмета и возрастными особенностями учащихся; необходимостью обеспечения организации самостоятельной познавательной деятельности учащихся в сфере науки и реализации практической направленности образования, учитывающей ключевые компетентности, а также интересы и запросы учащихся.

Одним из проявлений стремления поднять орфографию до уровня науки является то, что в школьной практике возникли реальные опыты ее изучения на научной основе [215].

Также в вузовской практике преподавания активно вводится курс «Современная русская ортология», целью которого является формирование у студентов-филологов понятия о языковой норме вообще, их разнообразии в русском языке; об особенностях функционирования в нормативном аспекте единиц различных уровней языка и различных планов речи; сформировать представление о системе норм, организованной коммуникативной функцией языка вообще и коммуникативностью каждого речевого акта.

Овладение русским языком как средством общения означает овладение всеми видами речевой деятельности, в том числе и письмом. Письмо занимает важное место в учебной и практической деятельности иностранцев, изучающих русский язык, хотя обучение письму как одна из целей обучения языку в практике преподавания русского языка как иностранного явно недооценивается. Вполне очевидно, что роль письменной коммуникации в реальной жизни чрезвычайно важна, поскольку подавляющая

часть общего количества информации в современном мире содержится в знаках письма. Иностранцы испытывают значительные затруднения в аспекте развития письменной речи, что объясняется незнанием основных принципов русской орфографии.

К сожалению, проблема обучения иностранцев русской орфографии в методике РКИ практически не рассматривалась. Развитие письменной речи инофонов предполагает овладение графическими и орфографическими навыками, а также нормами лексической и синтаксической сочетаемости. Разумеется, овладение иностранными студентами графическими и орфографическими навыками русского письма имеет свои особенности, связанные с формированием общей лингвистической компетенции, обеспечивающей рост уровня владения языком в целом.

Письмо в практической деятельности иностранцев, изучающих русский язык, является наиболее слабым звеном. Как известно, обучение письму как виду речевой деятельности состоит из трех составляющих: обучение графике, обучение орфографии и обучение записи. При этом, обучение орфографии «выпадает» из учебных программ по преподаванию русского языка как иностранного. В итоге на практике преподаватели только исправляют допущенные ошибки, но не объясняют причины их возникновения, что обосновывается неразработанностью методики преподавания русской орфографии в иноязычной аудитории.

Таким образом, проблема обучения письменной речи относится к числу актуальных проблем методики преподавания русского языка как иностранного. Способы же усвоения орфографии, повышения уровня грамотности, которые позволили бы тратить на это меньше времени, чем сейчас, должны искать в первую очередь методисты. По мнению исследователей, наиболее рациональные подходы к этой проблеме лежат на пути сближения орфографических навыков с собственно языковыми (прежде всего фонетическими и грамматическими) знаниями, углубления этих знаний в процессе обучения – при соответствующей разработке таких тем, как «фонетика и орфография», «словообразование и орфография», «морфология и орфография».

Усвоение орфографических правил связано не только с формированием орфографической грамотности, но и с работой по

развитию речи, поскольку орфографический навык является необходимым компонентом письменной речи. Поэтому очень важно, чтобы учащиеся научились свободно выражать свои мысли в письменной форме и соблюдать при этом орфографические нормы. В русском языке орфографическая норма существует в виде системы орфограмм и соответствующих им правил правописания, через которые она осваивается носителями языка и реализуется на практике.

Вопрос усвоения русской орфографии иностранными студентами является крайне актуальным, тем не менее многие его стороны еще ждут своего решения. Однако практика преподавания русского языка как иностранного показывает, что без его решения нельзя говорить о полноценном овладении русским языком.

4.5. Анализ предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего норматива

В современных лингвистических исследованиях, в частности, в теории и практике перевода, а также ономастике все чаще выдвигается тезис о том, что имена собственные становятся опорными точками в межъязыковой коммуникации, в изучении иностранного языка и в переводе с него. Это ценное собственное свойство собственных имен, однако, породило распространенную иллюзию того, что имена и названия не требуют особого внимания при изучении иностранного языка и в практике перевода.

Но такой подход основан на глубоком заблуждении. Имена собственные действительно помогают преодолеть языковые барьеры, но в своей изначальной языковой среде они обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка. При передаче имени на другом языке часть этих свойств теряется. Если не знать или игнорировать эти особенности, то перенос имени на другую лингвистическую почву может не только не облегчить, но и затруднить идентификацию носителя имени. «Увы, как в средней, так и высшей школе нашей страны [России] сложилась труднопреодолимая «традиция»: лингвистические свойства и принципы передачи имен собствен-

ных изучаются крайне слабо даже в вузах, готовящих специалистов по иностранным языкам. Считается, что имена собственные «переводятся» сами собой, автоматически, сугубо формально» [216, с. 4].

Результатом подобного формального подхода являются многочисленные ошибки, разночтения, неточности в переводе текстов и использовании иноязычных имен и названий. А иной раз, наоборот, возводимая в абсолют «точность» передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или бессмысленных имен и названий.

Такое положение объясняется и слабой разработанностью вопроса. В лингвистике вопрос о закономерностях межъязыкового переноса онимов, а соответственно и отонимических наименований рассмотрен недостаточно полно.

Д.И. Ермолович справедливо замечает, что в этой области царит самодеятельность, особенно на уровне компаний и организаций. В теории и практике перевода свойства и принципы передачи имен собственных изучаются крайне слабо, не хватает справочных изданий, а отдельные имеющиеся инструкции по межъязыковой передаче отдельных онимов носят разрозненный характер. Между тем стремительные и масштабные изменения в ономастике отдельных государств на всем постсоветском пространстве до сих пор не нашли отражения ни в одном лексикографическом издании, что, безусловно, создает трудности и в работе самих переводчиков, и в СМИ, и в службах таможенного и миграционного контроля. Эта проблема все чаще стала подниматься на лингвистических конференциях различного уровня. «Дело усугубляется еще и тем, что в сферу межъязыковой коммуникации хлынули тысячи практиков, нигде не учившихся ни переводу, ни работе с языковыми материалами. В частности, переводчиков с языков стран СНГ у нас в стране ранее не готовили, да и сегодня практически не готовят. А ведь при работе с этими языками в последнее время возникли серьезные проблемы, связанные с уменьшением роли русификации в документах граждан стран СНГ» [211, с. 4].

Так, в период адаптации мигрант встречается множество проблем, одной из которых является языковой барьер. Для успешной адаптации мигранту необходимо пройти множество миграцион-

ных процедур по оформлению своего пребывания на территории страны. На каждом этапе мигрант должен иметь при себе и предоставлять в соответствующие органы определенные документы на себя и на лиц, сопровождающих его. Как показывает анализ переводных документов переводческих бюро г. Москвы, основная проблема – это разночтения в личных документах мигранта, вызванные тем фактом, что некоторые документы мигранта, например, из стран постсоветского пространства, составлены на русском, некоторые – на языке стран СНГ. Так, гражданин Таджикистана Джамолов может быть зарегистрирован как Чамолов (Сабирджон – Собижон), далее, согласно свидетельству о рождении, Джамолов может оказаться Джамаловым, или Собижон – Сабиржон – Сабирджон. В любом случае мигранту придется менять документы, которые он получил ранее, или подгонять переводы под те документы, которые он получил в России, что является ошибочным в долгосрочной перспективе, потому что для получения гражданства, оформления пенсии требуются не только документы, удостоверяющие личность.

Также значительные разночтения наблюдаются в написании личных имен мигрантов, а также топонимов, функционирующих в их документах. Так, например, отмечается, что общегражданский паспорт граждан Кыргызстана заполняется латиницей. На основании проверенных данных метрик в переводе паспорта имя было написано как «Асель». Гражданка обратилась в Генеральное консульство Кыргызской Республики в Екатеринбурге, чтобы взять справку о том, что за определенный период времени она действительно проживала в Кыргызской Республике. Справка была выдана на имя «Асел», без мягкого знака. Получается, что, несмотря на то, что данные паспорта, серия, номер, место и дата рождения совпадают, в имени отсутствует мягкий знак. По документам это два разных человека.

С развалом СССР многие города переименовывались, и зачастую это переименование носило чисто символический характер и заключалось в изменении одной или нескольких букв, например, город Чарджоу был переименован в Чарджев в 1992 году, который позднее был переименован в Туркменабат в 1999 году (Тауз – Товуз, Алма-Ата – Алматы и т.д.).

Освоение иноязычных слов, особенно имен собственных, является весьма важной проблемой орфографии. Существуют три возможных принципа передачи этого слоя лексики: цитатный, транслитерационный и транскрипционный. Л.Р. Зиндер относит их к немотивированным принципам, так как закономерности языка-источника не являются закономерностями заимствующего языка [202].

Абсолютно неприемлемым для передачи топонимов следует признать метод прямого графического переноса.

В самом общем случае предполагается, что иностранный топоним должен передаваться на русском языке приблизительно к исходной форме звучания, то есть по правилам практической транскрипции. Однако на это общее правило накладываются дополнительные соображения, прежде всего, с точки зрения соответствия этой формы нормам языка принимающего.

В лингвистической литературе вопросы межъязыковой передачи онимов чаще всего рассматриваются в аспекте правил практической транскрипции. Указывается, что некоторые категории имен обычно транскрибируются, некоторые передаются традиционными соответствиями, а некоторые «переводятся» (т.е. передаются по смыслу внутренней формы). Так, среди немногих трудов по переводу, в которых уделяется внимание вопросам межъязыковой передачи онимов, можно назвать монографии В.С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, Н.К. Гарбовского, Д.И. Ермоловича.

В этих работах, преимущественно посвященных проблемам ряда специфических трудностей перевода онимов, а также их транскрипции и транслитерации, авторы указывают на неоднозначность проблемы формирования ономастических соответствий.

Д.И. Ермолович, подчеркивая глубину и многообразие ономастических проблем в переводе, отмечает: «Таким образом, следует признать, что теоретические основы актуального межъязыкового функционирования ИС и формирования ономастических соответствий при переводе не получают достаточного освещения ни в переводоведении, ни в ономастике. Как следствие, ономастическими соответствиями слабо занимается и двуязычная (многоязычная) лексикография. Тем временем объективная пот-

ребность в изучении этих проблем становится все острее в условиях постоянного расширения межъязыковой и межкультурной коммуникации» [211, с. 83].

Среди работ казахстанских лингвистов, посвященных проблемам межъязыковой передачи онимов, можно особо отметить авторов проекта «Основных положений транскрипции географических названий Казахстана», выполненного еще в 1939 году С. Аманжолова и завсектором географии Н.В. Симонова, а также работы С. Абдрахманова и Н.М. Рсалиевой.

Вопрос русификации казахских онимов долгое время был одним из самых острых в отечественном языкознании, и только в последние годы в связи с общественно-политическими изменениями в государственной идеологии Казахстана начали регламентироваться правила их написания без искажений на русском языке. В связи с этим в средствах массовой информации развернулась широкая дискуссия о «странных», «недопустимых» и «трудных» для произношения или «несвойственных» русскому языку звукосочетаниях казахского языка. Тем не менее, на сегодняшний день можно говорить только об относительном упорядочении транслитерации казахских онимов на русском языке, поскольку есть ряд вопросов по передаче отдельных казахских букв и буквосочетаний средствами русского языка, которые еще кажутся весьма спорными.

Проанализировав существующие рекомендации по межъязыковой передаче онимических и отонимических наименований, и изучив обширный опыт по деноминации географических объектов, можно сделать следующие обобщенные выводы:

I. После распада СССР и вследствие изменений на политической карте Европы проблема переименования (деноминации) географических объектов приобрела в ряде государств особую актуальность и социальную остроту. Главные причины переименований – причины экстралингвистические, а именно: смена идеологии и экономического уклада, изменение государственного статуса территорий, деколонизация. Среди собственно лингвистических причин деноминации – отказ от географических названий эстетически ущербных, неблагозвучных по своей форме или образованных с нарушением лексических, словообразовательных и грамматических норм, действующих в конкретном современном языке, а также отказ от одноименно-дублирующих топонимов.

II. Согласно действующим инструкциям, определяющим правила казахской и русской передачи онимов, казахские географические названия должны передаваться на русский язык без искажений путем максимального приближения (средствами русского алфавита) к литературному казахскому произношению. В результате активно осуществляемой деятельности по упорядочению топонимических и других наименований были устранены искажения в ряде наименований Республики Казахстан, но, тем не менее, последовательности в соблюдении этих правил не наблюдается. Более того в российских источниках эти наименования употребляются без учета внесенных изменений.

III. При транскрибировании казахских наименований на русский язык в целях максимального приближения начертания к исходной форме необходимо более свободно пользоваться необычными для русского языка буквосочетаниями и специфическим применением отдельных букв:

а) употребление буквы «ы» в начале слова: Ынтылы, Ынтымак, Ыссык, Ыргыз, Суықтау и т.п.;

б) употребление буквы «ы» после шипящих: Жыланды, Шыбынды, Ащысу и т.п.;

в) употребление «й» перед гласными («йа», «йе», «йи», «йо», «йу», «йы»): Мойынқум, Ақсуайулы, Айаксор, Қайынды и т.п.

IV. Все нерусские географические наименования передаются на русский язык соответствующими русскими буквами, тождественно с начертанием этих наименований в национальной форме. В действующих «Правилах передачи казахских географических названий на русский язык» указывается, что «Казахские географические названия передаются по-русски с их казахского написания с учетом литературной нормы. Диалектные особенности произношения звуков в передаче не отражаются».

1. В соответствии с указанными Правилами казахские гласные на русском языке передаются следующим образом:

а) Буква «а» передается той же буквой: Ақсу (Ақсу), Ақтау (Ақтау), Алаайғыр (Алаайғыр), Алғабас (Алғабас), Басадыр (Басадыр), Жайма (Жайма), Жанаарқа (Жанаарқа), Қарадыр (Қарадыр), Сарыарқа (Сарыарқа).

б) Буква «ә» встречается преимущественно в первом слого топонимов и передается буквой а: Ажи (Әжі), Айтей (Әйтей),

Айтекебийский район (Әйтеке би ауданы), Алимтау (Әлімтау), Ауликколь (Әуліккөл), Аупильдек (Әупілдек).

в) Буква «е» передается той же буквой: Дегерес (Дегерес), Ебейты (Ебейті), Егизтобе (Егізтөбе), Егинсу (Егінсу), Едиге (Едіге), Еспе (Еспе), Тентек (Тентек).

г) Буква «и» передается той же буквой: Акши (Ақши), Басши (Басши), Игилик (Игілік), Икан (Иқан), Имантау (Имантау), Имек (Имек), Индер (Индер), Итибайколь (Итібайкөл), Иирли (Иірлі), Милыбулак (Милыбұлак), Шили (Шилі).

д) Буквы «о» и «ө» встречаются лишь в первом слоге топонимов и передаются буквой «о» и в русской передаче независимо от ударения произносится всегда только как о: Ойтал (Ойтал), Ойтас (Ойтас), Ожет (Өжет), Оленты (Өленті), Торетам (Төретам).

ж) Буква «у» передается той же буквой: Коксу (Көксу), Науалы (Науалы), Сулыжар (Сулыжар), Туражол (Туражол), Уак (Уақ), Уызбай (Уызбай).

з) Буквы «ү» и «у» встречается главным образом в первом слоге топонимов и передается буквой «у»: Буйректал (Бүйректал), Куйгенжар (Күйгенжар), Тузды (Тұзды), Тузкала (Тұзкала), Тулькибас (Түлкібас), Узынжол (Ұзынжол), Уйгентас (Үйгентас), Уштөбе (Үштөбе).

е) Буква «ы» во всех позициях, а также после ж, ц, ч, ш, щ передается буквой ы и не опускается при передаче сочетания ауы: Айыртау (Айыртау), Ашысай (Ашысай), Бауыр (Бауыр), Дауыл (Дауыл), Жыланды (Жыланды), Жынғылдыкудык (Жыңғылдыкұдық), Карашығанак (Қарашығанақ), Таскудык (Тасқұдық), Шыбынды (Шыбынды), Ынталы (Ынталы), Ырғайты (Ырғайты).

ё) Буква «і» передается буквой «и» и не опускается при передаче сочетаний әуі, еуі: Акдин (Ақдің), Егизкара (Егізқара), Кииктау (Киіқтау), Кишитау (Кішітау), Сарыбиик (Сарыбиік), Уйирме (Үйірме), Ирижар (Іріжар).

Примечание: Буква «і» передается буквой «ы» после «ы» согласных «д» и «т» в конце топонимов и в сложных словах, содержащих эти же топонимы с присоединенными к ним географическими терминами (по транскрипции): Егинды (Егінді), Егидыколь (Егіндікөл), Кумистыколь (Күмістікөл), Мендыбай (Меңдібай), Силеты (Сілеті), Силетытениз (Сілетітеңіз), Шидерты (Шідерті).

и) Буквы ю и я передаются теми же буквами: Аюлы (Аюлы), Аютор (Аютор), Аякарал (Аяқарал), Аяқалқан (Аяқалқан), Баянды (Баянды).

2. В соответствии с указанными Правилами казахские согласные на русском языке передаются следующим образом:

а) Буквы б, д, ж, з, м, н, п, р, с, т, ш встречаются в словах с любыми гласными и передаются теми же буквами: Бадам (Бадам), Бескопа (Бесқопа), Жамантас (Жамантас), Зангар (Заңғар), Зеренды (Зеренді), Шиели (Шиелі), Шомиш (Шөміш).

б) г и к встречаются в топонимах с гласными переднего ряда (э, е, і, ө, ү) и передаются теми же буквами: Гульдала (Гүлдала), Гульшат (Гүлшат), Егизкызыл (Егізқызыл), Егиндыбулак (Егіндібулак), Егиндиколь (Егіндікөл), Кокадыр (Көкадыр), Кокпекты (Көкпекті), Коктал (Көктал).

в) ғ и қ встречаются в топонимах с гласными заднего ряда (а, ы, о, ұ) и передаются буквами г и к: Агашорын (Ағашорын), Бугыты (Бұғыты), Кайнар (Қайнар), Кайракты (Қайрақты), Карабулак (Қарабулак), Сагыз (Сағыз), Шагалалы (Шағалалы), Шакпак (Шақпак).

Примечание: в слове қазақ и производных от него названиях қ второго слога в порядке исключения передается буквой х: Казахстан (Қазақстан), Казахтобе (Қазақтөбе).

г) й встречается в топонимах с любыми гласными и передается той же буквой Айдарлы (Айдарлы), Куиккколь (Күйіккөл), Кайынды (Қайынды), Туйык (Тұйық), Туйыксу (Тұйықсу), Туйесойган (Түйесойған).

д) л встречается в топонимах с любыми гласными, передается сочетанием ль перед согласными и в конечной позиции слов после гласных переднего ряда (э, е, і, ө, ү) и буквой л в остальных случаях: Альпет (Әлпет), Бель (Бел), Кельгемашат (Келтемашат), Кульше (Күлше), Кумистыколь (Күмістікөл), Лабасы (Лабасы), Мойылды (Мойылды), Шильде (Шілде).

ж) н встречается в словах с любыми гласными и передается той же буквой н: Кенгир (Кеңгір), Манадыр (Маңадыр), Мангыстау (Маңғыстау), Манырак (Маңырак), Сенгирбай (Сеңгірбай), Сенкибай (Сеңкібай).

з) щ встречается редко и передается той же буквой Ащыколь (Ащыкөл), Ащысай (Ащысай), Тущыкара (Тұшықара), Тущыкудык (Тұшықудық).

е) звук, передаваемый в казахской графике (для казахских слов) через букву «ш»: с. *Ушбулак*, оз. *Шалкар*, *Шетский* район, а не *Учбулак*, *Чалкар* или *Челкар*, *Четский* район и т.п.

ё) звук, передаваемый в казахской графике (для казахских слов) через букву «ж»: *Акжар*, *Жылан*, *Жезказган*, *Жамбыл*, но не *Акджар*, *Джилан*, *Джезказган*, *Джамбул* и т.п.

V. Использование «ь» (мягкого знака) при транслитерации казахских онимов в действующей Инструкции не рассматривается. Хотя авторы проекта 1939 г. отмечали: «При транскрипции иноязычных географических названий на русский язык использование «ь» (мягкого знака) в качестве знака смягчения (или разделения) не допускается, поскольку это противоречит местному (казахскому, узбекскому и т.п.) произношению и правописанию: *Елтай*, *Жайылма*, *Жынгылды*, *Белбулак*, *Теренозек*, а не *Ельтай*, *Джаильма*, *Джингильды*, *Бельбулак*, *Тереньозек*. Нетюркские географические названия Казахстана (главным образом, монгольские по своему происхождению); при транскрипции их на другой язык также должны писаться без мягкого знака («ь»): *Кеген*, *Кетмен*, *Турген*, *Долон*, а не *Кегень*, *Кетмень*, *Долонь* и т.д. по аналогии с такими монгольскими названиями, как *Нарын*, *Чарын*, *Зайсан* и мн. др.».

Еще один интересный аспект, касающийся межъязыковой передачи собственных имен, это вопрос об искажениях русских онимов в практике казахской речи. Так, составители проекта «Основных положений транскрипции географических названий Казахстана», выполненного еще в 1939 году, С. Аманжолов и Н.В. Симонов указывали: «Нужно писать и показывать (а также на других языках) *Петропавловск*, а не *Петропабыл* или *Петропавл*, *Устькаменогорск*, а не *Өскемен* или *Усть-Каменогорск*, *Семипалатинск*, а не *Семей*, *Зыряновск*, а не *Зірэн*, *Уральск*, а не *Орал*, *Фурманово*, а не *Пырманып*, *Жилая коса*, а не *Жилой Коса*, *Омск*, а не *Омыск* или *Омскі* и т.п.», причем было сделано такое примечание: «Искаженное начертание (на всех языках) сохраняется для тех немногих географических названий, которые и среди русского населения известны только в искаженной казахской форме, например: *Жанасемей* (*Жаңасемей*), но не *Новосемипалатинск*». На сегодняшний день г. Семипалатинск официально переименован

в г. Семей, достаточно широко в речевой практике употребляется наименование Оскемен.

Таким образом, функционирование казахских онимов и отонимов в русской речи есть акт межъязыковой и межкультурной коммуникации как результат взаимодействия двух языковых и речевых систем. Отсутствие специальных справочников, фиксирующих происходящие изменения в языке, приносит реальные затруднения в практику межъязыковой передачи онимической и отонимической лексики. Так, в российских средствах массовой информации чаще употребляются устаревшие названия казахстанских городов. Незавершенность этого вопроса вносит путаницу и создает реальные неудобства при оформлении юридических документов, особенно в миграционных службах.

4.6. Рекомендации по орфографическому оформлению отонимических наименований

Правописание отонимических наименований находится в прямой зависимости от принятых рекомендаций по правописанию производящих онимов. В написании казахских онимов на русском языке наблюдается широкая вариативность, что можно объяснить тем, что в сложившейся орфографической ситуации русского языка, в котором остается неучтенным важный для него характер регионального функционирования, привело к возникновению ортологических лакун. Значительные изменения в ономастическом пространстве Казахстана, да и не только Казахстана, но и ряда других государств постсоветского пространства, привлекают внимание лингвистов с точки зрения деноминации как показателя изменения идеологии в обществе, но проблемы их орфографического оформления остались вне поля зрения исследователей-языковедов. Между тем грамотное, стандартное оформление онимов и отонимов в языке имеет исключительно важное значение. Строгое соблюдение правил русской (или казахской) грамматики при оформлении географических названий должно привести к единому общепринятому кодифицированному принятию правил географических названий Казахстана.

Наиболее дискуссионными проблемами в орфографическом оформлении онимов и отонимов казахского языка на русском

языке являются вопросы их слитного, раздельного, дефисного написания, а также употребления прописных букв в онимах и отонимах, выбора букв.

Среди сложных проблем современной орфографии особое место занимают вопросы раздельного, дефисного и слитного написания некоторых категорий географических названий. Составные географические названия обычно воспринимаются как единое целое и большинство из них, почти на всех языках мира, давно уже, как правило, пишутся слитно. В Казахстане большое число подобных названий также оформлено в слитном начертании, что особенно относится ко всем новым названиям и переименованиям. За последнее время Ономастической комиссией были внесены корректировки в написание ряда топонимов. Так, например:

станция Жана ауыл – станция Жанааул;
станция Темир-Тау – станция Темиртау;
станция Тегиз-Жол – станция Тегисжол;
станция Караганда-Новая – станция Жана Караганды;
станция Кара-Мурын – станция Карамурын;
станция Сары-Кум – станция Сарыкум;
станция Кок-Домбак – станция Кокдомбак;
станция Тагын-Кара – станция Тагынкара;
станция Жана-Арка – станция Жанаарка;
станция Кзыл-Джар – станция Кызылжар;
станция Коктенколь – станция Коктинколи.

Никаких затруднений для чтения слитное начертание не создает; смысл названия и его значение не теряются.

1. При осуществлении слитного начертания нужно руководствоваться следующими правилами: а) Составные нерусские названия географических объектов Казахстана во всех случаях пишутся слитно: Атбасар, Шымкент, Тарбагатай, Актау, Каракум, Сарысу и т.д.; б) Производные слова, образованные от составных географических названий, оформленных в слитном начертании, во всех случаях и на всех языках пишутся слитно: Карабутацкий район (Қарабұтақ ауданы), Аксуйский совхоз (Ақсу совхозы), Сарысуйский район (Сарысу ауданы) и др.

2. Раздельно (без дефиса) также пишутся на всех языках двухкомпонентные географические названия, данные в честь ис-

торических личностей: ул. *Абылай хана*, ул. *Кабанбай батыра*, площадь *Кенесары хана* и т.д.

3. Иноязычные производные географические названия образуются по правилам русской грамматики при помощи прибавления соответствующих суффиксов и окончаний к коренному слову. Производные географические названия (наименования областей, районов, сельских округов и т.п.) должны строиться по единому принципу в зависимости от типа окончания основного названия. К казахским собственным названиям, оканчивающимся на согласную букву или гласные «и», «у», добавляются русские аффиксы «-ский», «-ская», «-ское»: *Аксу – Аксуский, Жамбыл – Жамбыльский, Жылыой – Жылыойский, Карасай – Карасайский, Шет – Шетский, Шу – Шуский*. К казахским собственным названиям, оканчивающимся на -ды, -ді, -лы, -лі, -ты, -ті, -шы, -ші, добавляются русские аффиксы «-нский», «-нская», «-нское».

4. Нерусские географические названия при пользовании в русской литературе, переписке и т.д. должны склоняться по аналогии с русскими, если они имеют русские родовые окончания (согласный звук или «а») и не склоняться, если имеют специфические окончания («и», «ы», «е», «у»): *Шымкент*, в *Шымкенте*, из *Шымкента...* и т.д. *Кызылорда*, в *Кызылорде*, из *Кызылорды...* и т.д., по *Или*, *Малайсары*, *Жынышке*, *Аксу* и т.п. сохраняются во всех падежах без изменения.

5. Начертания наименований населенных пунктов должны точно соответствовать начертанию наименования тех физико-географических объектов (рек, озер, гор и т.п.), по которым они названы: с. *Саркан* (по реке *Саркан*), а не *Сарканд*; с. *Капал* (по реке *Капалка*, точнее *Капал*), а не *Копал*, г. *Алматы* (по ур. *Алматы* и р. *Алматинке*), а не *Алма-Ата*.

6. Названия поселков, возникших возле железнодорожных станций, не должны отличаться от наименований станций. На практике население всегда называет эти поселки по имени станции и отличие в окончаниях (окончания ж.р. в названиях станций, м.р. – в названиях пристанционных поселков).

7. Производные названия, образуемые от одного коренного слова или от сходных (по начертанию) слов, должны строиться по одному принципу.

В отдельных конкретных случаях, встречаясь на практике с затруднениями при выборе наиболее подходящего варианта

географического названия, можно руководствоваться следующими положениями:

а) При существовании нескольких вариантов названий для одного и того же объекта общеобязательным считается тот, который наиболее употребителен на месте, а при неустойчивости отдается предпочтение более простому и краткому варианту.

б) При существовании на месте нескольких совершенно различных наименований для одного и того же объекта (на одном или разных языках) общеобязательным должно считаться более распространенное в литературе, исторически и традиционно более привычное и грамматически правильное.

Многие казахские номенклатурные термины широко известны не только русскому, но и мировому читателю в определенном, давно укоренившемся начертании. Эти термины (обычно общетюркские) прочно вошли в международную терминологию и стали уже нарицательными. Некоторые из них, хотя и не стали нарицательными, но общеизвестны в традиционном написании, часто отличном от местного, национального, и даже от всего могут быть достаточно точно транскрибированы средствами русского алфавита. Мы считаем, что в подобных случаях, в целях более легкого и осмысленного запоминания общеизвестных национальных терминов, в целях уничтожения существующей путаницы в правописании наиболее распространенных нерусских слов, целесообразно придерживаться их единообразной транскрипции и стремиться к некоторой унификации начертания общетюркских географических терминов. Поскольку средствами русской графики во многих случаях почти невозможно точно передать национальную фонетику, то, тем более, имеет смысл сохранить традиционное даже несколько, может быть, искаженное начертание, нежели заменять его новым, непривычным и все же фонетически не вполне точным. Унификация и стандартизация правописания номенклатурных нерусских терминов должна быть проведена в следующих случаях:

Стандартно необходимо писать по-русски те общетюркские, номенклатурные географические термины, которые прочно вошли в интернациональную как общую, так и специальную литературу в определенном смысле и начертании, став, тем самым,

нарицательными словами: как корган (каз. қорған), арык (арык), базар, аул (ауыл), кишлак (қыстақ), тақыр (тақыр), сор, саз и т. п.

Такая стандартизация, грамотность и краткость в оформлении названий могут быть достигнуты и полностью осуществлены в практической работе при принятии и последовательном проведении в жизнь пяти основных положений:

1. Слитное начертание составных географических названий.
2. Строгое соблюдение правил русской (а в национальном написании – местной) грамматики.
3. Взаимно согласованное начертание названий географических объектов, связанных между собой территориально и по значению.
4. Использование наиболее распространенных и кратких вариантов географических названий.
5. Стандартное начертание широкораспространенных национальных номенклатурных терминов и определительных слов.

Для тех географических названий Казахстана, которые не могут быть оформлены в соответствии с приведенными положениями и являются неизбежными исключениями, составляется полный словарь-справочник, начертание названия в котором должно служить общеобязательным стандартом в подобных неясных или спорных случаях.

В современной орфографической практике обнаруживается явная непоследовательность в правописании казахских онимических и отонимических наименований в русском языке: 1) в употреблении букв (*Экибастузский инженерно-технический институт им. К. Сатпаева; Экибастузский угольный бассейн; экибастузцы – экибастузцы; Актюбинский филиал Сбербанка, Союз предпринимателей и работодателей Актюбинской области; Акан-Серэ – Акан-Серы – Акан-Сери*); 2) в слитном, раздельном, дефисном написании (*Жана-Узень – Жанаузень; Жана-корган – Жанакорган; Шолак-Корган – Шолак корган – Шолаккорган; Сары-Агаиш – Сарыагаиш; Сары-Арка – Сары Арка – Сарыарка; Абылай-хан – Абылай хан – Абылай Хан; Толе би – Толе-би – Толеби; Кабанбай батыр – Кабанбай-батыр – Кабанбай Батыр; Акан-Серэ – Акан-Серы – Акан-Сери – Акан Серы – Акан серы; Асан Кайгы – Асан кайгы – Асан-кайгы*); 3) в выборе прописной / строчной буквы (*С каждым годом организаторы Алматинской межбанковской конференции (АМК) убеждаются*

в том, что подобная встреча профессионалов финансового сообщества чрезвычайно актуальна; В Алматинском Университете Непрерывного Образования преподавание ведется на казахском и русском языках...; Зоосад без клеток и решеток – вот что ждет главный алматинский парк в близком будущем).

Нерешенность вопросов орфографии онимов объясняется, с одной стороны, тем, что теоретическому осмыслению в лингвистической литературе они стали подвергаться сравнительно недавно, с начала 30-х годов XX в., а с другой – тем, что вышедшие в 1956 г. единые общеобязательные «Правила русской орфографии и пунктуации», естественно, не смогли охватить все случаи правописания собственных имен и полностью устранить разнобой. В «Правилах...» вопросы орфографии онимов не выделяются в специальный раздел, иллюстративный материал представлен в них крайне скудно и без учета структурных особенностей конкретных моделей образования онимов.

В действующих правилах русской орфографии прописано, что слова иноязычного происхождения (особенно собственные наименования) имеют специфические особенности написания и отступают от общих правил употребления букв. Причиной существования орфографического разнобоя в практике печати, а также появления непоследовательных интерпретаций кодифицированной нормы является то, что официально принятые «Правила...» изначально заключали в себе некоторые противоречия и существенные пробелы в описании норм применительно к иноязычным заимствованиям. Поэтому применение «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года не может привести пишущих к однозначному и безошибочному орфографическому оформлению иноязычной онимной и отонимной лексики в русском языке.

Основные противоречия в правописании казахских онимов касаются их межъязыковой передачи. Действующая инструкция по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий Республики Казахстан, подготовленная согласно с Институтом географии МОН РК, с Институтом языкознания им. А. Байтурсынулы, с Агентством Республики Казахстан по управлению земельными ресурсами, была утверждена на заседании Государственной ономастической комиссии

при Правительстве Республики Казахстан 6 мая 2002 г. Данная Инструкция доработана на основе «Инструкции по русской передаче географических названий Казахской ССР» (1956 г., 1971 г.), разработанной Центральным научно-исследовательским Институтом геодезии, аэросъемки и картографии ГУГК при совете Министров СССР совместно с Институтом языкознания и сектором географии АН Казахской ССР.

Действующая инструкция отличается от прежних инструкций, прежде всего, тем, что в ней по-новому устанавливается передача казахской буквы *і*, включены новые пункты о целесообразности добавления русских окончаний: *-ск, -ский, -ка, -о, -щина* и др. к казахским названиям, о недопустимости перевода на русский язык казахских различительных прилагательных и др.

Изменение правил инструкции в указанной части вызвано необходимостью точной передачи на русский язык казахских названий в максимально приближенной национальной форме написания, как этого требует международный стандарт унификации и стандартизации географических названий, основанный, прежде всего, на национальном стандарте. Общность алфавитов, основанных на кириллице, позволяет производить точное транслитерирование казахских названий на русский язык и русских названий на казахский язык.

Вопрос о закономерностях межъязыкового переноса онимов, а соответственно и отонимических наименований в лингвистике рассмотрен недостаточно полно. Слабая разработанность лингвистического описания грамматических основ межъязыковой передачи онимов приводит к многочисленным ошибкам, разночтениям, неточностям в переводе текстов. Существующий формальный подход в межъязыковой передаче онимов и стремление возвести в абсолют «точность» передачи приводит к возникновению неудобопроизносимых, неблагозвучных или бессмысленных имен и названий.

Необходимость выработки конкретных рекомендаций по унификации межъязыковой передачи онимических и отонимических наименований обусловлена, прежде всего, экстралингвистическими факторами, поскольку после распада СССР в ряде государств в результате смены идеологии и экономического уклада, изменения государственного статуса территорий переименованиям

подверглось значительное количество географических объектов. Проблема деноминации приобрела особую актуальность и социальную остроту. При этом собственно лингвистическая сторона фактов деноминации не получила должного обоснования, что привело к увеличению эстетически ущербных, неблагозвучных по своей форме или образованных с нарушением лексических, словообразовательных и грамматических норм географических названий.

В результате активно осуществляемой деятельности по упорядочению топонимических и других наименований были устранены искажения в ряде наименований Республики Казахстан, но, тем не менее, последовательности в соблюдении этих правил не наблюдается, а также отсутствуют специальные справочники, определяющие правила передачи казахских онимов на русском языке. Рекомендации функционирующей инструкции по передаче казахских онимов и отонимов на русском языке, разработанные в Казахстане, не находят отражения ни в новом полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 2006), одобренном Орфографической комиссией РАН, призванном в перспективе заменить действующие до сих пор «Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956), ни в новейших лексикографических источниках. В этой связи целесообразным представляется выработка казахстанскими лингвистами конкретных рекомендаций, описывающих различные возможные способы орфографической кодификации казахских онимов и отонимов в современном русском и других языках мира.

Вопросы орфографии, связанные с иноязычными онимами и отонимами в русском языке, не рассматривались эксплицитно, как относящиеся к особой подсистеме языка, а связанные с иноязычными онимами разделы рассеяны по всему тексту «Правил...», где нормы указываются для конкретного иноязычного онима, а не для всей категории связанных орфографической оппозицией слов в целом. Непреодолимость орфографических колебаний иноязычных онимов свидетельствует о том, что правописание иноязычных онимов в современной практике письма существует как особая проблема.

Причины неустойчивости написаний иноязычных онимов при орфографическом освоении разнообразны: во-первых, колебания на фонемном уровне, обусловленные спецификой подсистемы иноязычной онимической лексики; во-вторых, неполный охват «Правилами...» регламентирующего описания правописания иноязычных онимов; в-третьих, преобладание описательного характера правил над предписательным.

Функционирование казахских онимов и отонимов в русской речи, обусловленное активным взаимодействием двух языковых и речевых систем, привлекало внимание отечественных лингвистов как акт межъязыковой и межкультурной коммуникации. Попытки найти общие критерии кодификации казахских онимов и их письменной адаптации в русском языке в отечественной лингвистике носили формальный характер, а вопросы их орфографической кодификации в русском языке в авторитетных академических изданиях рассматривались лишь фрагментарно в качестве единичных иллюстраций.

Обобщая анализ проблем орфографической кодификации иноязычных онимов и экстраполируя их результаты на орфографическое унифицирование казахских онимов в русском языке, можно сделать следующие выводы:

1) объективно сложившееся состояние кодифицирующей базы русского языка не позволяет на практике решить проблему орфографического единообразия казахских онимов, что связано с недостаточной разработанностью принципов нормализаторской деятельности в этой области;

2) существующие колебания в написании казахских онимов и отонимов в русском языке – закономерный процесс в определенном орфографической нормы;

3) неразработанность лингвистических оснований кодификации казахских онимов в русском языке не позволяет выработать общие рекомендации по письменной передаче казахских онимов (в рамках каждой конкретной орфографической проблемы);

4) разграничение «сфер влияния» орфографии и практической транскрипции усложняет нормирование казахских онимов в русском языке, поскольку ведомственные инструкции по транс-

крибированию казахских фонем в русском языке недоступны широкому читателю, а в правилах правописания графическое оформление казахских онимов не учитывается, что ведет к распространению в узусе неправильных вариантов. Вопросы транскрипционной передачи иноязычных онимов игнорируются при регламентации письменных употреблений.

Для окончательного орфографического освоения казахских онимов и отонимов в русском языке необходимо выработать критерии их орфографического освоения и этапы нормализации:

1. Соответствие казахских онимов и отонимов написанию в языке-источнике: а) при транскрибировании казахских наименований на русский язык в целях максимального приближения начертания к исходной форме необходимо более свободно пользоваться необычными для русского языка буквосочетаниями и специфическим применением отдельных букв; б) казахские онимы передавать на русский язык соответствующими русскими буквами с их казахского написания с учетом литературной нормы.

2. При включении казахских онимов и отонимов в грамматическую парадигму русского языка делать опору на орфографический прецедент в кодификационной базе языка.

3. Изучение противоречий в реализации нормы для определения лингвистической мотивированности выбора нормированного варианта онимов.

Основные противоречия в реализации нормы употребления прописной буквы в написании отонимических прилагательных связаны, во-первых, с противоречиями действующей орфографической нормы и, во-вторых, с существованием разных авторских интерпретаций данной нормы. При этом необходимость ликвидации разнобоя и упорядочения написания прописной буквы в отонимических наименованиях для восстановления единого орфографического режима достаточно очевидна. Употребление прописной буквы наиболее проблематично именно в связи с разграничением имен собственных и имен нарицательных: наблюдаются колебания в выборе прописной или строчной буквы, связанные со сложностью деления понятий «собственное имя – нарицательное имя», а также со структурой неоднословных наименований.

Употребление кавычек в написании отонимических наименований в современной орфографической ситуации также от-

личаются нестабильностью: а) собственные наименования, если они не имеют условного характера, например: *Костанайский государственный педагогический институт, Издательство политической литературы, Институт языкознания МОН РК*; б) названия предприятий, учреждений, издательств, управлений и т.д., представляющие собой сложнокращенное слово, образованное из полного официального наименования, например: *Казмунайгаз (КазМунайГаз), Казтелеком*; в) названия предприятий, обозначенные номером или состоящие из аббревиатуры и номера, например: *школа № 36, ТОО «Эфа-1»*; г) названия, в состав которых входят слова *имени, памяти*, например: *швейная фабрика имени Розы Люксембург, Государственный академический театр оперы и балета имени Абая*.

Графическая подача наименований населенных пунктов должна точно соответствовать именованию тех физико-географических объектов (рек, озер, гор и т.п.), по которым они названы. Имеющиеся расхождения требуют от адерсата одновременно уточнения правильного начертания основного названия: с. Саркан (по реке Саркан), а не Сарканд; с. Капал (по реке Капалка, точнее Капал), а не Копал, г. Алматы (по ур. Алматы и р. Алматинке), а не Алма-Ата.

Названия поселков, возникших возле железнодорожных станций, не должны отличаться от наименований станций.

Производные названия, образуемые от одного коренного слова или от сходных (по начертанию) слов, должны строиться по одному принципу.

Отсутствие единых орфографических справочников, учитывающих корректировки по правописанию онимов и отонимов, вводимых директивными документами одного государства, но не учитываемых другим государством, создает значительные сложности при все более увеличивающейся мобильности современного общества и росте миграции в ряде стран постсоветского пространства. В некоторых случаях в написании личных имен, географических названий отмечают региональный вариант и российский (Алматы – Алма-Ата, Чарджев – Чарджоу, Товуз – Тауз), поэтому целесообразным представляется выявление единых форм их написания в языке, закрепленных в авторитетных источниках.

Наметившееся в настоящее время преодоление существующей в русском языке искусственной цепочки «словарь-словарь-словарь», когда вновь издавшиеся словари ориентировались только на орфографию словаря предшествующего и абсолютно не учитывали того нового, что накопилось в орфографической практике, постепенно сменяется естественной цепочкой «язык – словарь – язык», при которой «явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы в «ограниченном» виде вернуться опять в язык» [1, с. 197]. Освоение иноязычных слов, особенно имен собственных, является весьма важной проблемой орфографии, так как закономерности языка-источника не являются закономерностями заимствующего языка.

4.7. Орфографическая ситуация в онимии и отонимии (орфограммы действующей нормы русского языка)

Правило: В казахских онимах и отонимах буквы *э* и *е* пишутся в начале слов в соответствии с произношением, например: *Екибастуз – Екибастузский, Енбекши – Енбекшинский, Есиль – Есильский, Еспе – Еспенский, Ельтай – Ельтайский, Елеусин – Елеусинский, Егиндикудык – Егиндикудыкский, Есбол – Есболский, Есмахан – Есмаханский, Енбекшил – Енбекшильский, Еркинкала, Енбекши казах – Енбекшинский, Есик – Есикский, Есет батыра Кокиулы, Ерейментау – Ерейментауский и т.д.*

Правило: Прилагательные, оканчиваются на *-инский*:

а) если от соответствующих существительных употребительно притяжательное прилагательное на *-ин*, например: *Жангильдинский* (Жангильдин), *Сейфуллинский* (Сейфуллин), *Алтынсаринский* (Алтынсарин);

б) если они образованы от географических названий (склоняемых и несклоняемых), оканчивающихся на *-и* (*-ы*), например: *алматинский* (Алматы), *шыгырлинский* (Шыгырлы), *карагайлинский* (Карагайлы), *жыландинский* (Жыланды), *кайрактинский* (Кайракты), *жездинский* (Жезды);

в) если они образованы от географических названий, оканчивающихся на *-а*, *-е*, например: *зерендинский* (Зеренда),

алгинский (Алга), *бадамшинский* (Бадамша), *каракобдинский* (Каракобда), *ульбинский* (Ульба), *жангалинский* (Жангала), *бес-тобинский* (Бестобе), *шантобинский* (Шантобе).

Правило: В названиях населённых пунктов на *-ино* (*-ыно*), *-ово* (*-ево*) пишется в твор. пад. ед. ч. *-ом*, например:

- *поселок Ауезов – поселком Ауезовом*
- *город Сатпаев – городом Сатпаевом*

Правило: Следует отличать прилагательные на *-д-ский* или *-т-ский*:

В прилагательных, образованных от географических названий с основой, оканчивающейся на *-д* или *-т*, пишется соответственно *-д-ский* или *-т-ский*, например: *саркандский* (Сарканд), *шыгысконыратский* (Шыгыс-Конырат), *жезкентский* (Жезкент), *шымкентский* (Шымкент), *жаркентский* (Жаркент), *саратский* (Сарат), *махамбетский* (Махамбет), *жаскайратский* (Жаскайрат).

Правило: Двойное *с* пишется при сочетании корня и суффикса *-ск-*, если корень кончается на согласной *с*, например: *жанакурылысский* (Жанакурылыс) *жаркамысский* (Жаркамыс), *куйлысский* (Куйлыс), *жанатасский* (Жанатас), *таласский* (Талас), *актасский* (Актас), *карабасский* (Карабас), *тюлькубасский* (Тюлькубас) но: *кентауский* (Кентау), *айыртауский* (Айыртау), *аксуский* (Аксу), *актауский* (Актау), *бейнеуский* (Бейнеу), *карасуский* (Карасу), *улытауский* (Улытау), *темиртауский* (Темиртау), *шуский* (Шу), *хантауский* (Хантау);

Примечание: если корень кончается на *-з*, а суффикс начинается с согласной *с*, то: *сагызский* (Сагыз), *тенгизский* (Тенгиз), *аягозский* (Аягоз), *таразский* (Тараз), *екибастузский* (Екибастуз).

Правило: Буква *ь* пишется: В прилагательных с суффиксом *-ск-*, образованных от существительных на *ь*, например: *енбекшильский* (Енбекшиль), *аккольский* (Акколь), *каракольский* (Караколь), *шоптыкольский* (Шоптыколь), *шубаркольский* (Шубарколь), *аулиекольский* (Аулиеколь), *сарыкольский* (Сарыколь), *узункольский* (Узунколь).

Примечание. Прилагательные *коныраульский* (Коныраулы),

мынаральский (Мынарал), *уральский* (Уральск), *аральский* (Аральск), *баянаульский* (Баянаул), *мактааральский* (Мактаарал) пишутся с ъ.

Правило: Пишутся слитно названия населенных пунктов, второй составной частью которых являются *-кент*, *-кала*, *-су*, *-аул*, *-тобе*, *-тау*, *-корган*, *-сай*, *-агаиш*, *-булак*, *-жар*, *-кудык*, *-тал*, *-тогай*, *-арка*, например: *Таукент*, *Аккала*, *Аксу*, *Баянаул*, *Актобе*, *Каратау*, *Жанакорган*, *Аксай*, *Сарыагаиш*, *Суыкбулак*, *Кызылжар*, *Таскудык*, *Бииктал*, *Актогай*, *Сарыарка*.

Примечание: через дефис пишутся: *Сай-Утес*, *Шыгыс-Конырат*; входящие в состав географических собственных имён и начинающиеся с восточно-, западно-, северно- и северо-, южно- и юго-, например: Западно-Казахстанская область, Восточно-Казахстанская область, Южно-Казахстанская область, Северо-Казахстанская область.

Правило: Раздельно пишутся географические названия:

а) состоящие из прилагательного и следующего за ним существительного или из числительного и следующего за ним существительного, например: *Верхние Кайракты*, *Новая Бухтарма*, *Енбекши казах*, *Южная Кайынды*;

б) представляющие собой сочетания имени и фамилии, имени и отчества, например: *посёлок им. Шамиш Калдаякова*, посёлок им. К.Мынбаева, село Есет батыра Кокиулы, село К.Нокина;

в) личные имена со второй частью *-би*, *-батыр*, *-хан*, *-жырау*, пишутся с последними раздельно, например: *Толе би*, *Кабанбай батыр*, *Абылай хан*, *Бухар жырау*.

Правило: Сложные имена прилагательные пишутся слитно: образованные от существительных, пишущихся через дефис, от личных наименований; сочетаний имён и фамилий, а также от названий населённых пунктов, представляющих собой сочетания имён и фамилий, имён и отчеств, например: *карауылкелдынский*, *аралтобинский*, *сарыозекский*, *уштобинский*, *толебийский*.

Примечание. Имена прилагательные, образованные от имён собственных, пишущихся через дефис, и имеющие приставку, отсутствующую у существительного, пишутся слитно, например: *приамударынский*, *приуральский*.

Правило: Пишутся с прописной буквы прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей: если они входят в состав названий, равных по смыслу «имени», «памяти» такого-то, например: *Ауезовские чтения, Ахановские чтения, Султаньяевские чтения.*

Правило: Наречия, образованные от географических наименований, всегда пишутся со строчной буквы, например: *по-шымкентски, по-карагандински, по-астанински, по-алматински, по-кокшетауски, по-аркалыкски.*

Правило: Неофициальные названия государств и их частей, образные названия географических объектов также пишутся с прописной буквы, например: географические названия: *Кустанайщина (Костанайщина), Акмолинщина, Прииртышье.*

Правило: Названия лиц, предметов и явлений, образовавшиеся от географических названий и личных имен, пишутся со строчной буквы, например: *талгарка* (сорт груши), *акмолинка* (сорт пшеницы); *сатбаевит* (минерал), *кызылкумит* (Кызылкум), *индерборит* (Индер), *жезказганит* (Жезказган), *сарыаркаит* (Сары Арка), *иргизит* (Ыргыз); *аблязовцы* (Аблязов), *кулибаевцы* (Кулибаев), *назарбаевцы* (Назарбаев), *проназарбаевский* (Назарбаев), *нурсултановцы* (Нурсултан), *абаяевед* (Абай), *фарабиевед* (аль-Фараби), *шокановед* (Шокан), *мухтаровед* (Мухтар), *жубановед* (Жубанов); *масимовцы* (Масимов), *атырауцы* (Атырау), *актауцы* (Актау), *кокшетауцы* (Кокшетау); *казахстанцы* (Казахстан); *асаровец* (партия «Асар»), *нуротановец* (партия «Нур Отан»), *алашординцы* («Алаш Орда»), *улагатовцы* («Улагат»); *казкомовцы*, *Казком* (Казкоммерцбанк); *кайратовцы* (спортивный клуб «Кайрат»), *тоболовцы* (спортивный клуб «Тобол»); *досмукасановцы* (музыкальная группа «ДосМукасан»); *республиканец* – (газета «Республика»), *хабаровцы* (программа «Хабар»); *казахтелекомовцы* (АОО «Казахтелеком»), *самруковцы* (Фонд национального благосостояния «Самрук-Казына»); *казахфильмовцы* (киностудия «Казахфильм»), *ГАТО-Бовцы* (Государственный академический театр оперы и балета имени Абая); *парасатовцы* (информационно-аналитический центр «Парасат»); *тарлановцы* (премия «Тарлан»); *болашаковцы*

(программа «Болашак»), *Архимедка*, *архимедовцы* («Школа Архимеда»), *бобековцы* (национальный образовательный и оздоровительный центр «Бобек»), *дарыновцы* (школа «Дарын»).

Правило: Пишутся с прописной буквы прилагательные, образованные от собственных географических названий, если они входят в состав сложных географических названий, например: *Атырауская область*, *Жамбылская область*;

Правило. Пишется с прописной буквы первое слово в полных официальных названиях учреждений местного значения, высших учебных заведений, зрелищных предприятий, промышленных и торговых организаций и т. п. С прописной буквы пишется первое слово и входящие в состав названия имена собственные, например: *Атырауский* областной маслихат, *Костанайский государственный университет* им. А.Байтурсынова, *Государственный оркестр народных инструментов* имени Курмангазы.

Правило: В выделяемых кавычками наименованиях знаков отличия, названиях литературных произведений, газет, журналов, учреждений, предприятий и пр. пишутся с прописной буквы первые слова и входящие в их состав имена собственные, например: «*Казахстанская правда*», «*Акмолинская правда*», «*Вечерний Алматы*» (газеты), газета «*Бурабай*», газета «*Приуралье*» газета «*Карагандинский Меридиан*», журнал «*Статус-Шымкент*».

Правило: Сложносокращённые слова всех типов пишутся слитно, например: *Казмунайгаз*, *Казтелеком*, *Казкоммерцбанк*, *Казэнерго*, *КазНПУ*.

Правило: С прописной буквы пишутся сложносокращённые слова, обозначающие названия учреждений и организаций, например: все аббревиатуры, читаемые по названиям букв, например: *РК* (Республика Казахстан), *ЮКГУ* (Южно-Казахстанский государственный университет), *ЕНУ* (Евразийский национальный университет); все читаемые по звукам аббревиатуры, обозначающие такие названия учреждений или организаций, в которых хотя бы первое слово пишется с прописной буквы, например: *КГУ* (Кокшетауский государственный университет).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нормозадающие механизмы в современном обществе претерпели серьезные изменения, и это создает реальную проблему для нормализационного процесса. Орфографический режим испытывает в настоящее время огромное давление со стороны современной информационной среды, устроенной таким образом, что возникает разрыв между фактической публичностью (предъявленностью) и публичным одобрением (санкционированностью).

Данное противоречие выражается, в первую очередь, в неадекватности кодификации реальной норме, в отставании кодификации от нормы. Снятие данного противоречия является, на наш взгляд, одним из основных способов совершенствования нормы. Увеличение вариативности языковых единиц как существенного свойства языка наблюдается на всех уровнях языка. В этой связи особенно актуальным становится развитие научного подхода к нормативной оценке новых явлений.

Грамматический строй языка характеризуется наибольшей сопротивляемостью внедрению вариативности. Все грамматические явления непосредственно связаны с нормой языка и требуют устойчивых правил, определенности. Грамматическая система языка, являясь его определяющей характеристикой, играет ведущую роль в правильном построении речи. Соответственно возрастает и значимость нормы при грамматической адаптации новых языковых единиц.

Несмотря на наличие в русском языке кодифицирующей базы – правил орфографии и нормативных словарей, письменное употребление иноязычных онимов и производных от них отличает максимальная вариативность.

Отонимическая лексика составляет значительный объем в любом языке и в период общегосударственных коренных изме-

нений наиболее часто подвергается изменениям, свидетельствующим о переходе к новой норме, обусловленным внешними и внутренними причинами динамики языковых норм. Обеспечение орфографической стабильности в написании иноязычной онимической и отонимической лексики в русском языке устранил существующую путаницу, ошибки и недоразумения в СМИ, административных документах государственного аппарата, упростит дальнейшую работу по составлению и корректировке различных справочников, обеспечит грамотность в деловой переписке и школьном обучении, предупредит возможность возникновения новых искажений.

В то же время, объективно сложившееся состояние устоявшейся кодифицирующей базы русского языка не позволяет на практике решить проблему орфографического единообразия иноязычных слов, что связано с недостаточной разработанностью принципов нормализаторской деятельности в этой области. Унификация письменных вариантов может быть достигнута двумя путями: 1) установлением критериев кодификации; 2) проверкой временем в узусе. При этом основными требованиями для решения задач кодификации в этой области являются: 1) полнота охвата материала; 2) научная обоснованность содержащихся нормативных рекомендаций; 3) апелляция к единому источнику, обладающему предписывающей силой.

Государственное языковое строительство начинается с важнейшей категории языка – нормы, поэтому нормализация национального языка, приведение его звуковой и письменной форм к единому стандарту, подлежащему всеобщей и безоговорочной реализации – это непереносимое условие успешности власти.

В процессе формирования научно-методологических основ общенациональной идеи как базы устойчивого развития современного Казахстана бесспорный приоритет принадлежит исследованиям корпусного и статусного развития государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане.

В контексте современных глобальных процессов важную роль играет стратегия повышения языковой культуры общества, успешность реализации которой во многом обуславливают ортологические исследования и их практическое внедрение.

Директивная ортология, таким образом, должна развиваться в двух направлениях:

1. В области теории нормирования языка: продолжение исследований, касающихся научных основ ортологической теории с учетом основных понятийных категорий ортологии – понятия нормы как предмета ортологии, вариативности как онтологической базы возникновения норм, связи ортологии с культурой речи, стилистикой и риторикой; диалектической связи категорий нормативности и креативности. В этой связи важны научные исследования в области взаимодействия нормативного плана языка с его системным устройством и функциональным планом. При этом важно учитывать онтологическую взаимосвязь предписательного аспекта лингвистики с описательным (объективистским). Для этого необходимы аспектные исследования в области ортологии с учетом структурно-уровневого и функционального разнообразия норм в языке, нормативного плана языка и его системного устройства.

2. В практике директивной ортологии: выявление ортологических лакун в области функционирования языка, разработка конкретных рекомендаций по ускоренной грамматической адаптации новых слов в языке, составление аспектных лексикографических источников.

В этой связи важна роль не только лингвистов, но и государства в целом, в частности, в Республике Казахстан необходимо функционирование Орфографической комиссии, в задачи которой входили бы регламентирующие работы в области орфографии: слежение за практикой письма, выявление сложных и спорных написаний, особенно новых слов; учет практики письма и развития лингвистической науки – своевременное переформулирование, корректировка, уточнение и в необходимых случаях изменение действующих орфографических правил; создание практичес-

ких пособий, справочников и орфографических словарей разного объема и предназначения: от полных словарей академического типа до кратких пособий для школьников.

Меры по совершенствованию орфографической нормы языка неизбежно приведут к росту языковой культуры общества, поскольку орфография всегда признавалась показателем культурного здоровья нации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Калакуцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М.: Наука, 1995. – С. 197-208.
- 2 Иванова В.Ф. Академик Виктор Владимирович Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х годов (научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 2. – С. 108-114.
- 3 Кузьмина С.М. Общество и орфография // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и гуманитарное знание. – М.: Научный мир, 1999. – 488 с.
- 4 Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. – М., 1996. – № 1. – С. 88-102.
- 5 Винокур Г.О. Культура языка. Серия «Лингвистическое наследие XX века». – М: Либроком, 2006. – 352 с.
- 6 Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – 351 с.
- 7 Ицкович В.А. Языковая норма. – М.: Просвещение, 1968. – 94 с.
- 8 Крысин Л.П. К соотношению системы языка и его нормы // Русский язык в школе. – 1968. – № 2. – С.15-19.
- 9 Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978. – 238 с.
- 10 Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР: Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1990. – 453 с.
- 11 Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 32 с.
- 12 Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
- 13 Петрищева Е.Ф. К вопросу о критериях нормативности // Вопросы культуры речи.– М.: Наука, 1967. – Вып. 8. – С. 34-40.
- 14 Гухман М.М. Становление литературной нормы немецкого национально-го языка // Вопросы формирования и развития национальных языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 252-273.
- 15 Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
- 16 Блинова О.И. Фактор мотивированности и вариантность слова //Язык и общество. – Вып. 3. – Саратов, 1974. – С. 144-154.

- 17 Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
- 18 Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVII – XIX веков: ударение, грамматические формы, варианты слов: словарь, пояснительные статьи / Н.А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 960 с.
- 19 Ахманова О.С., Беляев В.Д., Веселитский В.В. Об основных понятиях «нормы речи» (ортологии) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1965. – № 4. – С. 88-98.
- 20 Культура русской речи. Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 560 с.
- 21 Чувакин А.А. Ортология и риторика как базовые дисциплины коммуникационной подготовки специалистов по направлению «филология» // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 457-463.
- 22 Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. – 1965. – № 1. – С. 48-55.
- 23 Скребнев Ю.М. К вопросу об «ортологии» // Вопросы языкознания. – 1961 – № 1. – С. 140-142.
- 24 Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
- 25 Марковская В.И. Ортологическая процедура в деривационном аспекте (На материале нарушений синтаксических норм): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 145 с.
- 26 Береля И.В. Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологизации речевых отклонений от них: дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 203 с.
- 27 Хорошая речь / О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др. Под ред. М.А. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, – 2001. – 320 с.
- 28 Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М.: Прогресс, 1988. – 319 с.
- 29 Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 281-317
- 30 Анисимова Е.Е. Нормативность речи в аспекте коммуникативной лингвистики // Вопросы системной организации речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 124 с.
- 31 Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – 168 с.

- 32 Григорьева И.В. Нарушение коммуникативной нормы в профессиональном общении //conf.kvshu.ru/ras/confl./doclads/grigoreva.doc
- 33 Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1983. – С. 7-31.
- 34 Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит. в нац. школе» / Под ред. Н.М. Шанского. – 2-е изд., дораб. – Л.: Просвещение, 1989. – 223 с.
- 35 Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
- 36 Мишин И.Ф. Речевой узус и стилистика речи (о стилистически ориентированном курсе обучения иностранному языку на младших курсах) //Обучение иностранным языкам в вузовский период подготовки специалиста: Сб. науч.-метод. ст. – Тамбов, 1997. – С. 10-19.
- 37 Плешенко Т.П., Федотова Н.В., Четет Р.Г. Основы стилистики и культуры речи. Учебное пособие. – Минск, 1999. – 176 с.
- 38 Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
- 39 Сосюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
- 40 Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания 19-20 веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. – М.: Просвещение, 1965, – Ч. II – С. 111-120.
- 41 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1963. – Вып. 3. – С. 143-343.
- 42 Степанов Ю.С. Основы языкознания. – М.: Просвещение, 1966 – 272 с.
- 43 Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
- 44 Коротков Н.Н. Норма, система и структура как этапы анализа и описания языкового строя // Спорные вопросы грамматики китайского языка. – М.: Восточная литература, 1963. – 201 с.
- 45 Реформатский А.А. Принципы синхронного описания языка // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 20–40.
- 46 Алексеев П.М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей). Учебное пособие. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена. – 1975. – 120 с.
- 47 Крысин Л.П. Современный русский язык: Система – норма – узус. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 480 с.
- 48 Степаненко В.А. Анализ современной языковой нормы применительно к лингводидактическим целям [Электронный ресурс world.russianforall.ru/upload/iblock/59d/stepanenko.doc].
- 49 Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М.: Аст, 2008. – 447 с.
- 50 Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 230 с.

- 51 Нещименко Г.П. К проблеме функциональной дифференциации этнического языка // Русский язык сегодня: Сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 208-220.
- 52 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – Изд. 5-е, стер. –М.: КомКнига, 2006. – 261 с.
- 53 Норман Б.Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. – Берлин, 1998. – № 1-2. – С. 57-68.
- 54 Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследование по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91.
- 55 Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
- 56 Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации: принципы измерения языковой вариантности. – М.: Институт языкознания, 1989. – 181 с.
- 57 Потапов В.В. Разработка проблем вариативности английской речи в трудах российских лингвистов: XXI век // Норма и вариативность в языке и речи: Сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел языкознания; Отв. Ред. Казак Е.А. – М., 2017. – 193 с.
- 58 Голев Н.Д. Современная русская ортология: концепция, содержание и программа курса на филологическом факультете // Человек – коммуникация – текст. – Вып. 5. /Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 215-232.
- 59 Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 379 с.
- 60 Жукова А.Г. Ортология: поворот к коммуникативно-деятельностному обучению // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. Конгресс исследователей рус. яз.: Тр. и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 381-382.
- 61 Жукова А.Г. Ортология в аспекте междисциплинарных связей [Электронный ресурс <http://gf.nsu.ru/humanity2000/zhukova.shtml>].
- 62 Лазарев В.А. Антропоцентрические параметры морфологических категорий // Вестник Челябинского государственного университета. – Филология. Искусствоведение. Вып. 34. – 2009. – № 27 (165).– С. 70-73.
- 63 Мусабекова У.Е. Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований: автореф. ... д-ра. филол. наук. – Кокшетау: КГУ, 2010. – 38 с.
- 64 Ризель Э.Г. К определению понятия и термина «стилевая черта» // ФН, 1978. – № 4. – С. 79.
- 65 Скворцов Л.И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М.: Наука, 1970. – С. 4-103.

- 66 Гайнуллина Н.И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973. – 281 с.
- 67 Мусабекова У.Е. Теория и практика ортологии: грамматические основы отонимических наименований: дис. ... д-ра. филол. наук. – Кокшетау: КГУ, 2010. – 332 с.
- 68 Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра. филол. наук. – М., 1975. – 452 с.
- 69 Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
- 70 Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения языковых неправильностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 29-40.
- 71 Современный русский язык: Система – норма – узуз / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 480 с.
- 72 Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 175-200.
- 73 Косериу Э. Синхрония. Диахрония и история: проблема языкового изменения. – М.: URSS, 2010. – 208 с.
- 74 Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 424 с.
- 75 Жукова А.Г. Ортологический анализ в культуроречевой подготовке филологов // Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве. Мат. XIII Международной конференции по риторике, – М., 2009. – С. 166-172.
- 76 Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 5-33.
- 77 Жукова А.Г. Ортологический анализ как компонент профессиональной подготовки филологов // Гуманитарное образование в техническом вузе. – Сборник № 25. – Новосибирск, 2003. – С. 118.
- 78 Жукова А.Г. Ортология. Курс лекций: учеб. пособие для студентов-филологов / А. Г. Жукова, Г. П. Кашкорова, Г. М. Мандрикова; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 158 с.
- 79 Проблемы языковой вариативности // Сборник обзоров. – М., 1990. – 189 с.
- 80 Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968. – 208 с.
- 81 Филин Ф.П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи // Филин Ф.П. Очерки теории языкознания. – М., 1982. – С.181.

- 82 Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка): автореф. ... д-ра. филол. наук. – М., 1975. – 48 с.
- 83 Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
- 84 Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
- 85 Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968. – 157 с.
- 86 Ширяев Е. Н. Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Дрофа, 1996. – С. 121-152.
- 87 Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения языковых неправильностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. – С. 29-36.
- 88 Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
- 89 Исакова Л.Д. Вариативность грамматических единиц // Германистика: состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. конф. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 101-106.
- 90 Казанцева Ю.М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: мат-лы междунар. конф. – М.: МГЛУ, 2004. – С. 106-115.
- 91 Винокур Г.О. Культура языка (Задачи современного языкознания) // Печать и революция. – М., 1923. – Кн. 5. – С. 100-101.
- 92 Сенкевич М.П. Культура радио- и телевизионной речи. – М.: Высш. школа, 1997. – 96 с.
- 93 Виноградов В.В. О формах слова. – Изв. АН СССР, ОЛЯ. – 1944, III, вып. 1. – 31 с.
- 94 Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
- 95 Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 11-53.
- 96 Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: URSS, 2004. – 239 с.
- 97 Шанская Т.В. Варианты родовых форм имен существительных в современном русском литературном языке // Вестник Моск. ун-та, 1963. – №6. – С. 55-64.
- 98 Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М.: Наука, 1971. – 288 с.
- 99 Обнорский С.П. Русский литературный язык: Вехи истории. – М.: URSS, 2010. – 168 с.

- 100 Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. – М.: Наука, 1972. – 448 с.
- 101 Блинова О.И. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах // Вопросы русского языка. – Томск. 1965. – № 57. – С. 13-27.
- 102 Глинкина Л.А. О родовариантных формах существительных в древнерусском языке (По «Материалам...» И.И. Срезневского) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М., 1974.
- 103 Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
- 104 Приорова И.В. Несклоняемые имена в языке и речи: учебн. пособие / И.В. Приорова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 88 с.
- 105 Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. – М.: «Наука», 1977. – 183 с.
- 106 Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII – XX вв.). – М.: Элпис, 2004. – 456 с.
- 107 Лаптева О. А. Общелитературные и специфические элементы при определении статуса устной публичной литературной речи // Структура лингвостилистики и ее основные категории. – Пермь, 1983. – 156 с.
- 108 Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1981. – 208 с.
- 109 Скворцов Л.И. Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. – М.: Просвещение, 1996. – 157 с.
- 110 Крысин Л.П. Владение языком: лингвистический и социокультурный аспекты // Язык – Культура – Этнос / Г. П. Нешименко. – М.: Наука, 1994. – С. 66-78.
- 111 Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация и функционирование: Сб. науч. Трудов. – М., 1989. – С. 5-13.
- 112 Кузнецова В.Г. Женевская лингвистическая школа: От Соссюра к функционализму. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 184 с.
- 113 Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
- 114 Мусабекова У.Е. Языковое строительство в Казахстане и динамика употребления отонимических наименований // Вестник МГЛУ. Серия языкознание. – М., 2012. – С. 54 – 65.
- 115 Сыздыкова Р. Қазақ тілінің анықтағышы (емле, тыныс белгілері, сөз сазы). – Астан: Елорда, 2000 ж. – 532 б.
- 116 Ономастикалық анықтағыш // Жалпы ред. басқ. К. Матыжанов, С. Оразов, Ж. Көкеева, Г. Мадиева, С. Иманбердиева. – Алматы: «Алматы баспа үйі» ЖШС, 2006. – 220 б.
- 117 Абдрахманов А.А. Русско-казахский словарь. – Алма-Ата, т. 2, 1981.
- 118 Абдрахманов А.А. Словарь-справочник общественно политических терминов и наименований. – Алматы, 1992.

- 119 Левашов Е.А. Заводчане // Русская речь. – 1973. – № 4.
- 120 Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 110-129
- 121 Языковая номинация: общие вопросы: Монография. – М.: Наука, 1977.
- 122 Гарбовская Н.Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2006. – 150 с.
- 123 Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.
- 124 Алефиренко Н.Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: Тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8-11 сент. 1998 г. / Отв. ред. В.И.Супрун. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 165-168.
- 125 Бижженова А. Теория и практика когнитивного деонимообразования. – Астана, 2005. – 246 с.
- 126 Искусственная номинация в русской ономастике / М.В. Голомидова – Екатеринбург, 1998 – 232 с.
- 127 Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.
- 128 Шаймерденова Н.Ж., Авакова Р.А. Этнос и язык. Учебное пособие. – Алматы, Қазақ университеті, 2004. – 240 с.
- 129 Суперанская А.В. Ударение в собственных именах в современном русском языке. – М.: Наука, 1966. – 360 с.
- 130 Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в литературе // *Onomastica*, 1986. – t.XXXI. – С. 6-22.
- 131 Чуб Т.В. Поэтика мужских антропонимов в «Ballade des seigneurs du temps». – Киев: Вища школа, 2005. – 430 с.
- 132 Складаревская Г.Н. О соотношений лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное». – Л., 1973. – 155 с.
- 133 Авакова А.С. Значкисты, разрядники и олимпийцы // Русский язык в школе. – 1979. – № 2. – С. 12-16.
- 134 Левашов Е.А. «Катюша» // Русская речь. – 1985. – № 1.
- 135 Левашов Е.А. Уфимец // Русская речь. – 1970. – № 4.
- 136 Абдуллаев А.А. Москвич – москвичи // Русская речь. – 1968. – № 1.
- 137 Агафонова Н.П., Ройзензон Л.И. «По Петровке пачками нэпачи с нэпачками...» // Русская речь. – 1968. – № 5. – С. 97-102.
- 138 Шварцкопф Б.С. «Урождённая Гончарова» и «урождённый москвич» // Русская речь. – 1997. – № 1.
- 139 Шацкая М.Ф. Именования глав государств // Русская речь. – 1999. – № 2.
- 140 Назаров А.И. Оттопонимные именования яицких казаков в материалах переписи 1632 года // Вопросы антропоними. – Выпуск 3. – Алматы, 2005. – С. 39-47.
- 141 Жидачевская Е.В. Отонимное словообразование на страницах русскоязычной периодики Украины (Каменец-Подольский, Украина) / Межд.

- научно-практ. конф. «Родной язык в современном обществе: взгляд молодых» // На сайте: <http://www.gaudeamus.ru/rus/confmifl1video10.htm>
- 142 Нефляшева И.А. Ключевой оним в современном дискурсе и его словообразовательный потенциал // На сайте: [www.russian.slavica.Org / topic16.html](http://www.russian.slavica.Org/topic16.html)
- 143 Нефляшева И.А. Когнитивное пространство отонимных словообразовательных гнезд // Русский язык: исторические судьбы и современность (III Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.). Труды и материалы. – М.: Изд. МАКС Пресс, 2007. – С. 223-232.
- 144 Нефляшева И.А. Об одной словообразовательной модели, актуальной для языка газеты // И.А. Нефляшева. Функционирование языка в различных речевых жанрах. – Ростов-на-Дону, 1997. – Вып. 3. – С.18-19.
- 145 Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. – М., 2003. – 363 с.
- 146 Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи (опыт частотно-стилистического словаря вариантов) / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М.: Наука, 1976. – 453 с.
- 147 Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке: Учеб. пособие / Л.П. Катлинская. – М.: Высшая школа, 2009. – 174 с.
- 148 Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. – М.: Наука, 1981. – 361 с.
- 149 Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.
- 150 Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX в. – М.; Л., 1965. – С. 62.
- 151 Баш Л.М. Дифференциация термина «заимствование»: хронологические и этимологические аспекты // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология. – 1989. – №4. – С. 20-34
- 152 Шаймерденова Н.Ж. Караганда – карагандинцы, Астана –?// Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Е.А.Букетова. – Караганда, 2005. – С. 3-5.
- 153 Мироглов Ф.В. Информационно-аналитический обзор о положении русских соотечественников в Казахстане – 2004 год. – «Русский обозреватель» – Информационно-исследовательский центр, Алма-Ата, 2005, – С.17.
- 154 Мусабекова У.Е. Ортологическая адаптация отонимических наименований Казахстана в современном русском языке // Вестник МГЛУ. Серия языковедение. – М., 2013. – С. 16-27.
- 155 Митурска-Бояновска Й., Телескопическое словообразование в русс-

- ком языке // *Slowo. Tekst. Czas VII. Nowe środki nominacji językowej. Новые средства языковой номинации в новой Европе. Neue Mittel der Sprachnominatation in neuem Europe.* – Szczecin, 2004. – С. 427-431.
- 156 Амири Л.П., Контаминации как разновидность окказионального словообразования в языке рекламы // *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты.* – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – Вып. 1. – С. 173-174.
- 157 Иванова Ж.В., Графогибридизация как разновидность графической игры (на материале языка СМИ начала XXI века) // *Языковая система и речевая деятельность: лингвокультурологический и прагматический аспекты.* – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2007. – Вып. 1. – С. 191-193.
- 158 Митурска-Бояновска Й., Аббревиация в современном русском языке // *Девятый международный симпозиум – МАПРЯЛ'06. Теоретические и методические технологии в лингвистической и методологической науке (5-8 апреля 2006).* – Велико Тырново: Изд. АСТАРВА, 2006. – С.139-141.
- 159 Борисенко В.В., Перестройка в современном русском языке // *Русский язык: исторические судьбы и современность (III Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.). Труды и материалы.* – М.: Изд. МАКС Пресс, 2007. – С. 209-213.
- 160 Крючкова М.Я. Орфографический аспект многолексемных эргонимов // *Лингвистические парадигмы: традиции и новации: Материалы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков».* Волгоград, 23 – 25 мая 2000 г. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 241 – 245 .
- 161 Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии* / Отв. ред. А.В. Суперанская / Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
- 162 Лопатин В.В. и др. *Современный русский язык: Теоретический курс: (Словообразование. Морфология).* – М.,1989. – 262 с.
- 163 Виноградов В.В. *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка.* – М., 1952. – С. 3-18.
- 164 Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* – М.; Л. 1947. – 784 с.
- 165 Мыркин В.Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой // *Филологические науки.* – 1997. – № 4. – С. 22-30.
- 165 Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. – В кн.: Грот Я. К. *Филологич. разыскания.* – СПб., 1873. – С. 459-668.
- 166 Срезневский И. И. *О русском правописании. Письмо 1.* – ЖМНП 1867. – ч. 134, май, отд. 2. – с. 449-480.
- 167 Городецкая И.Л., Левашов Е.А. *Русские названия жителей: Словарь-справочник.* – М., 2003. – 363 с.

- 168 Народы России: Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с.
- 169 Словарь названий жителей СССР / Под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. – М.: Русский язык, 1975. – 616 с.
- 170 Агеенко Ф.Л. Собственные имена в русском языке: Словарь ударений. – М., 2001. – 376 с.
- 171 Народы мира: Историко-этнографический справочник. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – 624 с.;
- 172 Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – М.: Наука, 1990. – С. 116-153
- 173 Бахвалова Т.В. К изучению истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XV-XVII вв.): дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1972. – 190 с.
- 174 Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книжный мир, 2005. – 462 с.
- 175 Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Росссийскя академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; под ред. В.В. Лопатина. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. – 279 с.
- 176 Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 743 с.
- 178 Ожегов С.И. Русская орфография// Огонек. – 1957. – № 10. – С. 28-29.
- 179 Ожегов С.И. Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в школе. 1954. – № 5. – С. 41.
- 180 Мироносицкий П.П. В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению русского правописания) // Народное образование. 1917 (май-июнь). – Т. I. – Кн. 5-6. – С. 308-321.
- 181 Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв). – М.: Эллис, 2004. – 456 с.
- 182 Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Рус. яз. в школе. – 1939. – №5-6. – С. 5-13.
- 183 Барановский Ф.Н. Принципы методики орфографии в семилетней русской школе: автореф. ... канд. пед. наук. – М., 1954. – 15 с.
- 184 Виноградова В.В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания // Русский язык в школе. – 1954. – № 4. – С. 33-37.
- 185 Шапиро Б.А. О проекте правил русской орфографии и пунктуации // Русский язык в школе. – 1954. – № 4. – С. 38-48.
- 186 Виноградов В.В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания // Русский язык в школе. – 1954. – №4. – С. 33-37.
- 187 Булаховский Л.А. Замечания по вопросу об усовершенствовании русского правописания // Русский язык в школе. – 1954. – № 6. – С. 10-24.

- 188 Гордин Л. Научно обосновать нормы правописания // Учит. Газ. (18 сент.) – 1954.
- 189 Гепнер Ю.Р. О принципах упорядочения русской орфографии и пунктуации // Рус. яз. в шк. – 1955. – №1. – С. 39-41.
- 190 Громыко В. Ликвидировать разнобой в грамматике и словарях // Учит. Газ. – 1954 (11 сент.);
- 191 Смирнова М. и др. Пора унифицировать орфографию и пунктуацию русского языка // Учит. Газ. – 1954 (14 авг.);
- 192 Чистяков В. Об исключении «исключений» // Учит. газ. – 1954 (4 сент.).
- 193 Ядвиршис К.Н. Орфографический разнобой и необходимость его устранения в интересах школы // Рус. яз. в шк. – 1955. – №1. – С. 37-39.
- 194 Никифоров В. О правилах, потерявших практическое значение // Учит. газ. – 1954 (30 окт.);
- 195 Шишов П. О правилах, потерявших практическое значение // Учит. газ. – 1954 (30 окт.);
- 196 Дергачев К. Устранить орфографические капканы // Рус. яз. в шк. – 1955. – №1. – С. 34-36.
- 197 Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956. <http://gramota.ru/spravka/rules/>
- 198 Калакуцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 197-208.
- 199 Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 432 с.
- 200 Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избр. Работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 45-49.
- 201 Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме: Социолингвистический и собственно лингвистический аспекты. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 384 с.
- 202 Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.
- 203 Наумов В.В. Государство и язык: Формулы власти и безвластия. – М.: КомКнига, 2010. – 184 с.
- 204 Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 7-269.
- 205 Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс; Универс, 1994. – 399 с.
- 206 Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 230 с.
- 207 Трошина Н.Н. Проблемы культуры языка в исследованиях Юргена Шарнхорста. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: РЖ. – М., 1996. – № 2. – С. 149-154.

- 208 Сушинский И.И. О реформе орфографии современного немецкого языка // Филол. науки. – 1997. – №3. – С. 86-95.
- 209 Домашнев А.И. Реформа немецкой орфографии // Изв. АН. Серия лит. и яз. – Т. 56. – № 6. – С. 9-13.
- 210 Мусабекова У.Е. Казахский язык как средство интеграции в формате российского поликультурного образования // Языковая политика и социально-правовые аспекты адаптации мигрантов: проблемы, реализация, перспективы: Материалы 3 международной научно-практической конференции. – Тюмень, 2010. – С. 126-130.
- 211 Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с.
- 212 Крючкова М.Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: Проблема совершенствования нормы правописания: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 157 с.
- 213 Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Словарь-справочник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1987. – 352 с.
- 214 Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника /под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. – 1955.
- 215 Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы /под ред. Р. И. Аванесова. – 5 изд. – М., 1989. – 688 с.
- 216 Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – 361с.
- 217 Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 192 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ОРТОЛОГИЯ: КАТЕГОРИЗАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
1.1. Ортология в системе лингвистических дисциплин	6
1.2. Теоретическая основа ортологии.....	10
1.3. Интегративная модель теории ортологии	18
Глава II. ДИРЕКТИВНАЯ ОРТОЛОГИЯ: НОРМАЛИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КОДИФИКАЦИЯ.....	25
2.1. Директивная ортология как самостоятельный раздел ортологии	25
2.2. Эволюция современной языковой нормы и процесс нормализации.....	31
2.3. Вариативность в нормализаторской практике.....	39
2.4. Морфологическое варьирование в грамматической правильности русской речи	46
2.5. Принципы и задачи научно-объективной нормализаторской деятельности	52
2.6. Директивы государства как регуляторы нормы (на примере употребления отонимических наименований).....	62
2.7. Инструкции и рекомендации, регламентирующие правописание отонимических наименований.....	68
Глава III. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И ФОРМООБРАЗОВАНИИ ОТОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ	74
3.1. Форма и содержание производных слов в ономаσιологическом единстве: отонимные новообразования	74
3.2. Наименования жителей в ономастическом пространстве Казахстана: проблемы номинации и тенденции развития ...	86
3.3. Функционально-стилистические и структурно- семантические характеристики отонимических наименований	110

3.4. Функционирование отонимов в эргонимии Казахстана в условиях новой ономастической ситуации (ортологический подход).....	116
3.5. Регулярность и продуктивность словообразовательных моделей отонимических наименований	122
3.6. Формообразовательные варианты и грамматическая система языка	137
3.7. Лексикографические характеристики отонимических наименований	144
Глава IV. ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ И СПОСОБЫ ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ: ОТОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАЗАХСТАНА ...	
4.1. Орфографическая ситуация и орфографическая кодификация	167
4.2. Лингвистическое содержание и структура действующей нормы	177
4.3. Проблемы орфографической кодификации новых слов.....	179
4.4. Интерпретация и реализация нормативных установок отонимических наименований	189
4.5. Анализ предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего норматива	202
4.6. Рекомендации по орфографическому оформлению отонимических наименований	211
4.7. Орфографическая ситуация в онимии и отонимии (орфограммы действующей нормы русского языка)	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	227
Список использованных источников	231

Научное издание

Улжан Есеновна Мусабекова

**ДИРЕКТИВНАЯ ОРТОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Монография

Редактор *Г.С. Бекбердиева*

Компьютерная верстка *Г.К. Шаккозовой*

Дизайн обложки: *А. Калиева*

ИБ № 12265

Подписано в печать 25.10.2018. Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Объем 15,38 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 5611. Цена договорная.

Издательский дом «Қазақ университеті»

Казахского национального университета имени аль-Фараби.

050040, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, КазНУ.

Отпечатано в типографии издательского дома «Қазақ университеті».